ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ФОСФОРОБАКТЕРИН
УЛУЧШАЕТ ФОСФОРНОЕ ПИТАНИЕ РАСТЕНИЙ И ПОВЫШАЕТ УРОЖАИ

Челябинск — стройкам коммунизма

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Сварщик И. Безверхов на сварке деталей бульдозера.

Челябинск... Этот некогда сонный, провинциальный городок за годы сталинских пятилеток стал гордостью советской индустрии. Челябинские предприятия выпускают самую разнообразную продукцию — от ручных часов до гигантских стальных конструкций для высотных зданий.

Рано просыпается город-труженик. Его будит согласный хор утренних заводских гудков. В эту музыку вплетают свои голоса мощные паровозы. Во все концы страны везут они эшелоны с изделиями, сработанными руками челябинцев, и на многих вагонах красуется надпись: «Южноуральцы — стройкам коммунизма».

Не раз строители каналов и гидростанций помянули добрым словом рабочих и инженеров Челябинского тракторного завода. «Сталинец-80» выносит на своих плечах большую долю трудоемких работ. На берегах Волго-Дона работает более тысячи таких машин.

Строители тракторов применяют передовую технологию — скоростное резание, литье под давлением. Только за прошлый год рабочие и техники Челябинского тракторного завода своими рационализаторскими предложениями сэкономили свыше 32 миллионов рублей.

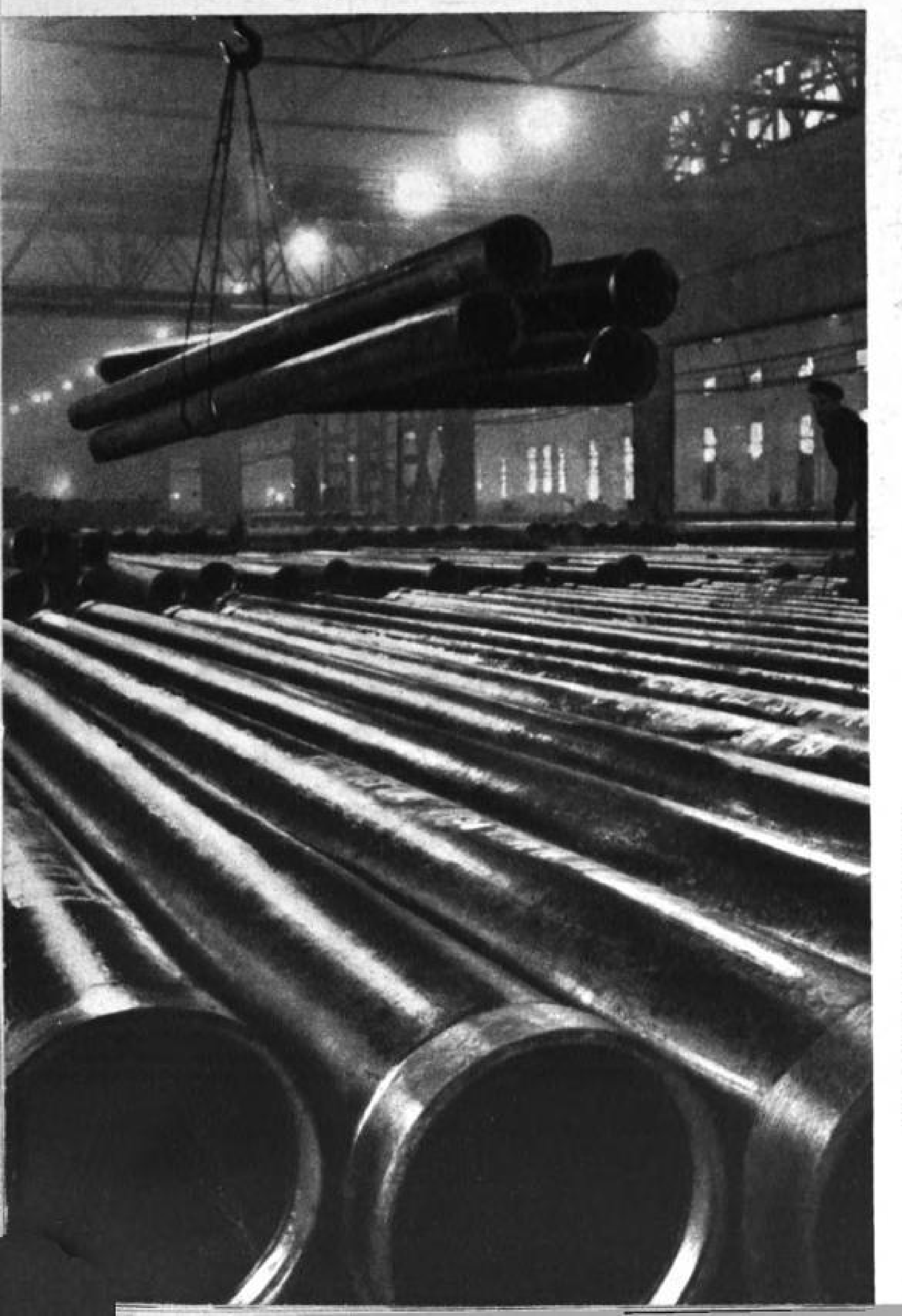
В нынешнем году коллектив завода имени Колющенко уже отправил строителям Куйбышевского и Сталинградского гидроузлов десятки дорожных машин — бульдозеров, скреперов, грейдеров. «Полученная от вас техника в надежных руках, — пишут челябинцам волгодонцы. — Благодарим вас за ваш поистине вдохновенный труд!» В эти дни конструкторы и рабочие заняты изготовлением мощного грейдера, для которого минские автостроители делают специальные тягачи.

С радостью участвуют в создании грандиозных сооружений челябинские трубопрокатчики. Они шлют свою продукцию на берега Волги и Днепра, в Крым и Тахиа-Таш.

Б. МИХАЙЛОВ,
Б. ЛЕЩИНСКИЙ

Слесарь-сборщик В. Николаев (справа), побывавший на строительстве Волго-Донского канала, передает конструкторам А. Рябухину и М. Зиминой замечания строителей.

Эти трубы изготовлены для великих строек.



Тракторы «С-80» идут в Сталинград.

Пять лет назад, 29 марта 1947 года, Президиум Верховного Совета Союза ССР издал Указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда и награждении орденами и медалями СССР колхозников, работников МТС и совхозов за получение высоких урожаев пшеницы, ржи, кукурузы, сахарной свеклы и хлопка.

В решении важнейшей задачи подъема сельского хозяйства — повышения урожая — большую роль играют колхозники-опытники.

На первой странице обложки (слева направо): агротехник колхоза имени Сталина, Краснощековского района, Алтайского края, Герой Социалистического Труда Г. И. Щербинин, свинарка колхоза имени Буденного, Купинского района, Новосибирской области, М. Л. Гладченко и заведующий Домом сельскохозяйственной культуры колхоза «Большевистский путь», Марьяновского района, Омской области, Г. Д. Удовиченко беседуют о своей работе во время межобластного совещания колхозников-опытников.

Фото М. Савина

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
30-й год издания
№ 13 (1294)
23 МАРТА 1952
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Лауреаты СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Ежегодное присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, изобретательства, литературы и искусства является большим событием в жизни всей Советской страны. Всенародным почетом окружены имена людей, чьи творческие достижения укрепляют могущество созидательного труда, приближают нас к светлому коммунистическому будущему.

Одиннадцатый раз ученые, изобретатели, новаторы, деятели литературы и искусства удостаиваются премии имени великого Сталина. Перечитывая новый список лауреатов, мы как бы присутствуем на смотре замечательных успехов, которых добилась наша социалистическая Родина в минувшем году.

Семимильными шагами движется вперед советская наука. Она проникает в сокровенные тайны материи, вооружает человека новыми средствами покорения стихии, ярким светочем знания озаряет преобразующий природу труд миллионов строителей коммунизма. Сила передовой сталинской науки в том, что любое ее открытие в любой из областей имеет своей конечной целью улучшение условий жизни и труда человека.

Если б было возможно окинуть взглядом все машины, агрегаты и приборы, созданные у нас в 1951 году, какое величественное зрелище технического гения нашего народа открылось бы перед глазами! Но как ни совершенна сама по себе эта техника, прежде всего мы находим в ней проявление заботы о советском человеке, о подъеме его материального благосостояния и культурного уровня. Характерно, что наряду с успехами творческой мысли в области машиностроения, металлургии, сельского хозяйства Сталинскими премиями отмечены работы, направленные к охране человеческого здоровья.

Как и в прежние годы, высокую награду получают стахановцы промышленности, транспорта и сельского хозяйства, чей самоотверженный труд открывает огромные производственные резервы. Это, как говорил товарищ Сталин, «...неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела», которые прокладывают новые пути науки и техники.

В списке лауреатов Сталинской премии — работников литературы и искусства — мы встречаем имена пользующихся всенародной известностью художников и художников молодых, завоевавших признание первыми своими выступлениями. Отличительные черты всех премированных произведений заключаются в том, что они близки и понятны нашему народу, в них правдиво показаны картины народной жизни. Свидетельством нерушимых связей нашей культуры с передовой культурой других стран является включение в список лауреатов выдающихся писателей Китая, Венгрии и Франции.

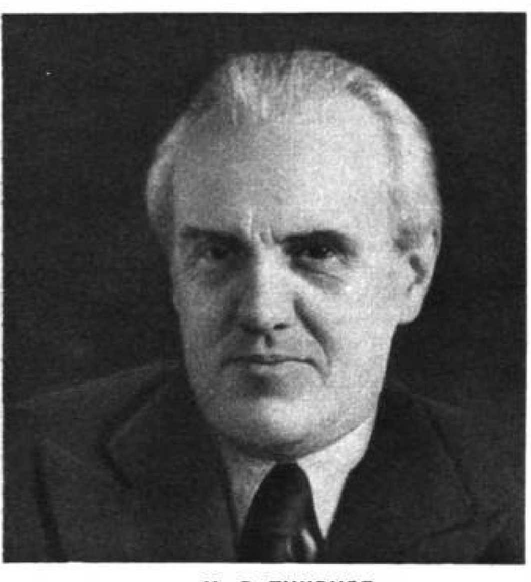
Присуждение Сталинских премий — яркая демонстрация мирных устремлений советского народа. Капиталистический мир окружает ореолом героя подлых убийц, сеющих смерть в городах и на полях Кореи, создающих новые средства массового уничтожения людей, вершащих свой бизнес на крови и поте тружеников. У нас, в светлом мире социализма, народ венчает лаврами тех, кто все свои силы и знания отдает служению интересам человека, во имя великой цели — построения коммунистического общества.

Н. В. БЕЛОВ, член-корреспондент Академии наук СССР, премия присуждена за научные труды по атомной структуре кристаллов.

И. И. ЧЕРНЯЕВ, академик, премия присуждена за исследования в области реакций замещения во внутренней сфере и стереохимии комплексных соединений.

Б. К. САРАФАНОВ, слесарь, премия присуждена за участие в создании винторезного станка высокой точности.

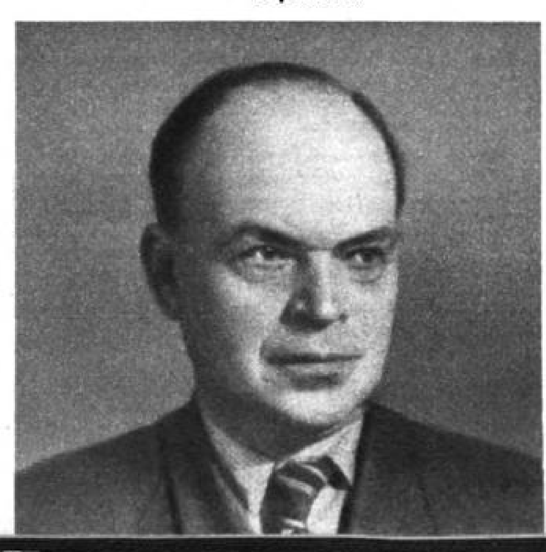
Н. Ф. УМАНСКИЙ, старший чабан колхоза, премия присуждена за усовершенствование методов работы в тонкорунном овцеводстве.



Н. С. ТИХОНОВ, поэт, премия присуждена за циклы стихов «Два потока», «На Втором Всемирном конгрессе мира».

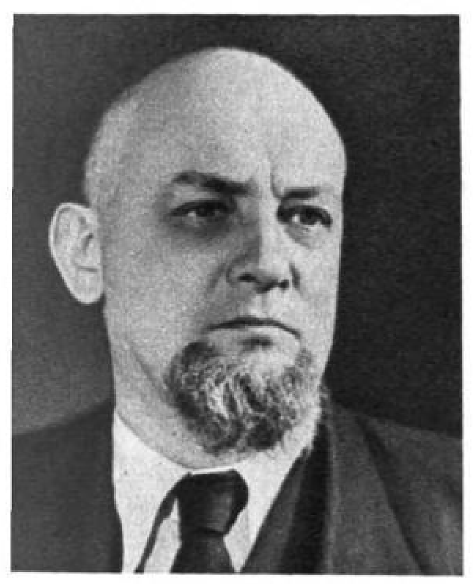
Ю. М. НЕПРИНЦЕВ, художник, премия присуждена за картину «Отдых после боя».

М. Н. КЕДРОВ, режиссер, народный артист СССР, премия присуждена за спектакль «Плоды просвещения» в МХАТ имени Горького.



П. Г. КОРНЕВ, действительный член Академии медицинских наук СССР, премия присуждена за научный труд «Костно-суставной туберкулез».

Д. И. БЛОХИНЦЕВ, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР, премия присуждена за учебник «Основы квантовой механики».



Н. Н. ВОРОЖЦОВ (младший), профессор, премия присуждена за участие в создании учебного пособия «Основы синтеза промежуточных продуктов и красителей».

А. И. МИКОЯН, главный конструктор, премия присуждена за работу в области самолетостроения.

А. Н. ТУПОЛЕВ, главный конструктор, премия присуждена за работу в области самолетостроения.

Новое в науке о нашей планете

Перелистываем книгу «Форма и размеры Земли по современным данным». Почти все двести страниц заполнены формулами, сложными математическими уравнениями. Не всякому читателю доступно содержание такой книги.

Мы просим автора — профессора А. А. Изотова — популярно изложить суть его научного труда.

— На простом русском языке? — переспрашивает профессор с улыбкой.— Что ж, попробую...

И после минутного раздумья говорит тихо, словно вспоминая что-то очень давнее:

— Трудным был для меня когда-то русский язык...

Случайная эта реплика придает беседе неожиданный оборот. Хотя сам Александр Александрович считает свою биографию обычной, рядовой для советского ученого наших дней, слушая его, невольно испытываешь волнение.

Двенадцати лет обучился грамоте чувашский мальчик Саша Изотов из бедной деревеньки Аблязкино. Юношей, поступив на рабфак при Казанском университете, он еще слабо разбирался в значении многих русских слов, впервые услышанных в городе. Выдающиеся способности, настойчивость и упорство взяли свое. В 1932 году, получив диплом астронома-геодезиста, Александр Александрович остался в аспирантуре Московского геодезического института.

Геодезия... Древняя наука об измерении Земли, связанная с именами таких мыслителей, как Пифагор, Аристотель, Ньютон. Немалый вклад внесли в геодезию русские ученые прошлого. Но только советская власть по достоинству оценила все огромное народнохозяйственное значение этой науки.

На просторы родной земли вышла огромная армия советских геодезистов и топографов. Продвигаясь через пустыни и тундры, преодолевая тайгу и горные хребты, наносили они на карты гигантские, не исследованные прежде пространства. На стройках заводов и городов, на изысканиях железных дорог, шоссе, каналов геодезисты и топографы идут впереди, как разведчики великого наступления. В СССР точнейшие астрономические наблюдения, триангуляции и нивелировки произведены на территории, превышающей США и Индию, вместе взятые. Примерно за 30 лет выполнена работа, на которую в других странах потратили более столетия.

В глубокой древности возникло учение о шарообразности Земли. В XVIII веке Ньютон установил, что истинная форма Земли не шар, а эллипсоид — тело, несколько сжатое в направлении оси вращения.

В середине XIX века немецкий ученый Бессель определил радиус экватора и полярное сжатие. С 1924 года Международным геодезическим союзом были приняты данные американского ученого Хейфорда.

Работы советских астрономов и геодезистов выявили, что данные Бесселя и Хейфорда далеко не точны.

Определением формы и размеров Земли много лет назад начал заниматься член-корреспондент Академии наук СССР профессор Феодосий Николаевич Красовский. Вскоре он привлек к этому делу своего ученика, молодого аспиранта А. А. Изотова и в начале 1937 года поручил ему продолжать исследования.

Были проделаны тысячи сложных математических вычислений, использованы обширные астрономо-геодезические материалы СССР, а также США и Западной Европы. И вот результаты исследований обобщены, сведены воедино. Книга А. А. Изотова стала обязательным пособием для каждого геодезиста, картографа. Многолетнее творческое содружество двух советских ученых высоко оценено Родиной.

— Итак, что же представляет собой наша планета по новейшим данным? — говорит Александр Александрович.— Земля имеет сложную, только ей присущую форму: «геоид», землеподобный. С 1946 года новые данные о размерах Земли приняты для всех геодезических и картографических работ в СССР.

— Наш труд — лишь один из этапов изучения формы и размеров Земли,— заключает беседу Александр Александрович.— Впереди еще много нерешенных проблем. Над их разработкой настойчиво трудятся геодезисты, астрономы, геофизики, обогащая человечество новыми сведениями о планете, укрепляя приоритет самой передовой в мире, советской науки.

Профессор А. А. Изотов.

С. МЕСЯЦЕВ

Два московских токаря

Их фамилии стоят рядом в списке лауреатов Сталинских премий за 1951 год — Борис Кулагин с Завода шлифовальных станков и Сергей Бушуев с Автозавода имени Сталина. Это — уже второе поколение советских токарей-скоростников, талантливых последователей первых новаторов.

Когда Борис Кулагин после войны вернулся на родной завод, зачинатель движения скоростников Павел Быков уже закончил первую послевоенную пятилетку, и имя его гремело на всю страну. Кулагин, соскучившийся по мирному труду, включился в движение скоростников. Сергей Бушуев тоже учился у Павла Быкова и Генриха Борткевича, воспринимал их опыт. Но оба токаря не слепо копировали своих учителей: каждый шел своим творческим путем.

С. М. Бушуев.

Борис Кулагин обязался выполнить на своем станке без ремонта двадцать пять годовых норм. Ныне он заканчивает выполнение двадцать седьмой нормы. Станок Кулагина ни разу не требовал ремонта. Таким образом, токарь-новатор опроверг опасения, что скоростное резание приведет к быстрому износу оборудования. А ведь Борис Кулагин, обрабатывая крупные чугунные детали керамическими резцами, достиг таких скоростей, о каких прежде и понятия не имели,— до тысячи метров в минуту.

— На войне,— рассказывает Кулагин,— я был связистом. Самым сильным звуком казался нам зуммер телефонного аппарата. Связист мог спать под грохот любой бомбежки, но если в этот хаос звуков вплетался голос телефона, он вскакивал. Эту особенность своей военной профессии я перенес в мирную обстановку. Всегда, почти бессознательно, я прислушиваюсь к станку, улавливая каждый неверный звук.

Борис Кулагин разработал свою систему крепления деталей, увеличения жесткости и виброустойчивости станка. Он часто применяет двухрезцовую обработку, вдвое повышающую производительность его труда.

Блестящее овладение техникой и неуклонное стремление вперед явились залогом успехов и автозаводского токаря Сергея Бушуева, хотя творческий метод его отличен от метода Кулагина. Сергей Бушуев работает на стали. У него своя геометрия резца, свои

приемы скоростного резания. Он сконструировал специальный шкаф с наклонными полочками для рационального хранения инструментов. Он по-своему организовал рабочее место и модернизировал быстроходный токарно-винторезный станок.

Токарь достиг скорости резания 1 667 метров в минуту. Потом он превысил и эту цифру, доведя скорость до 2 тысяч метров. Интересны цифры выполнения Сергеем Бушуевым норм выработки: от 1 430 до 2 300 процентов за смену. Ноябрь прошлого года явился рекордным — за восемь часов Бушуев выполнил норму на 2 658 процентов, что составляет месячную норму токаря. За два месяца этого года он уже завершил годовую норму.

Таковы успехи двух московских токарей. Несмотря на особенности их творческих исканий, есть у них обоих одна общая черта, свойственная им как передовым советским рабочим. Это тесная связь с наукой, активное участие в ее прогрессе. Наука дает им ответы на возникающие в практической работе вопросы, своей деятельностью они сами обогащают науку.

Сергей Бушуев учится в вечернем станкоинструментальном техникуме. Здесь он ученик. Но затем он превращается в педагога: токарь читает лекции студентам Московского университета, учащимся стахановской школы, а порой преподавателям своего же техникума.

Борис Кулагин — частый гость кафедры резания Московского станкоинструментального института имени И. В. Сталина. Каждый семестр он читает лекцию студентам института.

...Таковы два московских токаря — Сергей Бушуев и Борис Кулагин,— рабочие Советской страны, чей творческий труд увенчан почетной Сталинской премией.

Я. ЯКОВЛЕВ

— От души поздравляю тебя с высокой наградой! — говорит Борису Ивановичу Кулагину (слева) один из лучших фрезеровщиков завода. В. Н. Яшкин.

Завод строит шоссе

По проселочной дороге, вздымая облака пыли, на малой скорости идут гусеничные тракторы, буксирующие вместительные платформы. На платформах стоят низкорослые, будто распластавшие крылья машины шириной более семи метров.

Водитель головной машины решительно свернул с дороги в степь, увлекая за собой стальной караван, который, преодолевая низкие бугры, колыхался и грохотал.

Первый трактор подошел к деревянному колышку и застыл, как вкопанный. Зарокотал стоящий на платформе легкий передвижной кран и скатился на землю. Он снимал с платформы и укладывал перед собой рельсы. Скоро возникла маленькая железнодорожная колея, отличающаяся своей необычайной шириной.

Вот включилась в работу и вторая машина — маленькая, похожая на тачку. Ее единственное колесо поставили на рельс — он чуть вздрогнул, загудел; машина уверенно двинулась вперед и своими двумя стержнями, словно молотами, с силой била по земле, заталкивая ее сначала под один рельс, а затем и под другой. Теперь они лежали на более прочном фундаменте.

Вслед пошла еще одна машина — тринадцатитонный профилировщик. Он быстро катился по рельсам, рыл между ними землю и оставлял за собой ровную выемку глубиной в 20 сантиметров. Эту выемку — ее называют корытом — наполнят цементо-бетоном. Такое покрытие более совершенно, чем асфальтовое. Цементо-бетон служит десятилетия без ремонта.

Созданный в последнее время оригинальный советский метод строительства высококачественных дорог открывает новую страницу в этой отрасли техники. Вся тяжесть работы ложится на выносливые плечи машин, заменяющих ручной труд.

Еще в недавнем прошлом лопата и кирка были главными инструментами дорожника. В годы сталинских пятилеток одна за другой стали появляться дорожные машины, выполняющие трудоемкие операции.

И вот наступил день, когда советским конструкторам удалось полностью механизировать прокладку дорог. Это сделал коллектив специалистов: А. И. Легейда — начальник Главного управления Министерства строительного и дорожного машиностроения, М. И. Эстрин, К. П. Лебедев, Е. Г. Стригин — научные сотрудники Ленинградского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института строительного и дорожного машиностроения, С. Н. Скибицкий, П. М. Совсимов — инженеры завода, А. Н. Защепин — начальник отдела Дорожного научно-исследовательского института, ныне удостоенные Сталинской премии.

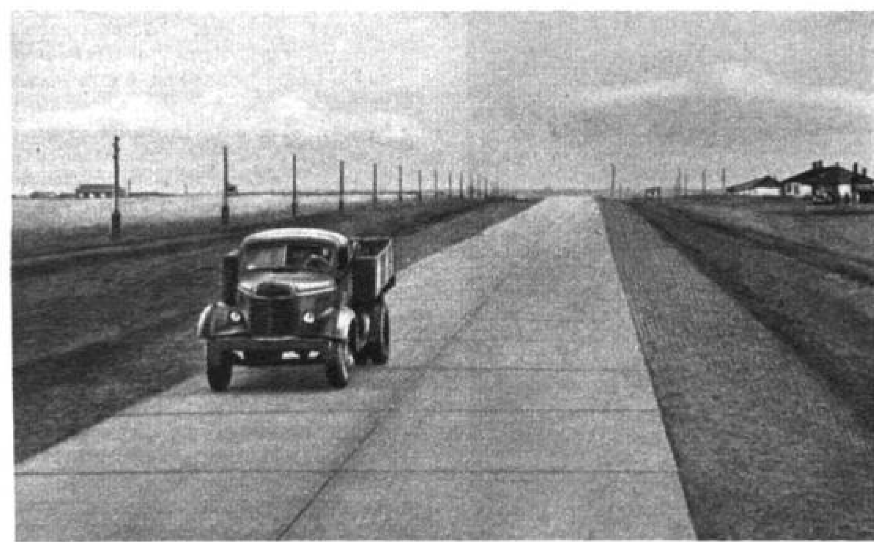
Творческий коллектив сообща решил сложную и важную народнохозяйственную задачу.

Советские инженеры расчленили постройку дорог на отдельные операции. Каждую из них выполняет машина, которая работает, как узкий специалист.

По самым скромным подсчетам, комплект из восьми машин заменяет ручной труд 300 человек. Еще в одной отрасли техники наша Родина заняла ведущее место в мире.

В сжатые сроки, с минимальными затратами советские дорожники проложат новые автомобильные магистрали, которые, словно кровеносные артерии, пронижут необъятные просторы нашей страны.

Я. КОРШ



Цементо-бетонная дорога

Г. Я. БЕЙ-БИЕНКО, профессор, премия присуждена за участие в научном труде «Саранчевые фауны СССР и сопредельных стран».

В. Д. ТИМАКОВ, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, премия присуждена за участие в коренном усовершенствовании методов производства лечебно-профилактических препаратов.

В. И. АВДИЕВ, профессор, премия присуждена за научный труд «История древнего Востока».

С. А. ХРИСТИАНОВИЧ, академик, премия присуждена за работу в области техники.

А. П. ЖАНДАРОВА, О. П. СЛЕДКОВА (АГАФОНОВА), токари, премия присуждена как инициаторам социалистического соревнования за отличное выполнение каждой производственной операции.

П. Г. СЕРГИЕВ, руководитель работы, премия присуждена за участие в разработке и внедрении в практику здравоохранения комплексной системы мероприятий, обеспечившей резкое снижение заболеваемости малярией в СССР.

Н. И. КРАСНОГОРСКИЙ, действительный член Академии медицинских наук СССР, премия присуждена за исследования высшей нервной деятельности у детей.

Омар ПАКАЛОВ, старший чабан колхоза, премия присуждена за участие в выведении новой породы полутонкорунных овец «Дагестанская горная».

Судьба народа

Роман народного писателя Латвии Вилиса Лациса «К новому берегу» — значительное достижение нашей советской литературы.

Начало повествования относится к двадцатым годам. Перед нами уголок провинциальной Латвии, Пурвайская волость, где, как и повсюду в стране, тон задают эксплуататоры и кулаки вроде Тауриня.

В. Лацис хорошо показывает, что, какие бы эксплуататоры ни пытались подчинить себе латышский трудовой народ, именно он остается подлинным хозяином истории.

Олицетворением его духовной и физической силы, его несгибаемого упорства, трудолюбия является главный герой романа большевик Ян Лидум. Ян и его сестра Ильза — дети геройски погибшего революционера Петера Лидума. Как и отец, Ян ни перед кем не гнет голову. В старой Латвии таких непокорных, сильных людей из народа недолго оставляли на свободе. И действительно, пронюхав о революционной деятельности Яна, его бросают в тюрьму. Оказавшись в тюрьме, Ян читает, учится и вместе с товарищами продолжает борьбу.

Таким же гордым, сильным и смелым человеком является Ильза, сестра Яна. У нее внебрачный ребенок, Артур, от подкулачника Антона Пацеплиса. Ценою огромного упорства и труда она дает своему сыну образование, выводит его в люди. И Артур не обманул ожиданий матери: он пошел по стопам своего дяди Яна.

Такие люди, как Ян, Ильза, Артур, неизбежно приходят под знамена коммунистической партии и с той поры обретают в жизни ясную и благородную цель. А вот Антону Пацеплису так и не удалось пристроиться на хлебах у богачей. Надежды на приданое рухнули. Сын от первой жены — Бруно — оказался мелким человеком. Впоследствии он скатывается в стан врагов народа. Зато дети Пацеплиса от второй жены — Анна и Жан — вырастают честными тружениками, впоследствии становятся комсомольцами, строителями новой Латвии.

Первая часть романа оканчивается Великой Отечественной войной. Вторая часть романа всецело посвящена послевоенному строительству социализма в Латвии. Ян Лидум становится крупным партийным работником, затем министром. В Пурвайской волости организуется колхоз.

Новая, социалистическая Латвия рождается в жестоких боях с классовым врагом, в упорной борьбе с пережитками рабского прошлого.

По-разному складываются в этих условиях судьбы героев романа. Так, сын Яна Лидума Айвар попал на воспитание к кулаку Тауриню, который пытался вырастить из него верного слугу буржуазно-фашистского строя. Но общение с простыми людьми, такими, как садовник Лангстынь, Артур Лидум, Анна, во многом парализовало его усилия. Впоследствии Айвар окончательно порвал с миром Тауриней.

Много человеческих историй проходит перед нами в новом романе Лациса. И все они, сплетаясь воедино, раскрывают смысл истории наших дней, когда все дороги ведут к коммунизму.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Хоровой цикл Д. Шостаковича

В пятый раз отмечаются Сталинскими премиями произведения талантливого советского композитора Дмитрия Шостаковича. Высокая патетика, глубина художественной мысли согревают и одухотворяют лучшие его произведения.

Новое сочинение Д. Шостаковича — десять поэм для хора — написано на тексты стихов русских революционных поэтов 1890 — 1917 гг.: Л. Радина, Е. Тарасова, А. Гмырева и других. Не все хоры равноценны по силе своего воздействия, но цикл в целом воспринимается, как монументальная историческая эпопея о героической борьбе нашего народа против темных сил самодержавия и капитализма.

В цикле порывистые, призывные хоры («Смелей, друзья, идем вперед» или «На улицу») чередуются с трагическими, скорбными («Казненным», «Смолкли залпы запоздалые»). Отдельные эпизоды написаны в повествовательном, народно-эпическом складе («Девятое января»). Последние три хора — «Они победили», «Майская песня» и заключительная «Наша песня» — звучат, как предчувствие близкой победы.

Многогранный по содержанию, насыщенный большой эмоциональной силой, законченно-ясный по художественной форме, этот хоровой цикл захватывает и глубоко волнует слушателей.

Композитор Д. Д. Шостакович

Встреча

В годы Великой Отечественной войны не было для наших бойцов стихов, более любимых и знакомых, чем «Василий Теркин». Помнится, достаточно было появиться новому отрывку во фронтовой газете, как сейчас же его вырезали и прятали в карманы гимнастерок. И уже через день — другой «Теркин» начинал путешествовать по передовой: стихи читали в минуты передышки, самодеятельные артисты декламировали их на импровизированных концертах.

И вот на Всесоюзной художественной выставке 1951 года я с удовольствием встретился опять со старым приятелем.

Есть картины, которым веришь с первого взгляда. Таков и «Отдых после боя» Ю. Непринцева. Художник взял очень обычную сценку — таких бывало в жизни сколько угодно. И общее настроение правильно передано, и, главное, у каждого бойца свой характер и особенности. Все бойцы увлечены рассказом Теркина, и даже старым воякам нравится, как это ловко у товарища рассказ получается. Пожилой солдат с пышными усами напомнил мне двух приятелей из части, которой я командовал. Были оба они немолоды, воевали еще в империалистическую войну. Сначала определили их обоих на кухню, но «папаши» оказались боевыми, частенько отпрашивались на передовую: то в операции примут участие, то в разведку сходят. Под Корсунь-Шевченковским наша танковая часть с ходу выбила немцев из населенного пункта и пошла дальше, преследуя врага. И вот деревня вся в огне, догорают подожженные противником дома, а среди пожарища «папаши», замаскировав свою кухню, уже замесили тесто, а из остатков кровельного железа гнут противни — пироги печь: «Надо ж ребят хоть пирожком побаловать». И все это быстро, ловко, с прибауткой.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что каждый из нас, бывших фронтовиков, узнает в героях картины своих знакомых. Это большая заслуга художника.

Н. М. КОШАЕВ,
Герой Советского Союза

В. Т. ЛАЦИС,
писатель, премия присуждена за роман «К новому берегу».

В. Л. ВАСИЛЕВСКАЯ,
писательница, премия присуждена за трилогию «Песнь над водами» («Пламя на болотах», «Звезды в озере», «Реки горят»).

С. П. ЗЛОБИН,
писатель, премия присуждена за роман «Степан Разин».

ДИН ЛИН,
китайская писательница, премия присуждена за роман «Солнце над рекой Сангань».

Андре СТИЛЬ,
французский писатель, премия присуждена за роман «Первый удар».

Выдающийся пролетарский писатель

На шахтах французского Севера, в крае угля, овеваемом влажными морскими ветрами, уже долгое время шла забастовка... А через несколько месяцев после ее окончания, в 1949 году, Андре Стиль, вдохновленный героической борьбой рабочих, опубликовал свою первую книгу, название которой говорило само за себя: «Гордое слово «шахтер». Через год появился еще один сборник его рассказов — «Сена» вышла в море». В этих книгах прозвучал голос передового, не сгибающегося перед трудностями борьбы рабочего. Перед читателями прошла работница Клэр, мужественная и в то же время полная обаяния; молодой рабочий вьетнамец Люан и папаша Жером, герой горняцких стачечных боев.

Борющаяся народная Франция получила нового писателя-борца...

Некоторое время спустя Андре Стиль по решению Центрального комитета Коммунистической партии Франции стал главным редактором газеты «Юманите». Семьсот номеров газеты, над которыми мы вместе работали, дали мне возможность быть свидетелем того, как рождался роман Андре Стиля «Первый удар» — лучшее произведение тридцатилетнего писателя, книга, удостоенная ныне почетной награды — Сталинской премии.

Американцы ткут свою паутину над страной Вольтера и Виктора Гюго. Поджигатели войны с Уоллстрита мечтают превратить Францию в свое предмостное укрепление, а потом в гигантское кладбище. Но миллионы французов и француженок не хотят примириться с этим: они желают мира. В первых шеренгах этой подлинно национальной, патриотической борьбы французского народа шли и идут героические рабочие-докеры. Большой заслугой Андре Стиля является то, что он описал «первый удар» этой великой битвы.

Долгие дни Андре Стиль думал о том, как лучше выполнить свой долг писателя в развернувшейся борьбе. Каждая страница «Первого удара» говорит о чувстве большой ответственности писателя перед своими героями, взятыми прямо из жизни. Он рисует их ярко и правдиво, с речью, свойственной им одним, с мягкой и тонкой иронией, которая отражает простую и теплую любовь к жизни. «Нищета — подкладка для шинели цвета хаки» — такие блестки народного юмора рассеяны по книге Андре Стиля.

Через несколько дней после появления романа «Первый удар» бездомные семьи рабочих порта Ла-Паллис заняли замок Лялё. То, что было написано в книге, «вписалось» в действительность. Мечты писателя были, оказывается, мечтами бездомных рабочих. Никогда я еще не видел Андре Стиля таким счастливым, как после этого события.

Большой мастер слова, Андре Стиль сумел в «Первом ударе», как и в его продолжении — «Пушечном выстреле»,— отразить величие борьбы французского народа. «...Мы знаем, что рабочий класс — передовой отряд нации,— восклицает один из его персонажей.— Мы должны уметь первыми взять на себя ответственность. Это — единственное средство вести за собой остальных». Так раскрывает Андре Стиль душу народного движения нынешней Франции.

Когда я прочитал в «Правде» о присуждении Сталинской премии этому певцу мужественных докеров нашего Атлантического побережья, я вспомнил об одной фразе Стиля, сказанной им год назад. Было два часа ночи. Мы поднимались с ним из типографии с только что отпечатанным номером «Юманите» в руках. За окнами виднелся спящий Париж. Помолчав несколько минут, Андре Стиль сказал, улыбаясь: «...говорят о жертвах, об усилиях, о трудностях... Награда за все — в том, что ты чувствуешь, как поднимаешься до уровня величайших дел, которые волнуют всех людей, все человечество... Начав однажды думать о других людях, болеть их болью,— ты навсегда сохраняешь их в себе...»

В этой мысли — ключ к книге Андре Стиля, получившей такую почетную оценку в стране победившего социализма.

Жан КУЭН

Памятник А. М. Горькому

Буревестник революции, борец и гражданин — таким встает А. М. Горький в новом памятнике, сооруженном в прошлом году в Москве, на площади Белорусского вокзала. Пристальный, изучающий взгляд писателя устремлен вдаль, он как бы на мгновенье задержался на пути, подставив непокрытую голову с непослушно разметавшимися волосами порыву ветра, спокойный, сосредоточенный, погруженный в свои мысли. Глубокой горьковской человечностью и мудростью веет от этого простого, незабываемого облика великого гуманиста.

Идея создания памятника Горькому возникла сразу после смерти писателя. На объявленный конкурс горячо откликнулись многие художники, и уже в 1939 году были утверждены два проекта: И. Шадра — для Москвы и В. Мухиной — для города Горького. Первый представлял писателя уже в годы его творческой зрелости, второй — совсем молодым, каким довелось ему жить в старом Нижнем Новгороде. Но осуществить свой замысел Ивану Шадру не удалось: в 1941 году он умер. Казалось бы, проекту так и суждено было остаться проектом и числиться среди невыполненных работ мастера. И вот произошло то, чего не знает и никогда не будет знать художественная практика буржуазных стран: бригада скульпторов во главе с В. Мухиной взялась завершить прерванную работу. Был доработан проект, переведен в нужный размер. Авторы стремились по мере возможности сохранить неприкосновенность первоначального замысла.

Многолетняя работа была закончена в 1951 году, и памятник получил всенародное признание.

Мастерство

Это было совершенно необычно для зарубежных любителей музыки. На эстраду крупнейшего концертного зала Праги—имени Сметаны, где шло выступление советских участников фестиваля «Пражская весна 1951 года» — пианистов, скрипачей, виолончелистов,— вышел исполнитель на балалайке Павел Нечепоренко. На своем, казалось бы, нехитром инструменте талантливый музыкант виртуозно и проникновенно исполнил произведения классического репертуара, народные мелодии.

«Какая прелесть эти балалайки, какой поразительный эффект могут они дать в оркестре; по тембру это незаменимый инструмент»,— писал в свое время П. И. Чайковский. Павел Нечепоренко относится к числу тех русских виртуозов, которые добились исключительного мастерства в сольном исполнении. Первый из исполнителей на народных инструментах, он удостоен высокого звания лауреата Сталинской премии.

На снимке: выступление Павла Нечепоренко.

С. Ф. БОНДАРЧУК, заслуженный артист РСФСР, премия присуждена за участие в кинофильмах «Тарас Шевченко» и «Кавалер Золотой Звезды».

В. И. МУХИНА, народный художник СССР, премия присуждена за участие в создании памятника А. М. Горькому в Москве.

В. Г. ЗАХАРОВ, народный артист СССР, премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

П. М. КАЗЬМИН, народный артист РСФСР, премия присуждена за концертно-исполнительскую деятельность.

«В ЛЕБЯЖЬЕМ»

Молодой драматург Дмитрий Девятов создавал свою первую пьесу «В Лебяжьем» в тесном содружестве с Тамбовским областным драматическим театром имени Луначарского.

Работая в газете «Тамбовская правда», Девятов часто разъезжал по области, бывал в самых отдаленных районах. Знание колхозной деревни помогло автору найти нужную и интересную тему для своего первого драматургического произведения. В пьесе «В Лебяжьем» рассказывается об укрупнении колхозов, о том, как сама жизнь подсказывает необходимость этого мероприятия.

Девятов принес в театр произведение интересное, своеобразное, наполненное дыханием жизни. 6 ноября 1950 года Тамбовский театр показал премьеру «В Лебяжьем», и вот уже второй сезон этот спектакль с неизменным успехом идет на его сцене.

Постановщик спектакля Вл. Галицкий подошел к пьесе Девятова, как к комедии правдивой и реалистической. В спектакле не чувствуется стремления во что бы то ни стало насмешить зрителя, но вся постановка насыщена жизнерадостностью, богата настоящими актерскими удачами. Особенный интерес вызывает образ Степана Королева, созданный артистом А. Буниным,— упрямого и даже несколько заносчивого, не желающего прислушаться к чьему-либо мнению. В то же время горячая любовь к своему делу помогает Королеву осознать свои ошибки. С заразительным юмором, нигде не изменяя жизненной правде, играет строптивого деда Прокопыча заслуженный артист РСФСР И. Марин.

«В Лебяжьем» — бесспорное творческое достижение одаренного коллектива.

И. САХАРОВА

Страница истории

Около сорока лет тому назад на Ленских приисках произошли события, открывшие новую страницу в истории революционной борьбы русского пролетариата,— стачка шахтеров, зверский расстрел безоружных рабочих. Товарищ Сталин писал в 1912 году: «Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения. Тронулась!..»

Пьеса П. Маляревского «Канун грозы», поставленная Иркутским областным драматическим театром (постановщик — народный артист БССР В. Головчинер), посвящена этим событиям. Главная роль в спектакле принадлежит народу. В образах большевиков и членов стачечного комитета перед зрителями встают простые русские люди, поднятые большевистской партией на организованную борьбу. От картины к картине показывается нарастание народного гнева против угнетателей, достигающее наивысшей силы в сцене столкновения шахтеров с начальством промысла. Исполнители сумели раскрыть душевную красоту, чувство собственного достоинства, несгибаемую волю своих героев. На собственном опыте приходят рабочие люди к пониманию того, что только в борьбе с угнетателями рабочий класс завоюет свободу.

Спектакль «Канун грозы»—одна из совместных работ П. Маляревского с иркутскими театрами. В таком же тесном содружестве с драматургом театральными коллективами Иркутска были осуществлены постановки его пьес «Костер», «Кот в сапогах», «Меч Китая».

Я. БЕЛКИН

«Канун грозы» П. Маляревского в Иркутском областном драматическом театре. Сцена из 4-го действия. У ворот склада.

К берегам Антарктики

Одиннадцать тысяч миль отделяют Одесский порт от Антарктики. Этот дальний путь ежегодно преодолевает советская флотилия «Слава», ведущая китобойный промысел между 50-м и 70-м градусами южной широты. За каждый рейс «Слава» покрывает расстояние, равное кругосветному плаванию по экватору.

Равноправным членом дружной команды «Славы» стал оператор Центральной студии документальных фильмов С. Коган. Несколько лет тому назад он снял черно-белый фильм «За китами в Антарктику». Но уже тогда С. Коган понимал, насколько бы выиграла картина, если бы она была цветной.

Захваченный романтикой морских походов, увлеченный полным труда и опасностей китобойным промыслом, С. Коган решил снова заснять рейс флотилии «Слава». На этот раз в кассетах оператора была цветная пленка. Итогом этого путешествия явился интересный, содержательный фильм «Советские китобои». В картине есть и материал, знакомящий с китобойным промыслом на Дальнем Востоке, но основное место в фильме занимает повествование об антарктической экспедиции флотилии «Слава».

Восемь месяцев делил оператор все тяготы морского похода. В штормовую погоду, когда иностранные китобои обычно прекращают промысел, «Слава» продолжала работу. Продолжал свою работу в этих сложнейших условиях и человек с киноаппаратом. Ни зной, ни холод, ни ветры, ни бури — ничто не мешало оператору вести кинонаблюдения. И ничто примечательное не миновало зоркого ока кинокамеры. Живописны картины природы: пейзажи морских просторов, поразительное по колориту небо экватора, экзотическая растительность тропиков, суровое величие ледяных торосов...

Вдали от родных берегов советские моряки сохраняют привычный уклад жизни советских людей. Торжественно празднуется годовщина Великого Октября, продолжаются занятия политкружков, разыгрываются спортивные состязания. Все это хорошо передано в фильме. Подробно и обстоятельно показан в фильме доблестный труд советских китобоев — охота за китами, разделка огромных туш убитых животных, работа плавучего завода-гиганта.

Все эти съемки оператор С. Коган осуществлял один. Он успевал снимать и на флагмане флотилии и на сопровождавших его многочисленных судах.

М. ТРОЯНОВСКИЙ

Здесь стояла палатка...

— Дайте Севастьянова. Кабинет не отвечает? Дайте насосную. У вас Владимир Иванович?.. Девушка, дайте машинный зал. У вас нет Владимира Ивановича?.. Хорошо. Девушка, дайте экскаваторный парк. У вас Севастьянов?.. Ладно. Девушка, дайте гидромеханизацию. У вас Севастьянов?..

Телефонистка, привыкшая к розыскам по строительным площадкам главного инженера района Севастьянова, стала звонить в разные места и наконец сообщила:

— Владимир Иванович пошел на «трубу».

Евдокия Колесникова, десятник строительства бетонных причалов, бросила трубку.

— Владимира Ивановича найти теперь трудно, — сказала она. — Пускаем насосную станцию, и такое идет!.. Главного разрывают на части: всем нужен. Будем искать его на «трубе».

Веселая, словоохотливая девушка в черной меховой шапочке, белом полушубке, высоких резиновых ботах повела нас в огромную камеру шлюза. Рабочие ворота были открыты, и через них виднелся уходящий в холодную даль судоходный канал.

— Главный инженер района — большой человек на стройке, — с гордостью сказала Колесникова.— Район на Волго-Доне иному тресту равен. Вы знаете, какое хозяйство в районе? Одних заводов сколько: автоматический бетонный, плит-оболочек, арматурный, лесозавод, архитектурных деталей, ремонтно-механический. А гаражи? А мастерские и базы? А железные дороги? Дно моря, лесные полосы, оранжереи, целый город — все входит в хозяйство.

Вышли из шлюза. Слева возвышалась зеленоватого цвета причальная стена из бетона. На ней уже стояли массивные тумбы, к которым будут швартоваться корабли пяти морей

Вот и «труба». Только люди, привыкшие к огромным масштабам и грандиозным сооружениям, могли запросто назвать «трубой» два спаренных железобетонных тоннеля. Через них пойдет донская вода в так называемый подводящий канал и затем к Карповской насосной станции.

Колесникова представила нас старшему прорабу строительства тоннелей Владимиру Шерякову. Высокий юноша сообщил:

— Владимир Иванович был здесь. Проверял бетонные работы и пересмотрел со мной график — требует закончить все дела раньше срока.

Колесникову потребовали в это время на причал, и она побежала к шлюзу.

— Этот канал, — сказал Шеряков, — детище Владимира Ивановича. Он предложил использовать русло степной речушки Карповки для подачи донской воды к насосной станции.

Двинулись по заснеженному подводящему каналу. Идти приходилось осторожно: того и гляди провалишься в прорубь. На снегу виднелись четко отпечатанные следы: перед нами прошли два человека. Вот и они, главный инженер района и парторг И. Е. Филимонов.

— Нужно выдвигать строителей на эксплуатацию,— говорил Филимонов.— Есть у нас хорошие люди, сами все строили, пусть сами и будут управлять шлюзом, насосной станцией.

Вышли на плотину. Севастьянов предался воспоминаниям: одним из первых приехал он в Донской строительный район. Это был май 1948 года... Тогда на месте выросшего теперь тринадцатого шлюза стоял хутор Ильевка.

— Вон место, где была наша первая палатка, — Севастьянов показал вдаль. — Теперь там завод. А хутор перенесли на новое место, на берег будущего моря. Здесь, где плотина и насосная станция, тоже была пойма. Тянулась она и там, где прорыли канал.

Расположились в землянках и палатках и через два месяца пустили движок, дали свет Ильевке, — продолжал Владимир Иванович.— Пробурили артезианскую скважину — дали воду. Обрадовались казаки. Многим не верилось тогда, что будет канал, что пойдут по нему корабли. Но когда посредине пыльной улицы топографы забили столбы с надписями: «Нижняя голова шлюза», «Верхняя голова шлюза № 13» и «Ось канала»,— заговорили в хуторе, что дело начинается серьезное и пора Ильевке переселяться на другое место.

Севастьянов спустился с плотины в конторку начальника строительства насосной станции Тимофеева. Бесконечные звонки, клубы табачного дыма, мелькание полушубков, стеганых ватников, брезентовых плащей... Главному инженеру дорог и люб этот напряженный мир стройки. Покончив с делами, он исчез.

Нашли мы Севастьянова среди водолазов — он указывал им, что придется делать после пуска воды в доковую часть станции. Только оглянулись — инженер уехал на прокладку судового хода.

Вдали послышались взрывы, а вскоре приехал и Севастьянов. Он бросился к телефону, вызвал начальника района Тарханова и доложил ему о результатах взрыва. Наконец, забрав нас в машину, Владимир Иванович помчался к гидрологам.

За крутой лесистый берег Дона садилось солнце. Багровые лучи освещали хорошо вылепленное, волевое лицо инженера. Серые глаза его были строги, глубокие морщины не разглаживались.

— Люди считают воду безобидной, ласковой, певучей, — заговорил Севастьянов. — Но гидротехники знают, что вода — это грозная, пожалуй, страшная сила. Вода может разрушать бетон, ломать металл, дробить камень. Готовимся пускать Дон к Волге, и нам нужно все предусмотреть... — Инженер задумался.— Прошлой весной пришлось нам выдержать настоящий бой с водяными потоками. Половодье на Дону было огромное. Вода угрожала шлюзу, котловану насосной станции. Удалось широко использовать новые средства водопонижения — насосы глубинного водоотлива и тысячи иглофильтров.

Севастьянов коснулся любимой темы и принялся рассказывать, как с большой группой инженеров он широко внедрял новую систему водопонижения на строительстве гидротехнических сооружений. Котлованы опоясываются тысячами тонких труб, похожих на иглы. Они вонзаются в землю и отсасывают целые подземные реки. Более мощные насосы забирают грунтовые воды с больших глубин. Под защитой таких гидрозавес строители спокойно работают в котлованах.

— Теперь мы умеем защищать строительные площадки от напора грунтовых вод и паводка,— закончил свой рассказ Севастьянов. — Это очень важно.

...Домик, в котором живет Севастьянов, стоит на берегу Карповского «моря». Зеленоватая вода уже подошла к ограде.

Жена главного инженера Вера Павловна ведет нас в столовую. Там стоит ее мольберт, на стенах висят портреты дочери Иры и хозяйки дома — художницы. Изразцовая печь, круглый стол, за которым не раз сидели многие московские писатели и художники.

Мы знакомимся с картинами, этюдами и рисунками Веры Павловны. В прошлом году она окончила Рижскую академию художеств, сейчас пишет картины о великой стройке. Муж — главный ее консультант по всем строительным, техническим и научным вопросам и тонкий критик. Где Ира? Здесь, в Калаче, она окончила школу. Теперь учится в Москве, в медицинском институте. Летом приедет — не узнает места, где жила с отцом.

Зазвонил телефон — требовательно, властно. Севастьянов отставил стакан горячего чая, пошел говорить с диспетчером.

Сам Владимир Иванович увлекался в свое время музыкой — учился у Игумнова. Потом стал проектировщиком и вдруг сказал: «Проектировать — одно, строить — другое. Нужно узнать, что получается из наших проектов». Поехал. В палатках жил. Сколько уже было таких палаток!..

Севастьянов неожиданно сказал в трубку: «Одну минуту» — и усилил звук в приемнике: из Москвы передавали «Зимние грезы» Чайковского. Тонкие пальцы инженера и пианиста непроизвольно побежали по столу, как по роялю...

* * *

Большой группе лиц во главе с руководителем работы Ф. Ф. Энгелем, в том числе и главному инженеру района Владимиру Ивановичу Севастьянову, присуждена Сталинская премия за внедрение в гидротехническое строительство новых способов водопонижения.

Е. РЯБЧИКОВ

В. И. Севастьянов с женой Верой Павловной.

Владимир Иванович Севастьянов и Евдокия Колесникова у шлюза № 13.

Фото А. Гостева

Преступление американских империалистов в Корее и Китае вызвало гнев народов; он нарастает, как грозная и неумолимая лавина.

Крупнейшие ученые, писатели, артисты, простые люди всех стран протестуют против неслыханного варварства, против человеконенавистнических злодеяний американских империалистов. На прошлой неделе на общегородском митинге трудящихся Москвы заместитель председателя Советского комитета защиты мира академик Б. Д. Греков сказал:

— Народы всего мира, честные люди во всех странах должны поднять свой голос против военных преступников, прибегающих к бесчестному оружию, к бактериологическим средствам войны.

Выступившие на митинге вице-президент Академии медицинских наук СССР Н. Н. Жуков-Вережников, старший мастер завода «Красный пролетарий» имени Ефремова лауреат Сталинской премии И. Т. Белов, писатель Илья Эренбург, директор Центрального туберкулезного института З. А. Лебедева и другие решительно протестовали против чудовищных действий американских агрессоров, требуя немедленного прекращения бактериологической войны и наказания американских захватчиков — фабрикантов смерти.

В резолюции, единогласно принятой участниками митинга, говорится:

— Трудящиеся Москвы, как и весь советский народ, поддерживают Заявление председателя Китайского комитета защиты мира и борьбы с американской агрессией Го Мо-жо и Обращение председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри, призвавших народы всех стран выразить свой гневный протест против злодеяния американских агрессоров и не допустить в интересах всего человечества применения бактериологического оружия.

Мы убеждены в том, что Всемирный Совет Мира примет все необходимые меры для того, чтобы оградить человечество от угрозы бактериологической войны.

На снимке: общегородской митинг трудящихся Москвы. На трибуне — ткачиха-стахановка комбината «Трехгорная мануфактура» З. П. Меньшикова.

Пресечь злодеяния агрессоров!

НАРОДЫ ОТСТОЯТ ЖИЗНЬ

Они поднимают руку на человечество. Еще не рассеялся как следует горький дым Освенцима, а эти уже мечтают загнать человечество в холодный крематорий опустошительных эпидемий.

Благодеяния науки они превращают в орудие смерти, ученых — в убийц, детей и женщин — в новые мишени. Они хотят запугать человечество холерой и чумой, чтобы взамен неудавшегося тысячелетнего гитлеровского райха осуществить тысячелетнюю тиранию доллара.

С цинизмом, где бессердечие торгаша соединяется с тупостью налетчика, они высчитывают, калькулируют, изыскивая самый, как они выражаются, экономичный способ делать из живых людей мертвецов. Такой мерзости еще не видала история.

Пусть они не кичатся своей отвратительной техникой истребления: люди видят, что бессилия и злобы здесь больше, чем силы и уверенности. Сея с воздуха на землю Кореи и Китая свою смертоносную дрянь, они трусливо и гадостно мстят за то, что им не позволили пройтись там гордым шагом победителей.

Два с лишком миллиарда живых, мыслящих человеческих существ, проживающих на нашей планете, хотят счастья и радости. Они не подчинятся кучке взбесившихся американских торговцев мертвечиной. Народы не дадут торжествовать преступлению!

Леонид ЛЕОНОВ

ВОЙНА ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ!

В 1939 году мне довелось побывать в Белом доме в Вашингтоне и пожать руку президенту Франклину Рузвельту. Мне представляется, что этот мужественный и умный деятель решительно осудил бы тогда такой вопиющий факт, как ведение войны с помощью бактерий, как уничтожение живых людей чумой и холерой. И какой стыд должен был бы охватить его при виде того, как американскую армию заставляют делать это по приказу его преемника!

Все мы испытываем чувство стыда от того, что человечество должно терпеть такой позор через семь лет после конца варварской гитлеровской войны, которая тоже была войной на уничтожение целых народов.

Что же нам делать? Истребим войну, истребим везде, сегодня, завтра, навсегда!

Арнольд ЦВЕЙГ,
президент Германской академии искусств

АГРЕССОР СОРВАЛ МАСКУ...

На северо-востоке Китая и в Корее обнаглевшие американские империалисты используют бактериологическое оружие для продолжения своей захватнической войны и массового истребления населения.

Это — чудовищное преступление, с которым народы мира никогда не примирятся, которое они никогда не простят.

Американские империалисты не желают мирного разрешения корейского вопроса. Они всеми силами затягивают мирные переговоры и одновременно творят свое преступное дело, самое гнусное из всех, какие когда-либо знала история человечества.

Применением бактериологического оружия американские интервенты окончательно сорвали с себя маску. Мир увидел их звериное лицо. Мы понимаем, что применение бактериологического оружия в виде холеры, чумы и других заразных смертоносных болезней не только наносит бандитский удар из-за угла корейскому и китайскому народам, но угрожает народам всего мира.

Китайские писатели поддерживают заявление профессора Го Мо-жо и призыв Фредерика Жолио-Кюри. Все миролюбивые народы мира должны объединиться в борьбе против бесчеловечных действий американских империалистов. Мы требуем немедленно прекратить бактериологическую войну!

Мы должны усилить борьбу за мир во всем мире!

ДИН ЛИН,
китайская писательница,
лауреат Сталинской премии

ПРАВОЕ ДЕЛО ПОБЕДИТ

Я присоединяю свой голос к голосу возмущения честных людей всех стран против чудовищного преступления, совершаемого американскими агрессорами-империалистами в Корее и Китае.

Начатая ими гнусная бактериологическая война раскрыла перед всем миром отвратительный лик магнатов Уолл-стрита. Она показывает слабость американских последышей Гитлера и Гиммлера.

Ничто не может заглушить слова правды и справедливости, не существует силы, которая могла бы остановить борьбу сотен миллионов сторонников мира. Люди чистой совести солидарны с борьбой героического народа многострадальной Кореи.

Поддерживая Обращение председателя Всемирного Совета Мира Фредерика Жолио-Кюри, румынские писатели решительно протестуют против нарушения американскими империалистами международных соглашений о недопустимости использования бактериологического оружия. Мы уверены, что гигантский фронт сторонников мира во всем мире добьется прекращения злодеяний, совершенных распоясавшимися американскими агрессорами против человечества.

Мы победим, потому что на нашей стороне правда, любовь к миру, к человечеству. На нашей стороне Советский Союз — оплот мира, на нашей стороне будущее!

Николае МОРАРУ,
румынский писатель

АГРОНОМ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА

Председатель колхоза «Союз строителей», Ояшинского района, Новосибирской области, Герой Социалистического Труда А. К. Куклин.

Фото М. Савина

В Сибири идет добрая слава о делах колхоза «Союз строителей», Ояшинского района, Новосибирской области. В минувшем году колхозники торжественно отметили двадцатилетие своей сельскохозяйственной артели. На празднестве много было произнесено речей. И все сошлись на том, что с той поры, как стал председателем артели агроном Александр Константинович Куклин, колхоз пошел круто в гору.

Четыре года назад колхозники избрали А. К. Куклина председателем артели. Ныне достижения передовой советской науки, опыт новаторов уже прочно вошли в повседневную жизнь колхоза. Полностью освоен десятипольный севооборот. Травопольная система земледелия ведется по комплексу Докучаева — Костычева — Вильямса. Обогащенная органическими и минеральными удобрениями, земля засевается только сортовыми семенами. По краям бригадных полей поднялись молодые лесозащитные полосы. Гордостью колхоза стала новая для него культура — лен.

Восемь Героев Социалистического Труда, десятки награжденных орденами и медалями — таков золотой фонд колхоза-миллионера.

Растут в колхозе люди, растет и их председатель Герой Социалистического Труда А. К. Куклин. Агроном, он ведет и большую научную работу. Александр Константинович — член Ученого совета Новосибирского сельскохозяйственного института. Он заведует государственным сортовым участком.

Пять печатных трудов А. К. Куклина изданы в областном издательстве. Такие книги председателя колхоза, агронома, как «Семена и посев», «Агротехника сортов зерновых культур», служат ценным пособием колхозам Сибири.

В. Пухначев

Трехгодичные курсы колхозников артели имени Ворошилова, Даниловского района, Пензенской области. Занятия на тему «Подготовка семян к посеву» проводит кандидат биологических наук В. Е. Шестаков.

Фото С. Фридлянда

ЗОЛОТАЯ СПЕЛОСТЬ

Владимир СОЛОУХИН

1. Два выступления Ольги Зязиной

Первое собрание колхоза. Самое первое!

В школе накурено. Накурено так, что свет керосиновой лампы еле пробивается сквозь дым тусклым красноватым пятном. Лампа коптит, но этого никто не замечает. На повестке дня — организация колхоза. Решается судьба вот этих, нещадно жгущих махорку вологодских крестьян.

— Кто за? — вопрошает ведущий собрание.

В радостном сознании, что от них зависит решение дела, люди дружно поднимают руки, тяжелые, заскорузлые, многие с желтыми от махорки пальцами.

— Кто против?

В заднем углу поднялось несколько рук.

— Большинство за колхоз!

А теперь надо решить, кому быть председателем.

Оля Зязина, восемнадцатилетняя девушка с падающими на плечи огненными волосами, слышит свою фамилию.

Может быть, потому, что она грамотна, или потому, что она беднячка, а может, просто за ее характер, но выбор пал именно на Олю Зязину.

Нелегкое дело — в восемнадцать лет руководить тяжеловатыми на характер людьми, не знавшими доселе, что такое колхоз и как в нем работать.

Оля просит слова.

— Я, конечно, не отказываюсь. Только подумайте, мужики: девичье ли это дело? И вот я на всем миру говорю: не справлюсь — не вините.

— Чего винить! — слышатся голоса. — Переберем — и баста. Но ты сможешь!

— А еще заявляю: уж если выбрали, так чтобы слушаться, как отца с матерью!

В заднем углу хихикнули:

— Эка мать нашлась! Небось, молоко на губах еще не обсохло!

Собрание дружно цыкнуло, и смех осекся. Нового председателя колхозники вселили в дом раскулаченного богатея. Негоже, дескать, председателю в халупе жить. Оля всю ночь проплакала, оставшись одна в угрюмом, пустынном доме, где и кошки-то нет. А на утро, выйдя на крыльцо, увидела приколотую к столбу записку. В ней было нацарапано: «Все равно зарубим».

Это было в 1930 году...

Прошло время. И вот Москва. Сельскохозяйственная академия имени Тимирязева. Зал полон студентами-выпускниками. В президиуме — ученые.

На кафедре — делегат Всесоюзной конференции сторонников мира, член Вологодского обкома партии, депутат областного совета, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Ударник» Ольга Васильевна Зязина. Она рассказывает, как получать высокие, небывалые в условиях Вологодской области урожаи льна. То и дело кто-нибудь из сидящих в первом ряду поднимается и идет к трибуне, чтобы передать записку. К концу лекции записок набралось более пятисот.

Ольга Васильевна решает: «Вопросы, на которые не могу ответить, положу в правый карман. В перерыве покажу директору».

Руки ловко и быстро сортируют ворох записок. В правом кармане оказалось совсем немного. Когда она спускалась с трибуны, зал поднялся и рукоплескал стоя. Это было в 1950 году.

Что же произошло за эти двадцать лет в колхозе «Ударник»? На что потратила Ольга Васильевна эти двадцать лет своей жизни?

2. Колхозные ходатаи

В 1946 году в Грязовце сменился секретарь райкома. Новый секретарь, Георгий Федорович Леонидов, сразу же решил пока хотя бы по спискам познакомиться с коммунистами района. На одной из страниц его внимание задержалось.

«Ольга Васильевна Зязина,— прочитал он,— колхозом руководит с 1930 года».

«Выдвигать пора»,— мелькнуло у секретаря. Своими соображениями он поделился с кем-то из райкомовских работников.

Дня через три к райкому подъехало несколько подвод. Колхозники не спеша привязали лошадей, не спеша задали им корму. Георгию Федоровичу показалось, что корму они задали слишком много, будто собирались пробыть в райкоме целый день, а в случае нужды — и заночевать.

«Планомерная осада,— пошутил про себя Георгий Федорович. — Интересно, по какому делу?»

Помешкав у дверей, о чем-то посоветовавшись, колхозники дружно вошли в кабинет секретаря.

— Рассаживайтесь, товарищи, будьте, как дома. Давайте знакомиться. Вы из какого колхоза?

— Из «Ударника».

— По какому вопросу?

— Вопрос у нас один, — заговорил бригадир Михаил Чечулин,— насчет председателя, Ольги Васильевны...

«Неужели жаловаться пришли? — подумал Георгий Федорович. — А я выдвигать собирался!»

— Ну, так что же, ваш председатель плохо работает? Какие претензии?

Стало сразу шумно, так как заговорило несколько человек:

— Как можно?

— Нет, что вы!

— Да мы не о том!

— Постойте, не все сразу! — улыбнулся Георгий Федорович.

— Да вот слух прошел, товарищ секретарь, что забираете у нас председателя, а мы решили просить вас оставить ее.

Сама Ольга Васильевна, когда ее вызвали в райком, сказала:

— Не наработалась я на этой должности. Нет, я ее не переросла. Если хотите знать,— только с силами собралась. Сами знаете. Была война. Хлебом занимались, а лен отставили. А вот теперь думаем развернуться.

Как вы думаете, Георгий Федорович, сможем мы собрать тонну волокна с гектара? — круто повернула Зязина разговор, будто вопрос о ее работе уже решен.

— Тонну? — удивленно переспросил секретарь.

— Ну да! Тонну! — подтвердила Ольга Васильевна.

— А сколько вы собирали раньше? В 1940 году, например?

— Двадцать восемь килограммов...

Георгий Федорович приподнял брови.

— Двадцать восемь — и тысяча? Да-а... скачок!

Вероятно, в его тоне Зязина почуяла недоверие и потому заговорила снова торопливо:

— Во время войны мы собирали больше двух пудов, а потом я так скажу: копили мы опыт, набирали силу, а теперь сможем наступать.

Разговор перешел на конкретные вещи. Замелькали слова: сульфат аммония, предшественники льна, кондиция, перекрестный сев, тонна льна-волокна с гектара.

— Советую вам сделать так,— говорил Георгий Федорович.— Пусть каждое звено выделит небольшой участок, ну, гектара два — три. Прорвем, так сказать, фронт на узком участке, а потом начнем всеобщее наступление.

На прощанье он пожал сильную руку Ольги Васильевны:

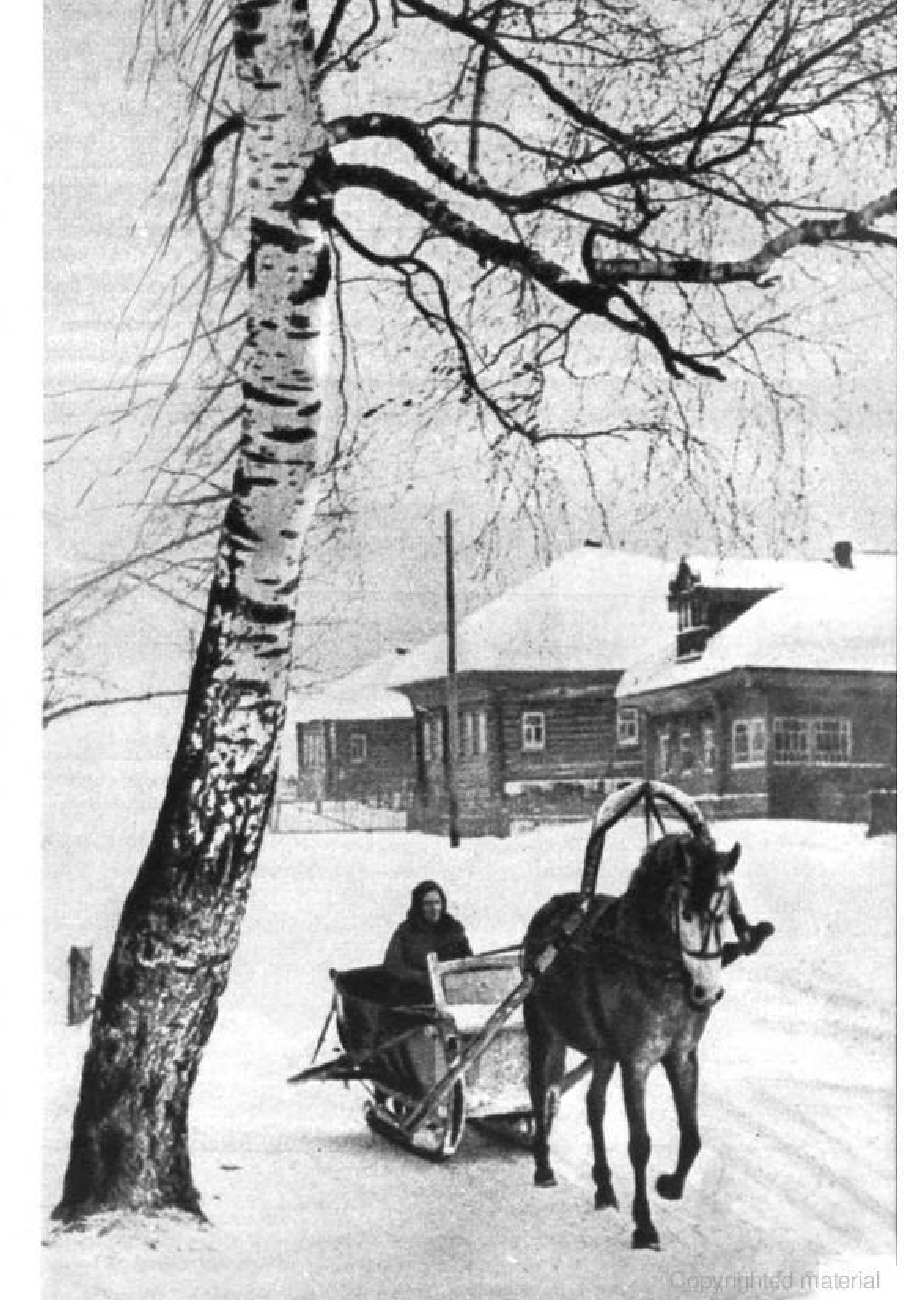
— Действуйте!

3. На исходном рубеже

Ольга Васильевна вышла из своего кабинета в общий зал правления колхоза. Не всякий узнал бы теперь в ней ту девушку, что двадцать лет назад взяла в свои неопытные руки бразды правления колхозом.

В зале людно. Несколько колхозников присели на корточки перед дверцей печки, хотя печка не топится. Они пускают в дверцу папиросный дым, стараясь, чтобы ни одна дыминка не проскользнула мимо дверцы. Курить в правлении нельзя, а курение у печки — это уступка со стороны Ольги Васильевны.

С появлением председателя все встали. Курильщики, торопливо замяв папиросы, пошли рассаживаться на свои места. Ольга Васильевна поздоровалась, окинула собравшихся вни-



Ольга Васильевна Зязина объезжает бригады.

Фото Б. Вдовенко

мательным взглядом, проверяя, все ли на месте. Впереди сидит бригадир Михаил Чечулин. Рядом с ним звеньевые Большакова, Соболева, Колотилова, Карзанова, Малышева... Сидят будущие герои.

В соседних колхозах можно услышать:

— Зязина-то? Ей легко. У ней бригадиры и звеньевые — орлы! Один Чечулин чего стоит.

А разве не она, Зязина, растила и подбирала их? Конечно, одна она, без них, ничего не сделает. Вот сидят они, ее товарищи, с которыми собирается она теперь своротить гору. А разве не для этого она их и подбирала?

Манера говорить у Ольги Васильевны особая. Кажется, что она жалуется на что-то, на какую-то обиду. Но манера эта совсем не соответствует тем словам, в которые вслушиваются колхозники.

— На дворе осень, товарищи! Рано будто говорить о будущем урожае, но мы начнем говорить о нем именно сегодня. И борьбу за него начнем именно с нынешнего дня.

Зязина изложила свой план наступления. Вывезти на поля тысячи возов перегноя, собрать сотни центнеров золы и помета. Довести семена до стопроцентной всхожести. Завезти в колхоз десятки тонн минеральных удобрений. Всю зиму учиться!

— Помните, товарищи, с нашей землей на «ты» разговаривать нельзя. Наша земля сама еще не знает, на что она способна. В этом году мы откроем все ее возможности. Эта весна будет для нас не простой весной...

И к весне было все готово.

Техника на ходу. Семена высшей кондиции. 16 тысяч возов навоза уже на полях. Горы золы ждут своей очереди. Тонны минеральных удобрений лежат на складе. Из города пришли анализы почвы. У каждой звеньевой блокнот — будущий дневник. Пока там записано, сколько золы собрано, да всхожесть семян, да состав звена. А потом там будет отмечаться каждый сантиметр роста льна, каждый килограмм введенных в почву удобрений, ежедневное задание каждому члену звена. А впоследствии будет отмечена урожайность. Какова-то будет она?

Все готово в «Ударнике». Хоть бы поскорее начиналась весна!

4. Победа

А весна началась ни рано, ни поздно. В апреле потянуло из-за леса сырым, тяжелым ветром. Талой водой набрякли снега. В лесу распрямлялись березы. Где-то под снегом, еще робко, забулькал первый ручей. Потом снег над ним обвалился. Тут-то и встретились вода с солнцем. И вода засмеялась, задрожала тысячами золотых искр. Появились первые проталины. В полдень от них шел пар, а вверху затрепыхались, уходя в высоту, жаворонки. Земля задышала. Уже оттаяли и зашевелились в ней корешки трав и озими.

Звеньевые каждый день выходили на поля посмотреть: не пора ли? На одном из участков встретились Ольга Васильевна и бригадир Чечулин.

— Ну как, Михаил Григорьевич, поспела земля?

— Пройти-то можно. Вот не знаю, как тракторы... Не завязли бы. Я думаю, послезавтра в самый раз будет.

— Ну ладно, послезавтра и начнем, — согласилась Ольга Васильевна.

И тракторы вышли на поля.

Звеньевые промеривали за ними каждую борозду. Чуть где помельче — заворачивай и паши снова. Перед дискованьем землю хорошо подкормили. Широкие рядовые сеялки рассыпали во влажную и теплую землю миллионы глянцевитых золотых семечек. А ночью ударил дождь.

— Как по заказу! — шутили колхозники. — Природа работает на нас.

На четвертый день засеянные льном поля подернулись ровной зеленой щетинкой. И уже в ее густоте чувствовалась такая сила, что в «Ударнике» все заулыбались, точно встречали праздник.

Ольга Васильевна в эти дни не собирала ни бригадиров, ни звеньевых. Указывать им было нечего, все было разучено с зимы. Собирать — только от дела отрывать. Встречалась же она с ними прямо на полях. Ленок подрос до десяти сантиметров, и звенья начали прополку, мотыжение, вторую подкормку почвы.

Нелегко промотыжить землю так, чтобы не тронуть растущих густо-густо стебельков льна. Однако если не промотыжить, урожай будет вполовину. В течение всего лета ни одному сорняку не дали расти дольше двух дней — беспощадно уничтожали. Вскоре после мотыжения и прополки лен вступил в стадию быстрого роста. Теперь он прибавлял до шести сантиметров в сутки.

Его рост был остановлен внезапно наступившей сушью.

В первые три — четыре дня знойной погоды колхозники еще надеялись на дождь. А потом им сделалось жутко. И тут Ольга Васильевна впервые собрала всех. За эти дни ее лицо осунулось и заострилось так же, как и лица звеньевых и бригадиров.

— Понимаете сами, товарищи, льну не пропадать, — начала Зязина. — Организуем поливку. Поливать будем лейками, пожарными машинами. Если понадобится, горстями воду носить будем.

И никто не возразил. Все согласились: будем!

И тут в правление вбежала задержавшаяся на своем участке Аня Соболева. Вбежала радостная, растрепанная:

— Туча из «мокрого угла» находит! С громом!

Все собрание выбежало на улицу. Воздух казался особенно душным. Не шевелилась ни одна травка. А из-за леса, занимая весь горизонт, двигалась иссиня-черная туча. Время от времени она била в землю залпом десятков ломаных молний. Ударит и продвинется, ударит и продвинется.

Не разбирая дороги, не глядя под ноги, люди толпой пошли навстречу грозе. Шли до тех пор, пока не хлынула вода. Тогда все остановились. Так и стояли, мокрые и счастливые, пока в небе не засветилась радуга.

Лен зацвел, вспыхнул ровным голубым пламенем. Никогда еще не росло на вологодских полях такого льна. В метр и выше высотой, по грудь звеньевым, стебель к стеблю. От этой-то своей силы он и полег. Это не лучше засухи. Леглый лен начнет подгнивать, волокно пропадет. От Ольги Васильевны последовало указание: поставить лен на шпагат. Через все поля натягивали на кольях шпагат, параллельно, как струны.

Между тем подходила самая ответственная пора. Лен вступал в стадию ранней спелости. Зеленые, почти прозрачные стебли словно воск высасывали из земли — становились желтоватыми. По делу нужно было начинать теребление. Но в «Ударнике» заботятся еще и о семенах льна. Поэтому решили ждать следующей стадии. Называется она стадией желтой спелости, а можно было бы назвать ее и золотой, потому что лен становится действительно золотым.

Не ждали, когда поспеет весь лен. Теребили на выборку, так что на один участок приходилось возвращаться несколько раз. Приехавший из области фотограф унес два снопика в правление — фотографировать. Звеньевая нашла их там и принесла снова на свой участок: был дорог каждый килограмм льна.

Много еще было с ним хлопот. Проветривание, расстил под августовские росы, мочка. Но главное было сделано — лен был выращен. И какой лен! Звеньевая Карзанова пометила в своем дневнике: 920 килограммов волокна с гектара. У Анны Соболевой получилось девятьсот. В других звеньях — чуть поменьше. Это была победа!

В апреле месяце 1949 года Ольге Васильевне Зязиной, бригадиру Михаилу Чечулину, звеньевым Карзановой, Большаковой, Колотиловой и Соболевой было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Уже через неделю они получили больше сотни телеграмм и писем. С Дальнего Востока, с Украины, с Закарпатья, из Средней Азии писали им незнакомые люди, поздравляли с победой. И в этом сказались великое содружество, солидарность и дух коллективизма нашего народа.

А два года спустя в колхозе «Ударник» было получено по 980 килограммов льна-волокна с гектара, и не на отдельных участках, а на всей площади, засеваемой льном. Наступление не остановилось.

* * *

Густо и обильно идет снег. Если присмотреться, каждая снежинка — звезда чуть не с трехкопеечную монету. Снежные звезды, встречая на пути своем чье-либо разгоряченное лицо, мгновенно гаснут. Остальные ложатся на землю ровным слоем, и не различить уже отдельных звездочек.

Свежего снега насыпалось за одно только утро более чем на четверть метра. Но лежит он так легко и пышно, что только нагнуться и дунуть — и на дне воронки откроется желтый кружочек обветренного, черствого старого снега.

Под снегом отдыхает земля. Не рассыпчатый, как пирог, чернозем, а «скупая» вологодская земля, не знавшая, на что она способна.

Отдыхает земля. А на складах колхоза лежат семена высшей кондиции. В клубе проходят занятия агрокурсов. Ольга Васильевна Зязина объезжает бригады. Закончен ремонт машин. В колхоз прибыло 500 центнеров удобрений. К новой весне в «Ударнике» все готово.

Сыплется звездный снег.

Грязовецкий район,
Вологодской области.

Вот они, первоклассные мастера льна, командиры полей колхоза «Ударник». На снимке (слева направо) Герои Социалистического Труда: бригадир М. Г. Чечулин, звеньевая А. В. Большакова, председатель колхоза Ольга Васильевна Зязина, звеньевые А. А. Карзанова и М. А. Колотилова.

ОКНО В ВЕСНУ

К. БУКОВСКИЙ

Бригадиры тракторных бригад Григорий Погожий (слева) и Егор Железняк перед выездом в степь.
Фото И. Тункеля

По утрам внизу за садами станицы Советской молочно дымится Уруп. Шум мельничных колес будит колхозных гусей, и они с сонным гоготом спускаются к реке. На птичьем дворе в тысячу горл орут петухи.

Еще только брезжит рассвет, но станица уже проснулась. Со дворов доносится мерный звон доенья. Ласковые женские голоса уговаривают застоявшихся за ночь коров. В колхозном гараже заводят машины, слышно, как фырчат моторы и переговариваются шоферы. Где-то взмыла режущим звоном электропила. Всхрапывают кони у калитки бригадира. Скрип ворот, лай собак, галочий ор в садах, и над всем этим торжественная рассветная тишина!

Через час бригадные дворы пустеют. Народ расходится по фермам, в сады, на парники, в колхозные мастерские. Бригадиры уезжают в степь, к ночевавшим там трактористам. Запоздало вставшее утро застает в станице только детей и стариков.

Весна — страдное время! От пригретой солнцем степи тянет влажной прелью земли.

...Всего два дня назад над Москвой и над заснеженным Подмосковьем сновала метель. Рассвет под Рязанью был морозно хрусток и звонок. Белым, чуть-чуть подсиненным простором стелились поля Тамбовщины. На полустанке под Воронежем зима, казалось, сдала — с крыш сочилась капель, но за полустанком опять легли вокруг морозно-дымные дали.

Донбасс пеленали снега. Снег шел мокрый и крупный, надежно укутывал землю. В ростовском затоне вмерзали в лед огромные баржи... Был еще только февраль, месяц метелей и визгливых санных дорог.

...Вагон спал, когда за окнами загрохотали железные пролеты моста. Поезд шел через Дон. Внизу глухо билась река и широко, могуче катились волны между быками.

За Батайском, ближе к границе Кубани, воздух был влажный и теплый. В станице Кущевской шел дождь.

— Эге-ге, дорогие друзья, да у нас на Кубани весна!

Спрыгнув с полки, невысокий плотный кубанец прильнул к окну. Ветер хлестал станицу весенним дождем. Снега не было видно. За омытой далью степи синело ясное небо. У переезда месил чернь дороги гусеничный трактор.

Сосед кубанца, рослый мужчина с портфелем, недоверчиво пробурчал:

— Ну, какая весна в феврале!

— Так это ж Кубань, чудак-человек!

Да, на Кубани была весна! Поля еще пустовали. Кое-где в лощинках и у лесных полос ноздревато бугрился снежок. Но чем дальше к югу, тем все теплей становились степные ветры.

На станции Тихорецкая разгружали платформы с сеялками. На соседних путях набирал пары состав с тракторами. Кубанец хозяйственно пересчитал тракторы:

— Тридцать восемь. Как раз на наш колхоз.

Соседи по вагону уже знали, что кубанец — председатель колхоза. Возвращался он из Москвы, с коллегии министерства. Выступал в Тимирязевской академии. Фамилия его была Громиков, Михаил Яковлевич.

Колхоз имени Ленина, по мнению его председателя, не самый крупный на Кубани. В хозяйстве его 15 тысяч гектаров земли, 13 ферм, птичий двор на 23 тысячи кур и гусей. Есть сады, но мало; колхоз закладывает новые. Большие огородные плантации. Пасека на 600 пчелиных семей. Колхоз разводит кроликов, выращивает шелкопрядов. В прошлом году начали сеять хлопок.

— Хлопок, по-моему, давно уже сеют на Кубани, — заметил рослый сосед.

— Да, но в нашем Советском районе только с прошлого года.

— Это где?

— Под Армавиром.

— Скажите, — спросил рослый сосед, — сколько же хлеба может дать такой колхоз?

— В прошлом году мы сдали государству четыреста тысяч пудов зерна. Кроме того колхоз сдал четыреста семьдесят пудов мяса, сто пудов шерсти, триста сорок пять тысяч литров молока, четыреста тысяч яиц.

— Это ж целая фабрика!

— Да, если хотите.

— А доход?

— В прошлом году — шесть миллионов двести пятьдесят тысяч рублей...

Сосед огорошенно крякнул:

— Шесть миллионов!

Кубанец сошел в Армавире. На площади у вокзала его ждала колхозная «Победа».

...Машина шла в горы по дороге на станицы Удобную, Спокойную, Отрадную. У въезда в станицу Советскую она свернула на степной проселок. На колеса начал лепиться вязкий, масляный чернозем. Непросохшая степь дымилась.

Неподалеку от бригадного стана по топкой зяби ходили цугом два трактора.

— Это кто водит?

— Погожий, — ответил водитель.

— А ну, погоди!

Председатель сошел с машины. Посмотрев на свои празднично начищенные сапоги, он примерился напрямик.

— Григорий! — крикнул он на ходу. — Почему на двух?

— Один не бере-ет! — донеслось со степи.

Час спустя, волоча на ногах двухпудовую тяжесть, председатель вернулся.

— Запретил! — сказал он, садясь. — Надо день еще подождать.

Водитель ахнул:

— Михаил Яковлевич, да ведь Шацкий сегодня начал!

Вечером в правление колхоза были вызваны все бригадиры. Грузноватый Григорий Погожий, входя, слегка притиснул в дверях своего соперника, Егора Железняка. Вместе с ними такой же дружно-ревнивой парой вошли два полевых бригадира — Стефан Ткачев и Семен Нашатопов. Это были люди, хорошо известные на Кубани. Фамилии их обычно появляются вместе: где Погожий с Ткачевым, там и Железняк с Нашатоповым.

Известен на Кубани и бригадир

Над заснеженными еще полями соседнего совхоза, волоча за собой длинный белый хвост, летал самолет.

тракторной бригады Георгий Братченко. Вызванный парторгом, он вместе с полевым бригадиром Лутоенко дожидался еще с полудня. Последними, привычно для отстающих, явились тракторный и полевой бригадиры из второй бригады. Колхозному агроному Сидору Павловичу Земе постучали в стенку; у него, как всегда, толпился народ.

— Ну, что ж, товарищи бригадиры, — сказал председатель, — разрешите поздравить с весной.

— Да это еще не весна, Михаил Яковлевич,— сказал агроном.

— А что же?

— Окно в весну.

— Ага! Ну вот мы завтра его и откроем...

Назавтра чуть свет бригады Погожего, Железняка, Братченко и Черникова выехали в степь. Сеять еще было нельзя, но зябь на буграх и озимые в третьей и четвертой бригадах местами подсохли. По ним пустили сцепы борон. За балкой, в низинах, где было еще сыро, колхозники разбрасывали по озими минеральные удобрения. Высокие кучи навоза дымились на пахоте. Над заснеженными еще полями соседнего совхоза, волоча длинный белый хвост, летал самолет.

День выдался по-весеннему ясный и теплый. Однако Сидор Павлович Зема сказал правду: это была еще не весна. Это было то, что на Кубани зовут февральским «окном».

На Кубани, где зимы бывают мокрыми и малоснежными, солнце и теплые ветры нередко подсушивают степь в начале февраля. Образуются «окна», которых не бывает ни в средней России, ни даже в придонских степях.

За последние несколько лет эти «окна» родили опыт ранних или, как их назвали агрономы, «зимних» посевов. Кубанские селекционеры-опытники начали сеять яровую пшеницу в декабре, январе и в феврале и всякий раз получали высокие урожаи. В десятых числах февраля в прошлом году выехали сеять яровую пшеницу передовые колхозы Кубани. Тракторы ходили на третьей скорости потому, что земля под посевным почвенным слоем была еще мерзлой.

Это не было экспериментом. Опыт показал, что в условиях Кубани февральские посевы яровой пшеницы дают наивысший урожай. Естественная яровизация семян дает ранние и дружные всходы. Вошедшие в рост посевы выстаивают перед «черной» апрельской бурей. Испытавшая холода, мощная, рано вызревшая пшеница уходит от летних суховейных «захватов» и наливается тяжелым, полновесным зерном.

Когда-то в довоенную пору смелые агрономы в колхозах пробовали внедрять «сверхранний» сев. Не дожидаясь, пока просохнет земля и можно будет выехать с сеялкой, на топкое поле выходил колхозник с лукошком и горстями разбрасывал семена. Мысль была верная. Но пока поле сохло, ветер сносил семена вместе с тонким покровом земли. Остаток семян выклевывался птицами.

Нынешняя смелость кубанцев была иного рода. За ней стояли опыт, наука и прежде всего могучая колхозная техника.

...После полудня «Победа» Погожего перехватила за балкой машину председателя колхоза. Грузноватый Погожий выскочил на ходу.

— Михаил Яковлевич, — сказал он решительно, — надо начинать на буграх.

Громиков ковырнул ногой чернозем:

— Рано еще: диски забьет.

— Будем счищать.

— Ну, хорошо,— сказал председатель.— Попробуй. Да, вот что: брату скажи, чтобы столько борон не цеплял.

— А что?

— А то, что мотор не тянет.

Погожий снисходительно улыбнулся:

— Ну что вы, Михаил Яковлевич! У Железняка трактористы еще больше цепляют.

10 февраля, спустя два дня, бригады Погожего и Железняка отсеялись с ранними зерновыми. Погожий прямо из степи заехал в МТС и сдал отчет. Сводку передали в Краснодар, и утром колхозы Кубани узнали о рекордно коротких сроках сева в бригаде. Ночевавший в степи Железняк пришел в правление сердитый.

— Ты что, Егор Яковлевич? — спросил председатель.

— Ничего. Поздравить пришел.

— А-а! Ну что ж, спасибо... А ты опять опоздал?

Подгоняли сев и остальные бригады. Запустив на полный ход все тридцать четыре трактора, колхоз широко развернул полевые работы. Погода стояла по-прежнему теплая, и решено было начать посев ячменя. Огородная бригада поговаривала о картошке.

С картошкой, однако, дело откладывалось. Бригада не управлялась на парниках.

— И куда это столько рассады!

— Доходное дело. Говорят, председатель в Москве магазин присмотрел.

Погожий досевал многолетние травы. Железняк помогал кормодобывающей бригаде. Его тракторы ходили из конца в конец шестикилометрового бугра, бороновали зябь.

Трактористы, прицепщики, горючевозы, водовозы, подвозчики семян, бригадные кухарки ночевали на бригадных станах. Ночи были еще холодные. Колхоз, снабдив станы койками, постельным бельем, посудой, стульями, библиотечками, радиоприемниками и прочими необходимыми на весенней страде предметами полевого обихода, послал завхоза в Армавир покупать теплые одеяла.

Вечерами степь светилась огнями. Неподвижные точки костров сливались с движущимся светом тракторных фар. Сев шел и ночью.

В колхоз пришла газета со статьей Погожего. В статье говорилось о многих, уже известных трактористам колхоза вещах: об уширителях на тракторах для ликвидации пробуксовки колес, о заправке сеялок на ходу, о полевом гараже с готовыми узлами для текущего ремонта, о часовом графике и стахановских маршрутах. Говорилось также о перекрестно-узкорядном севе зерновых и квадратно-гнездовом для пропашных культур. Указывалось, сколько внесет полевая бригада естественных и минеральных удобрений. Назывался урожай, которого достигнет бригада: на 650 гектарах по 200 и на 410 — по 160 пудов озимой пшеницы, подсолнечника — по 132 пуда, кукурузы — по 240 пудов, клещевины — по 60 пудов, хлопка — по 36 пудов с гектара. Механизаторы брались снизить себестоимость пахоты на 3 рубля с условного гектара и сэкономить 5 тонн горючего и 7 тысяч рублей на ремонте.

В статье говорилось, что важнейшие задачи, которые ставит перед собой коллектив бригады,— это быстрейшее освоение комплексной механизации и полное использование внутренних резервов, по примеру московских стахановцев... Статья, в сущности, излагала весеннюю программу всей колхозной Кубани.

Кубань помнит, как менялся язык ее весенних сводок. От борьбы с сорняками в первые весны после войны она шла к глубокой пахоте, травосеянию, многопольным севооборотам, лесным полосам, к поливному земледелию и комплексной механизации весны 1952 года.

В декабре прошлого года большевики Кубани обсудили программу внедрения комплексной механизации, повышения урожайности и продуктивности животноводства в колхозах и совхозах Краснодарского края. Речь шла о полной механизации основных процессов сельскохозяйственного производства. Работы, выполняемые высокопроизводительными машинами, не должны больше сдерживаться последующими работами, производимыми вручную. Машины должны обеспечить сроки, установленные наукой, и взять на себя такие работы, как сбор и скирдование соломы и половы, уборка сена, силосование, приготовление кормов на фермах, водоснабжение, посадка лесных полос и многое другое, что требует сейчас в колхозах большого количества рабочих рук.

Кубань приступила к выполнению этой программы. Едва теплые февральские ветры распахнули окно в весну 1952 года, пришли первые весенние сводки из станицы Курганной, с низовьев Лабы, от колхозов с Урупа. Машины в северных районах края ждали сигнала, готовые ринуться в весеннюю битву.

По ночам из Армавира через станицу Советскую шли самоходные комбайны. Гул моторов и свет над дорогой будили станицу. Комбайны шли в горы, где лежал еще снег.

Колхоз имени Ленина, построивший в доле с соседним колхозом электростанцию, все смелей впрягал Уруп в работы на фермах. Белая энергия реки брала на себя труд овчаров и доярок. На молочных фермах механики из МТС монтировали электродоильные агрегаты. Из колодца, который строили колхозные старики за станицей, моторы погонят воду к автопоилкам и к станичным дворам.

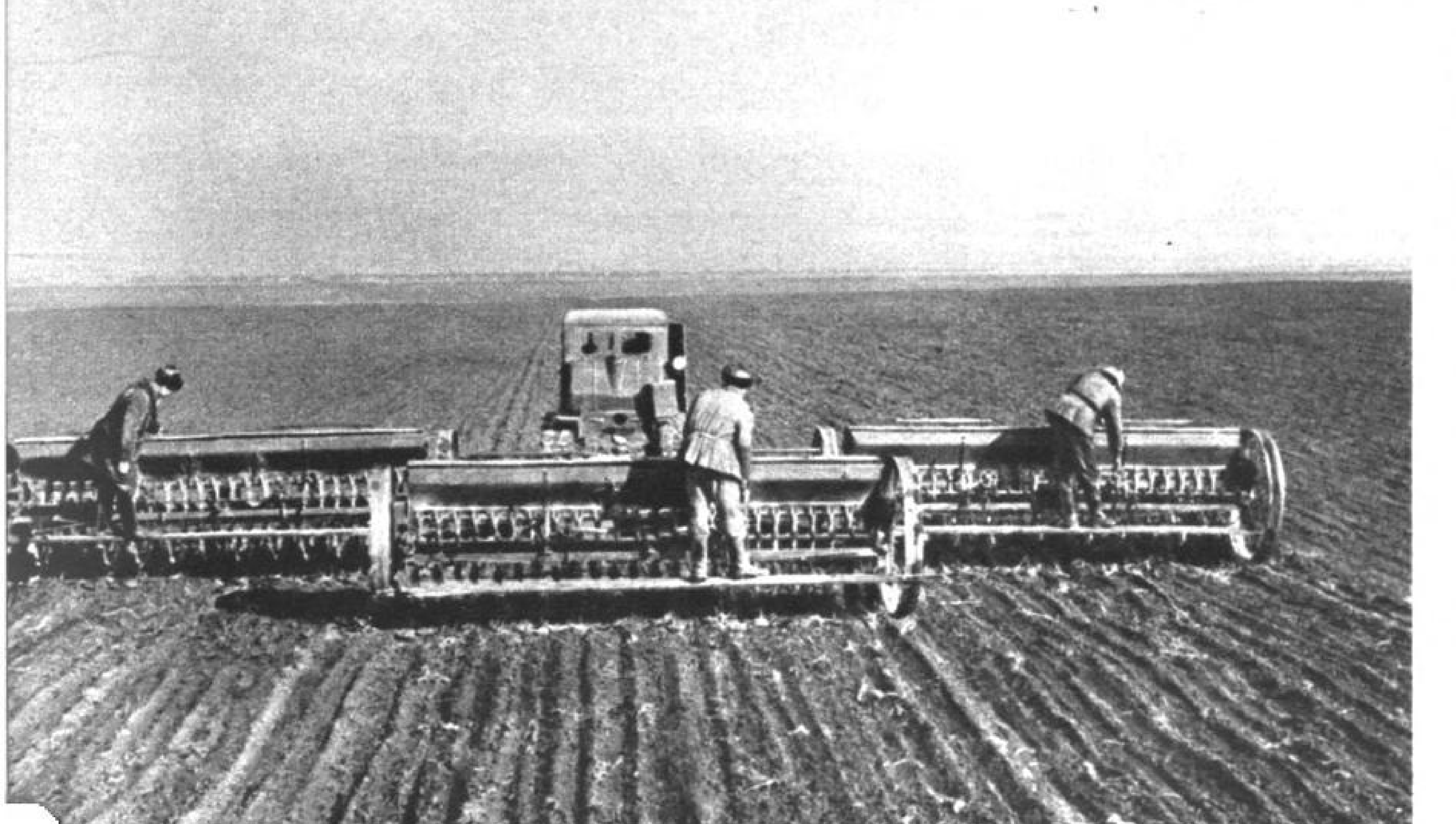
Новые линии электропроводов тянулись в степь, к бригадным токам. Заканчивая сев, колхоз развертывал подготовку к уборке.

...В двадцатых числах февраля на Кубани начались дожди. Потом влажные западные ветры сменились восточными, и в степи резко похолодало. Выпавший снег застал трактористов в поле.

Февральское окно на время закрылось. Но оно откроется снова. Весна идет! Машины Кубани стоят наготове...

Кубань.
Станица Советская.

В бригаде Ивана Шацкого (колхоз имени Ленина, Курганинского района). Сев ведет тракторист Федор Субботин.
Фото Г. Ефимова (ТАСС)



В КАРА-КУМАХ

Удостоенная Сталинской премии книга Б. А. Федоровича «Лик пустыни» — подлинная поэма о знойных просторах. Автор ее, много лет изучавший среднеазиатские пустыни, исколесивший их вдоль и поперек, живо и увлекательно рассказывает о совершенно ином, непривычном мире — мире рек, никуда не впадающих, сидящих на ветвях ящериц, тонущих в песках змей, деревьев без листьев, поющих песков, сухих потоков. И вместе с тем книга показывает, какие неисчерпаемые богатства таят в себе пустыни.

Автор повествует о том, как тяжка была борьба за воду, как жестоко и коварно уничтожала пустыня многовековые усилия десятков тысяч людей, погребая под песчаным саваном города, селения, сады.

Безвозвратно миновала пора бесплодной и безнадежной борьбы человека с пустыней! Советский народ во многом уже изменил ее лик, изменил хозяйство и экономику этих громадных пространств земли. И вот теперь наступило время решительного удара, генерального наступления на пустыню. Главный Туркменский канал даст то, чего ей так остро не хватало, — воду!

Ниже мы публикуем путевые записки Б. А. Федоровича, неутомимого исследователя наших пустынь.

Б. А. ФЕДОРОВИЧ,
старший научный сотрудник Института географии Академии наук СССР

Фото автора

В наши дни, чтобы добраться до самых глухих мест, расположенных в центре черных песков — Кара-Кумов, — вовсе не приходится совершать долгого путешествия. Путь от Москвы до этой пустыни можно проделать на пассажирском самолете всего за двенадцать часов. За это время вы перенесетесь в совершенно иную климатическую зону, проделаете путь, который прежде требовал длительных скитаний.

Самолеты, уходящие на трассу Главного Туркменского канала, могут высадить пассажира почти в любом из лагерей разведчиков и изыскателей, и уже через 14—15 часов после вылета из Москвы вы окажетесь в глухой пустыне.

Да, вас окружат полная тишина, поразительное безмолвие и удивительная природа, как будто сохранившаяся от самых давних периодов многовековой истории нашей планеты. Все здесь необычно, и кажется, что попали вы в страну далекого прошлого.

Нагромождения голых песков; незнакомые корявые и безлистые кусты; невиданная, розово-лилового цвета, вода в соленых озерах, разбросанных по мертвому руслу протекавшей когда-то реки; щебнистые пространства, не покрытые почвой... Что это захрустело под ногами? Да тут целые россыпи морских раковин! А ведь отсюда сотни километров до теперешних берегов Каспийского моря. А что это заблестело на песке? Почему кусочек кремня огранен и имеет острые края? Неужели это — орудие человека каменного века? Так и есть, кремневый скребок! Вот наконечник стрелы, долото, вот своеобразное шило...

Но тишина вскоре нарушается. Все яснее и яснее слышен рокот. И вдруг из-за бугра появляется большой гусеничный трактор, который тянет на буксире пять платформ с оборудованием и имуществом бурового отряда. Вот навстречу ему выскочил из песков юркий «газик», называемый здесь «козлом». А вдали идут три крытые тентом большие автомашины «ГАЗ-63» — любимцы изыскателей и исследователей.

Многовековое испарение грунтовых вод в Узбое местами привело к накоплению залежей соли. Когда по каналу пойдет вода, она растворит и унесет всю соль.

Да, была в пустыне глушь, было вековое безмолвие, нарушаемое лишь воем ветра... Помню, в 1934 году, когда я впервые вел исследования в районе трассы этого канала, за 45 дней пути нам не удалось встретить ни одного человеческого следа. Да и за следующие 45 дней мы видели людей лишь в редких аулах. А теперь палатки раскинулись по всей тысячекилометровой трассе, и по ней постоянно курсируют автомобили и самолеты. Куда бы вы ни приехали, вам всюду вручат телеграмму, переданную по радио.

Глушь? Оторванность от окружающего мира? Затерянность? Нет, эти понятия вовсе не вяжутся с тем, что можно наблюдать теперь в Кара-Кумах. Хороша глушь, когда в прошлом году на трассе канала работало несколько тысяч изыскателей, а ныне их число возросло почти вдвое! К ним скоро прибавятся бригады строителей, которые начнут возводить исходное сооружение — Тахиа-Ташскую плотину и гидроэлектростанцию на Аму-Дарье.

Теперь пустыня обжита, она перестала быть глушью, но она продолжает оставаться пустыней. Природа ее зла, своенравна и всегда таит беду или ущерб, и человек должен обуздать эту стихию, подчинить ее своей воле.

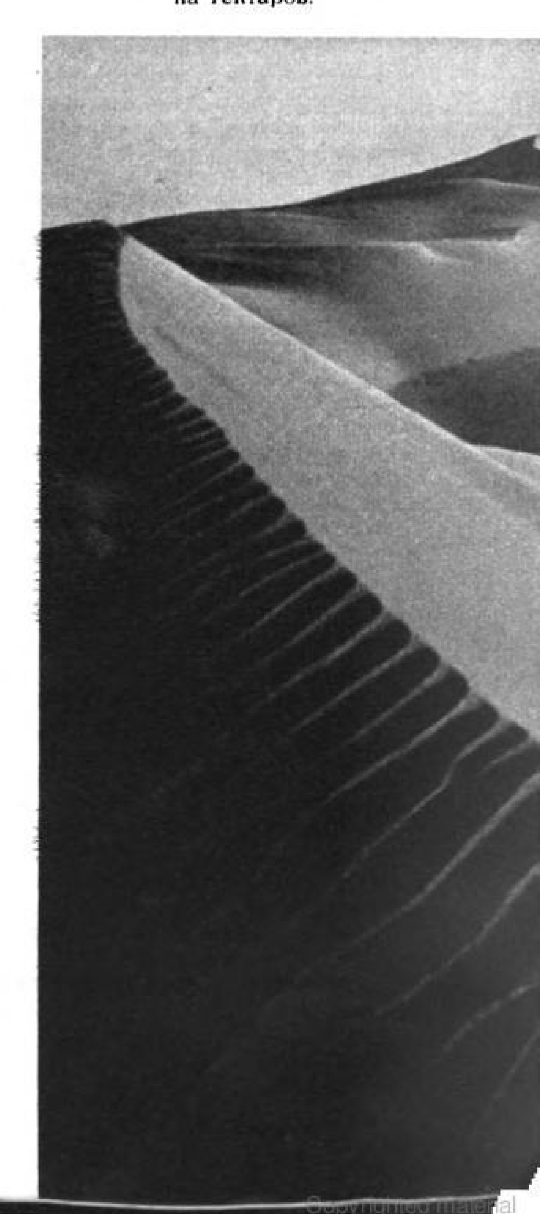
Самый жаркий день

День 24 мая начался, как обычно. Воздух был чист и прозрачен, небо безоблачно. Ни один порыв ветра не колыхал веток саксаула, и песок нес на себе следы ночного пиршества жуков, ящериц и тушканчиков, кормившихся в прохладе свежими побегами трав и кустарников. В предрассветных сумерках отряд быстро закончил завтрак и чаепитие. Споив десяти лошадям всю солоноватую воду, отряд разделился и с первыми лучами солнца двинулся в путь. Караван из тридцати верблюдов, не пивших уже три дня, направился напрямик к долгожданным пресным колодцам. Всадники поехали в другую сторону, с тем чтобы обследовать участок трассы и прибыть вечером к колодцам, к готовому лагерю, где их должен был ждать сытный ужин, а главное, сладкий чай из пресной воды.

День обещал быть таким же жарким, как предшествующие, с температурой в 37—38 градусов, но со слабым, приятно освежающим ветерком. Но вышло не так. Воздух стал мутным, серым. Жара нарастала, подул ветерок, словно пахнуло воздухом из духовки. Ветер усиливался, и духота — вместе с ним. Казалось, что все вокруг должно сгореть под

На сотни километров через пустыню Кара-Кумы протянулось древнее русло Узбоя. На значительной части оно будет использовано для пропуска вод Главного Туркменского канала.

Откосы сыпучих барханных песков нависают над древним руслом. Эти пески в районе канала будут облесены на пространстве в полмиллиона гектаров.



Ливни октября 1951 года затопили единственную в долине Узбоя тополевую рощу Тоголек. По каналу потечет в сто раз больше воды, чем дал этот исключительный ливень.

порывами этого обжигающего и иссушающего суховея.

Люди еще держались и продолжали работу, но суховей не унимался. Пришлось сесть на коней и пуститься напрямик к колодцам. Лошади тяжело взбирались на косогоры высотой до 30 метров и спускались в глубокие котловины. Пройдя сотню метров, они снова начинали трудный подъем. В котловинах было тише, но более душно. На склонах и гребнях песком забивало рот, нос, глаза.

Жара к полудню поднялась до 47,2 градуса в тени. Решили укрыться под кустами. Но крепчал ветер, а главное, не было ни капли воды. Сколько продлится духота? А если она не спадет и ночью? Надо продолжать путь, но двигаться стало трудней. Лошади едва плелись. Пришлось спешиться и сесть под кустами.

До колодцев, где караван должен был разбить лагерь еще в полдень, оставалось всего километров пять по пескам и столько же по долине староречья Узбоя. Но как пройти этот десяток километров? Казалось, что не хватит сил даже встать, а не то чтобы сесть на коней. Нужно одно — вода, вода...

В отряде только один человек знал пустыню и представлял себе всю опасность положения. Это была женщина-географ, не впервые изучавшая Узбой. Она с трудом уговорила всех сесть на коней и направиться к соленым колодцам в 5 километрах от лагеря, а сама пришпорила коня, погнала его к лагерю. На рыси ей казалось легче, но как только на подъемах лошадь переходила в шаг, мутилось сознание.

Во рту было горько и сухо. Но женщина понукала коня и заставляла его двигаться вперед. Появились тучи, но обжигающий ветер не прекращался. Вот кончились пески, по долине легче гнать коня, но и он выбивается из сил.

Вдруг из-за поворота показался лагерь. Навстречу кто-то выбежал с ведром и вместо приветствия окатил холодной водой и всадницу и коня. Потом ее отвели под тент, окутали мокрой простыней. Сразу нагрузили верблюда двумя бочками с водой, и туркмены отправились на конях, взяв с собой кофе, лекарства и фляги пресной воды.

За это время отряд добрался до соленых колодцев, и все набросились на воду. Лишь выпив по две бутылки, люди заметили, что вода совсем не вкусная. Тут-то подоспели туркмены. Кофе, пресная вода привели всех в чувство. Напоены были кони, и через час отряд благополучно прибыл в лагерь.

Так к концу второго месяца работ изыскатели поняли, какой может быть пустыня. Ночью немного побрызгал дождь, но гроза не разразилась. Небо затянуло тучами, и следующий день все наслаждались прохладой, дышалось легко. Опасность еще больше сблизила людей, работа спорилась.

Наводнение в пустыне

Обычно пустыню представляют себе как место, где вечно царит жара. А ведь это совсем не так. В любой пустыне бывает холодно и пасмурно, изредка перепадают дожди, а иногда короткие ливни. Наши пустыни находятся в умеренной зоне, и зима в них порой суровая, с морозами до 20 градусов. Прекрасна здесь ранняя весна, хорошо работать и осенью, когда стоит мягкая, теплая погода.

В прошлом году изыскания велись и в октябре. Обычно в эту пору после одного — двух дождиков на песках зеленеет невзрачная травка песчаной осочки, словно пришла весна.

Но на этот раз в октябре начались такие сильные и длительные дожди, что казалось, наступила самая настоящая северная осень. Люди, впервые попавшие в пустыню, смеясь, спрашивали меня:

— Так это и есть солнечная Туркмения?

Один геолог составил и подарил мне «хронику дождей в безводной пустыне». В ней перечислялись 22 дождя, выпавших за два месяца, с 12 сентября по 11 ноября 1951 года.

Пустыню буквально затопило. Такыры — ровные глинистые участки — превратились в сплошные озера. Летом палатка исследователей стояла в тени тополевой рощи Тоголек, расположенной в староречье Узбоя. Тень этих 52 тополей была самым заманчивым уголком в Кара-Кумах. А в ночь с 26 на 27 сентября люди проснулись в воде.

За день до того выпал дождь, и вода по самому крупному оврагу, впадающему в Узбой, неожиданно через сутки достигла лагеря. Шлепая в темноте по воде и грязи, все начали собирать спальные мешки, палатки, ящики и грузить их на автомашины. На озере, возникшем на такыре, пришлось искать «брода», менее топких мест, чтобы выбраться на противоположный, возвышенный, берег Узбоя.

Всю ночь потерпевшие от наводнения в пустыне копошились в грязи и в воде, спасая имущество, вывозя его и разбивая новый лагерь. Лишь в шесть часов утра переселение закончилось. Новый лагерь имел странный вид. Палатки стояли вкривь и вкось, пегие от налипшей на них грязи.

Через три дня озеро исчезло, но позже, после обильного ливня 20 октября, Узбой заполнила вода на многие километры. Тополевая роща Тоголек оказалась посреди озера глубиной более метра. Шум воды, текущей по оврагу Ходжа-Арал, был слышен в течение нескольких часов на расстоянии более километра.

Под вечер, когда уровень воды повысился, на самом маленьком в Узбое перепаде, Бургунском, я смерил бушующий поток. Он переливался из одного озера в другое и нес около 5 кубических метров воды в секунду. Это в 10—12 раз меньше, чем на Москве-реке, но для пустыни это необычайный поток.

Старик-туркмен, живущий в Тоголеке 65 лет, рассказал нам, что столько воды он никогда в своей жизни не видел. Это был исключительный ливень и редкостное «наводнение в пустыне»... Пока мы измеряли поток и фотографировали его, вода стала спадать.

Через двое суток мы проснулись перед рассветом от гоготания диких гусей и уток, которые на перелете отдыхали на заполненном водой озере в русле Узбоя. А когда мы вышли из палаток, то увидели, что пески буквально преобразились. Повсюду пробивалась нежная зелень песчаной осочки. Спустя неделю она радовала глаз, и отары овец спустились с гор на сочные пастбища.

Пустыня преобразится

Самый жаркий день и наводнение в пустыне — это реальные эпизоды прошлого года. Можно возразить, что они не типичны, что год был особенным, что температура на трассе канала не поднимается выше 42—43 градусов, что ливни здесь очень редко достигают подобной силы. Но нельзя возразить против того, что природа пустынь действительно крайне капризна. Суховеи, схожие с описанным, типичны. Годы, относительно обильные осадками, нередко сменяются «сухими» годами. Природа то дарит двухгодовую норму дождей за два месяца, то оставляет пески без трав.

Советский человек не может мириться с прихотями слепой природы. Он должен преобразовать ее. Пустынное животноводство — одна из доходнейших статей нашего хозяйства — должно располагать кормами вне зависимости от милостей стихии.

Главный Туркменский канал обводнит 7 миллионов гектаров пустынных пастбищ.

Вдоль канала расположатся крупные оазисы, где пустыня превратится в свою, так сказать, противоположность. Климат в общем останется пустынным, но орошенные земли будут испарять так много влаги, что воздух здесь станет на 5—8 градусов прохладнее, чем в пустыне. Суховеи не смогут нанести ущерба сельскохозяйственным культурам.

Вдоль канала посадят широколиственные рощи. Дальше протянется двухкилометровая полоса саксаулового леса. За ней пройдет трехкилометровая охранная от выпаса зона защиты канала от песков — заросли саксаула — прекрасного топлива.

За пределами зеленой стены раскинутся грандиозные обводненные пустынные пастбища. Это значит, что в Кара-Кумах появится разветвленная сеть водопроводов. Повсеместно, там, где пески сменяются глинистыми почвами такыров, зацветут поля люцерны — одного из лучших кормовых растений. Вдоль долины Узбоя и среди пустыни возникнут кормовые базы животноводческих хозяйств с культурными пунктами, обеспеченными всем необходимым.

Пустыня заживет иной жизнью. Советский человек оградит себя от ее капризов, создаст в оазисах более мягкий климат. Природные пастбища в комбинации с посевами кормовых трав дадут возможность увеличить стада на миллионы голов. Пустыня, преображенная по плану великого Сталина, станет одним из многих источников коммунистического изобилия.

В соленых озерцах Узбоя плотность воды так велика, что человек может лежать на ее поверхности, не рискуя утонуть.

Уолт Уитмен

На наших вкладках

Одно из центральных мест на Всесоюзной художественной выставке 1951 года заняло большое полотно, выполненное творческим коллективом московских живописцев: А. Грицаем, В. Ефановым, Л. Котляровым, К. Максимовым, Б. Ставицким, П. Судаковым, Б. Щербаковым,— «Заседание Президиума Академии Наук СССР».

Залитый солнцем просторный зал, за распахнутыми окнами силуэты новых домов, яркая зелень нарядной летней Москвы. Идет совещание крупнейших ученых страны. Живые и точные психологические характеристики академиков, общий деловой характер заседания совмещаются с оптимистическим строем картины и известной торжественностью, которой она отмечена.

Около года работали художники над осуществлением картины, удостоенной ныне Сталинской премии. В процессе работы участники коллектива выполнили большую галерею портретов академиков.

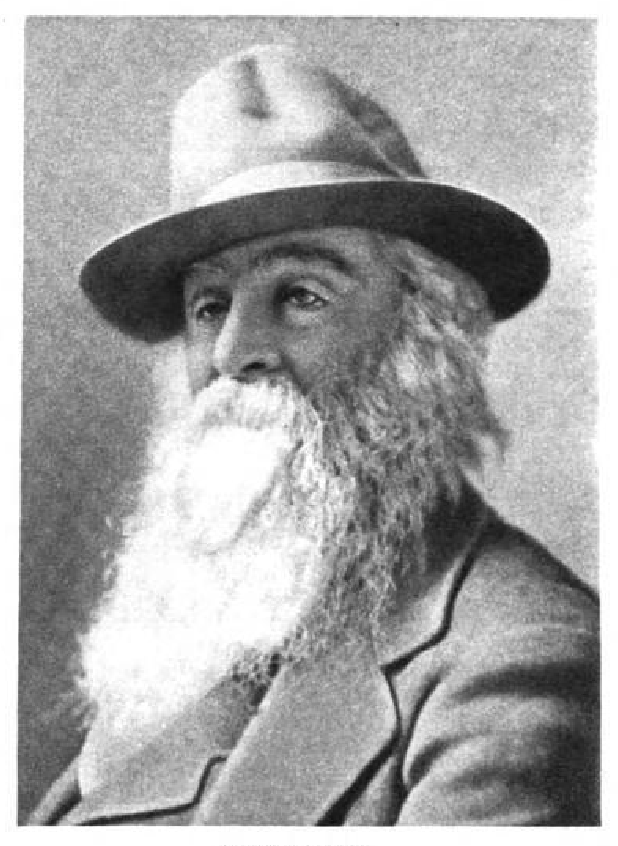
☆ ☆ ☆

Молодой москвич В. Нечитайло — интересный мастер жанровой картины. Хороший живописец и наблюдательный художник, он умеет найти характерную жизненную сценку, просто и душевно рассказать в картине о советских людях, их обычных, повседневных делах или часах досуга. Этой внутренней теплотой отмечена и новая работа художника — «Прием в партию на полевом стане». Спокойные, сдержанные краски, хорошо написанный пейзаж, вся обстановка временного жилья трактористов подчеркивают жизненность и правдивость изображенного события.

☆ ☆ ☆

В марте текущего года исполняется 170 лет со дня рождения замечательного русского художника О. А. Кипренского. О. Кипренский шестилетним ребенком был отдан учиться в Академию художеств. Редкие способности мальчика были сразу же замечены педагогами. Работы О. Кипренского постоянно получают награды, а за большую картину «Дмитрий Донской по одержании победы над Мамаем» ему присуждается большая золотая медаль, высшая награда академии. Но, закончив учебу, молодой мастер больше не возвращался к историческим темам. Его привлекают портреты, которым он и посвящает свое творчество. А. Пушкин, И. Крылов, В. Жуковский, Н. Гнедич, К. Батюшков и многие культурные деятели того времени изображаются художником. В период Отечественной войны 1812 года О. Кипренский создает галерею изображений героев-воинов, вдохновленных тем высоким патриотическим подъемом, который переживал весь русский народ. Тонкие психологические характеристики, глубокое, проникновенное понимание мыслей и чувств изображаемых людей и виртуозное исполнительское мастерство делают произведения О. Кипренского для нас столь же близкими и волнующими, как и для его современников.

Мы публикуем одну из поздних работ мастера — «Автопортрет» 1828 года, написанный в дни наивысшего творческого подъема О. А. Кипренского.



Уолт Уитмен.

26 марта 1952 года отмечается шестидесятая годовщина со дня смерти крупнейшего американского писателя, поэта-демократа Уолта Уитмена (1819—1892).

Уитмен выступил как писатель в США накануне гражданской войны Севера и Юга, в годы, когда народные массы Америки повели энергичную борьбу против язвы рабовладельчества. Первые значительные произведения поэта и были посвящены обличению южных плантаторов, а также буржуазных политиканов на севере страны, помогавших им расширять систему рабства.

Требуя дать отпор всем сторонникам рабовладельчества, Уитмен писал в стихотворении «Дом друзей» (1850):

> Боритесь, сплотясь,
> храбрее, чем воины,
> Немногие доблестные,
> как спартанцы,
> Не бойтесь свирепой,
> крикливой злобы...

Тогда же, вдохновленный революционными событиями в Европе 1848 года, Уитмен в стихотворении «Мы воскреснем» выразил убеждение, что, как ни свирепствуют тираны, трудовой народ, борющийся за свободу, добьется победы.

В 1855 году вышло первое издание сборника стихов Уитмена «Листья травы».

Лучшие поэмы сборника — «Песня о себе», «Песня о топоре» и другие — проникнуты большой верой в высокие моральные качества простого человека, в способность демократических элементов страны взять верх над реакцией.

Поэзия Уитмена искренне демократична, полна оптимизма и любви к народу.

Взволнованно, с глубокой симпатией говорит поэт о невольниках-неграх, описывая в одном из стихотворений, как рядовые люди помогают неграм бежать от своих хозяев.

В годы гражданской войны (1861—1865) Уитмен горячо призывал народ громить плантаторскую аристократию, уничтожить навсегда позорное клеймо рабства.

«В американском народе,— писал Ленин,— есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке». Можно сказать, что в творчестве Уитмена нашли отражение некоторые стороны той революционной традиции, о которой говорит Ленин.

Глубокий демократизм Уитмена сказался и в том, что после гражданской войны, закончившейся обманом народных масс и укреплением в Америке власти хищных промышленников и банкиров, писатель создал ряд прозаических произведений, в которых с возрастающей силой звучат антикапиталистические мотивы.

В обстановке возникновения в США мощных капиталистических монополий и усиления национального гнета писатель начинает яснее видеть пороки буржуазной демократии, негодует против засилия миллионеров, резко осуждает свойственную американцам «дьявольскую, сумасшедшую жажду денег», протестует против распространения на его родине расизма, бичует антидемократичность американских законов, печать, находящуюся в руках богачей.

Передовые люди разных стран, в том числе и самой Америки, видят в Уитмене поэта, воплотившего во многих своих произведениях народную мечту о свободе, о лучшей жизни.

Уитмен не понимал всемирно-исторической освободительной миссии пролетариата, до конца дней своих он не смог полностью преодолеть ограниченность близких ему идеалов мелкобуржуазной фермерской стихии. Отсюда — известная противоречивость его взглядов, сохранение некоторых иллюзий насчет буржуазной Америки, что определило слабые стороны его творчества. Но в высшей степени важно то обстоятельство, что Уитмен не стоял на месте, что он прошел большой путь идейного развития. В последние десятилетия своей жизни писатель нередко выражал живую симпатию по отношению к социалистическим идеалам рабочего класса, приходил к выводу, что революционные методы необходимы для борьбы не только против рабовладельчества, но и против гнета плутократии.

Подготовляя к печати одно из изданий «Листьев травы», Уитмен выделил группу своих стихотворений в специальный раздел — «Песни восстания»,— предпослав ему предисловие, в котором отмечается «коварная хватка капитала» в Америке, «рост коррупции и тирании».

Какова же судьба творческого наследия столь демократичного писателя, как Уитмен, в Америке, превратившейся ныне в самого крупного и самого наглого империалистического хищника?

Бернард Шоу сказал однажды: «Уитмен — классик... Любопытно, что Америка — единственная страна, где стараются этого не замечать, точно можно не видеть солнца на небе».

При жизни Уитмена американская буржуазия попросту травила его. Ныне в борьбе против демократического наследия поэта заокеанские капиталисты широко используют свойственное им изощренное лицемерие. Ну как можно говорить о непризнании Уитмена в США! Разве не выпущены свитеры с вышитой строкой из стихотворения Уитмена «Я слышу — Америка поет»?

В то же время, как с возмущением свидетельствует Говард Фаст, «критико-литературные журналы систематически выступают с нападками на Уитмена, с презрительными, лживыми рассуждениями по поводу его творчества, с «учеными» исследованиями на тему о «сомнительной ценности» Уитмена».

Буржуазный литературовед Уиллард в своей книге «Американская слава Уитмена» (1950) вынужден признать, что славе, которой пользуется в США этот замечательный поэт, всячески стремятся придать формальный, «пустой» характер. Американских школьников знакомят в лучшем случае лишь с двумя-тремя коротким стихотворениями Уитмена. «По окончании средней школы,— свидетельствует автор,— только немногие имеют какое-либо представление о крупнейших поэмах Уитмена или об его прозе».

На улицах Нью-Йорка, в котором писатель прожил большую часть своей сознательной жизни, не найти памятника великому писателю. Домик, где родился Уитмен, находится в совершенно запущенном состоянии. Потеряв надежду продать его для использования в качестве музея, владелец дома грозил устроить в нем харчевню.

Впрочем, вандализм американской буржуазии этим не ограничивается. Стремясь «обезвредить» Уитмена, целые сонмы реакционных литературоведов заняты в настоящее время фальсификацией облика поэта в соответствии с потребностями американских империалистических кругов. Так, в статье, опубликованной в прошлом году в литературном журнале «академического» склада «Американ литерачур», предлагается искать истоки поэзии Уитмена в сфере... психопатологии или же в плоскости якобы присущих поэту экспансионистских устремлений.

Буржуазные литературоведы самым тщательным образом скрывают от широких народных масс подлинное лицо Уитмена, глубокую, органическую связь, существующую между его творчеством и борьбой рабочих и фермеров за свои права.

Показательна судьба замечательного памфлета Уитмена «Восемнадцатые выборы президента», написанного накануне выборов 1856 года. Уитмен надеялся сделать свои мысли известными миллионам «механиков, фермеров, моряков». Но денег для издания не нашлось, и памфлет так и остался неопубликованным. Лишь в 1928 году «Восемнадцатые выборы президента» были включены в книгу, вышедшую тиражом... 750 экземпляров. Произведение это, по сути дела, американскому народу неизвестно. Впервые переведенный на русский язык, памфлет этот в сокращенном виде публикуется в этом номере.

Недоверие к господствующим в Америке партиям, которое высказал Уитмен в этом памфлете, не носило преходящего характера. Треть века спустя он еще более резко осудил двухпартийную систему, заявив, что как республиканцы, так и демократы являются лишь «апологетами плутократии», жадными свиньями, пожирающими народное добро.

Сегодня, когда демократы и республиканцы в Америке развертывают демагогическую трескотню накануне очередных, сорок вторых выборов президента, недвусмысленные оценки, данные Уитменом американским политиканам почти столетие тому назад, звучат очень свежо и актуально.

Уитмен громил в своем памфлете южных рабовладельцев и их буржуазных друзей. Но в наши дни, когда трудящиеся Америки находятся «в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров» (Ленин), политической жизнью страны командуют даже более наглые и жестокие рабовладельцы, нежели те, с которыми имел дело Уитмен.

Уитмен никогда не терял веры в будущее и был твердо убежден, что в конечном счете народ «утвердит свой приоритет». Это убеждение вдохновляет и передовых людей современной Америки, организующих отпор антинародным планам своих фашиствующих правителей.

М. МЕНДЕЛЬСОН

ВОСЕМНАДЦАТЫЕ ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА

Уолт УИТМЕН

Механики, фермеры, моряки и т. д. составляют добрых шесть миллионов населения Соединенных Штатов; число торговцев, юристов, врачей, учителей и священников доходит до пятисот тысяч; рабовладельцев насчитывается триста пятьдесят тысяч; а всего жителей в этих Штатах около тридцати миллионов, из них семь десятых женщин и детей. В настоящее время личный состав правительственных органов этой тридцатимиллионной страны, включая исполнительные органы и все прочее, складывается из адвокатов-краснобаев, речистых, но ничтожных старцев, профессиональных политиканов, хлыщей, желчных из-за катарра желудка джентльменов и т. д.; лишь в очень редких случаях попадется человек из гущи народа. Результаты этого налицо, и в будущем они дадут себя знать, конечно, еще резче...

Я надеюсь дожить до того дня, когда люди, подобные нынешним членам правительства, современным деятелям всяких федеральных, штатных, муниципальных, военных и военно-морских учреждений, будут вызывать лишь презрительную усмешку, когда в конгрессе и на официальных постах появятся умелые механики и другие молодые люди в рабочей одежде, лишь вчера оторвавшиеся от орудий труда, чтобы потом с достоинством вернуться к ним. Молодые люди должны быть готовы с честью выполнить свой высокий долг — у них есть для этого необходимые природные данные. Запомните, нельзя уступать дорогу тем, кто не доказал своего превосходства. У американских механиков и молодых людей можно найти куда больше простой, грубоватой отваги, больше дружелюбия, добросовестности, трезвого ума и способности к любому делу, даже самому большому и ответственному, нежели у всех официальных лиц в законодательной, исполнительной, судебной, военной и военно-морской сферах, да и у всех литераторов, вместе взятых. Мне было бы любо увидеть президентом какого-нибудь американского кузнеца или лодочника, героического, умного, бывалого, здорового бородача средних лет, пришельца с запада, из-за Аллеганских гор, человека в опрятном рабочем платье, руки, лицо и грудь которого покрыты загаром; я предпочел бы подать свой голос за одного из таких людей, наделенного нужными качествами.

Кто бы вы ни были, вы должны воспринять эту мысль, она должна проникнуть в сознание всего американского народа и в конце концов найти воплощение в действии.

Мы, жители современной Америки, окружаем себя — во имя респектабельности — всяческой чепухой. Всюду царит удушающая атмосфера, которая превращает миллионы фермеров и механиков в покорное орудие сравнительно немногочисленной кучки политиканов. Пора кому-нибудь сделать первый смелый шаг!..

Но позвольте, разве плоха существующая у нас система выдвижения на государственные должности? Что в ней может не нравиться? На мой взгляд, никуда она не годится. Если посмотреть на людей, занимающих государственные посты в Штатах, то обнаружится, что ни один на тысячу не был избран волей народа, ни один на тысячу не заботится о народных интересах; все кандидаты выставляются и проталкиваются большими или малыми кучками политиканов; многим предоставляют должности лишь в награду за участие в предвыборных махинациях; каждое официальное лицо преследует только свои личные и узко партийные цели. Ни на президентском месте, ни в конгрессе США, ни среди американских послов за границей, ни между губернаторами штатов, ни в законодательных органах, ни среди мэров, ни в муниципальных или полицейских управлениях, ни на судейских креслах мы не найдем ни одного храброго, мускулистого, молодого, решительного, широко осведомленного, заслуживающего симпатии сына Америки, который ставил бы себе задачей выполнять свой долг, держась в стороне от партий и даже презирая их. На самом деле господа, которым доверена защита интересов народа, предают народ, заботясь лишь о личной выгоде да о том, как бы создать рекламу своей партии. Официальные посты, в том числе и президентский, являются объектами купли и продажи, предметом предвыборного торга, они проституируются и заполняются проститутками мужского рода. В северных и восточных штатах мы видим сонмы «мягкотелых»[1], орды чиновников-паразитов, сутенеров-редакторов, клерков, обслуживающих десяток тысяч должностных лиц с их партиями, — все они только мечтают, как бы нажиться за счет политики, урвать кусок получше; им чужды принципы, т. е. то, чем должен гордиться человек. А на Юге — врали и хвастуны без числа, декламаторы мелодраматического пошиба, назойливым визгом отравляющие покой своего штата и всей Америки; это наглецы, каких еще не видывал свет...

Что же дальше? Неужто и впредь будет позволено этим выродкам видеть в наших президентах лишь живое воплощение самих себя? Возможно ли, что партии навеки узурпировали власть? Допустимо ли, чтоб адвокаты, «мягкотелые» да триста пятьдесят тысяч рабовладельцев всегда командовали тридцатью миллионами? Где же истинные американцы? Где наш трудовой люд — пахари, лесорубы, землекопы, жнецы? Где плотники, каменщики, машинисты, возчики, фабричные рабочие? Куда девался в Штатах дух мужества и здравый смысл? У правительства этих качеств не найти, у президента и подавно.

Шестнадцатый и семнадцатый президентские сроки показали нам, что подлость и бездушие в той же мере свойственны правителям Соединенных Штатов, как и любому деспоту, королю или императору за рубежом. История заклеймит эти два последних президентства как верх позора и грозное предупреждение. Никогда еще с такой откровенностью не проявляли себя люди извращенные, бездарные, малодушные, неустойчивые и лицемерные! Никогда еще страна не подвергалась таким оскорблениям, никогда не нависала над ней столь явная опасность предательства! Главные цели, ради которых было создано наше государство, беззастенчиво отвергаются. В северных штатах нагло проповедуют, что рабство ничем не хуже свободы, нет, рабство даже лучше! Предлагают возобновить торговлю рабами! Всюду хмурые лица и отсутствие взаимопонимания, всюду человек унижен и доведен до отчаяния. Президент ест экскременты и нечистоты на завтрак, обед и ужин, облизывается и хочет заставить весь народ Соединенных Штатов следовать его примеру. Грязью и кровью пропитано ложе президента. Кровью обагрены полы в конгрессе... Исполнительная, судебная, военная и военно-морская власть в Соединенных Штатах предала народные массы, законных хозяев страны, и присягнула на верность тремстам пятидесяти тысячам рабовладельцев, обещая отдать в полное распоряжение им и их наследникам весь наш континент и вооруженной силой охранять власть этих людей над рабами и рабынями: рабами-землепашцами, рабами-рудокопами, рабами-возчиками, рабами-матросами и т. д. Рабство утвердилось у нас как признанная американская система, превосходная, общенациональная, конституционная, справедливая, — словом, ни в чем не уступающая свободе. И это еще не все. Сейчас, в эту минуту, полицейские и агенты президента могут именем закона ворваться в любой дом, в какой бы части страны он ни находился, схватить любого человека и по личному произволу решить, какому мужчине, какой женщине быть на свободе, а кому — в рабстве...

[1] «Мягкотелые» — так называли буржуазных политиканов из северных штатов, поддерживавших южных плантаторов-рабовладельцев. (Примечание переводчика.)

Откуда же — из года в год — появляются диктаторы, навязывающие Америке своих кандидатов? Из адвокатских контор, из тайных обществ, с городских задворков, из кабаков и ночлежек, из таможен, полицейских участков, почтовых контор и игорных притонов, из резиденции президента, из тюрем и домов предварительного заключения, из венерологических больниц, из потаенных мест, где в глухую полночь разрабатываются дьявольские планы раскола Соединенных Штатов, из политических катафалков, из гробов в этих катафалках и из саванов в этих гробах; из болячек и язв всей страны, из скелетов и черепов в склепах государственных богаделен, из гноящихся ран больших городов — вот откуда собирают представителей на национальные, штатные, городские и районные предвыборные съезды партий, вот откуда появляются самые влиятельные делегаты, определяющие исход голосования.

Кто же они сами по себе? Это люди, дорвавшиеся до теплых казенных местечек или ищущие таковых; это бандиты, сводники, клеветники, заговорщики, убийцы, сутенеры, почтмейстеры, таможенные чиновники, подрядчики, продажные редакторы, дрессированные пудели, готовые стоять на задних лапках по приказу хозяина, маклеры, не знающие ничего святого прохвосты, враги единства страны, террористы, гончие за беглыми рабами, агенты рабовладельцев, ставленники нынешнего президента и протеже кандидатов в президенты, шпионы, хвастуны, политические махинаторы, осквернители могил, скандалисты, взяточники, соглашатели, дезертиры, специалисты по подкупу официальных лиц, паразиты, битые спортсмены, разоблаченные шулеры, подхалимы, игроки на скачках, дуэлянты, личности, тайно носящие оружие, слепые, глухие, прыщеватые, люди с язвами на теле от дурной болезни, но зато с толстыми золотыми цепями на жилетах — из дани проституток и из денег, награбленных у народа, пресмыкающиеся, ползучие гады, вши, вычесанные из волос, отбросы рода человеческого, сызмальства торгующие свободой...

Я обращаюсь к морякам, портовым грузчикам, извозчикам и разрубщикам мясных туш, к землепашцам, лесорубам, рыночным торговцам, плотникам, каменщикам и чернорабочим, к фабричным рабочим, ко всем тем, кто в Америке зарабатывает свой хлеб насущный собственным трудом, я обращаюсь к вам, механики! Шайка изолгавшихся пустозвонов из северных штатов прожужжала вам уши ловко состряпанными речами о демократии и демократической партии. Другие лжецы спекулируют на слове «американизм» (серьезное, многозначительное слово!), поднимая шум до небес. Между тем наша так называемая демократия несет грядущим поколениям простых людей участь более страшную, чем несет чума...

Старые партии обанкротились, но их дряблые тела еще живут, а гнилые рты извергают визгливые, лишенные смысла звуки, столь знакомые нам по предвыборным съездам. Политиканы, прячась в тени, попрежнему лгут, пытаясь ввести народ в заблуждение, запугать его...

Молодые американцы, механики, фермеры! Долго ли вы намерены жить в подчинении у трехсот пятидесяти тысяч рабовладельцев, терпеть их шпионство и террор? Или вы тоже их рабы, их самые покорные рабы? Неужели ни один из вас не осмелится поднять голос и заявить мужественный протест против рабства, потребовать уничтожения рабовладельческой системы, как нетерпимой, позорной для белых людей? Разве не осталось у нас писателей, педагогов, общественных деятелей, в ком бьется живое сердце, неужели все они согласны слизывать плевки трехсот пятидесяти тысяч рабовладельцев? Разве не найдется в пятнадцати больших и густонаселенных штатах Севера ни одной смелой, свободолюбивой души?..

Молодые люди! Американские механики, фермеры, лодочники, производители промышленных изделий и весь трудовой люд Юга, так же как и Севера! Либо вы уничтожите рабство, либо рабство уничтожит вас!..

Сокращенный перевод с английского
В. ЛИМАНОВСКОЙ

В. К. Нечитайло. ПРИЕМ В ПАРТИЮ НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ.
Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

На обороте: **А. М. Грицай, В. П. Ефанов, Л. С. Котляров, К. М. Максимов, Б. В. Ставицкий, П. Ф. Судаков, Б. В. Щербаков.** ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР.
Всесоюзная художественная выставка 1951 года.

О. А. Кипренский. АВТОПОРТРЕТ (1828 год).

Государственная Третьяковская галерея.

УБИЙСТВО КЛАССИКА

Ральф ПАРКЕР

Тому назад четыре десятилетия в больнице города Ливерпуля умер в возрасте сорока лет человек по имени Роберт Нунэн, ирландский маляр. Он умер от туберкулеза легких, в полной нищете и безвестности. Но он оставил после себя книгу, которая вскоре стала любимой книгой десятков тысяч английских рабочих. И если бы не события, о которых я расскажу ниже, роман Роберта Нунэна занял бы подобающее ему по праву место среди классических произведений английской литературы.

Прощаясь со своей восемнадцатилетней дочерью Кэтлин, умирающий сказал, что не оставляет ей ничего, кроме рукописи. «Не уничтожай ее,— просил он.— Она может принести пользу в свое время». Девушка бережно сшила розовой ленточкой 1 674 рукописных листа, спрятала отцовское наследство в сундук и нанялась работать домашней прислугой в Лондоне.

Однажды ее хозяйка — литературная дама — беседовала за чашкой чая со своими подругами о книгах. Кэтлин, прислуживая за столом, внимательно прислушивалась к разговору, и вдруг ей вспомнилась рукопись отца. Когда гости ушли, она робко сказала хозяйке, что покойный отец ее написал книгу. Лэди заинтересовалась этим «курьезом», просмотрела рукопись и решила показать ее одному из своих знакомых, имевшему связи с лондонскими издательствами. Издатели сразу почуяли коммерческую выгоду от выпуска книги, написанной простым рабочим, и вот через год вышел в свет роман «Филантропы в лохмотьях» Роберта Трессела.

Это был литературный псевдоним Роберта Нунэна.

Однако вышедшая книга была не той книгой, которую написал Нунэн. Сначала потребовали от его дочери, чтобы она сократила рукопись в несколько раз, потом издатель урезал текст еще вдвое.

Но прежде чем рассказывать в подробностях об этом литературном убийстве, давайте посмотрим, кто был автор и как он пришел к тому, чтобы стать писателем.

Сведения о его детстве скудны. Известно только, что родился он в Дублине и юношей эмигрировал в Южную Африку. Есть следы его пребывания в Иоганнесбурге за несколько лет до англо-бурской войны. Он участвовал в создании ирландской бригады для борьбы с британскими империалистами, был, повидимому, арестован колониальными властями и затем выслан в Англию около 1902 года. На фотографии, относящейся к этому времени, мы видим лицо человека, отмеченное чертами мужества, ума и большого душевного обаяния. Один из его ближайших друзей говорил, что Роберт был мягок и приветлив в дружеской беседе, но он словно весь наливался желчью и ядом, когда начинал говорить о социальном неравенстве и капиталистической эксплуатации.

В течение девяти лет, почти до самой смерти, Роберт прожил в Гастингсе, на южном берегу Англии. Когда он приехал туда, местные рабочие, большей частью строители, переживали исключительно трудное время: сказывались последствия англо-бурской войны, безработица душила их. В таком городе, как Гастингс, где промышленность была развита слабо, безработным не осталось ничего другого, как добывать себе случайный кусок хлеба, нанимаясь в носильщики или дворники к богатым людям. Роберт бурно протестовал против покорности и приниженности этой части рабочего класса. Поэтому он и дал своему роману такое иронически-горькое название — «Филантропы в лохмотьях». «Филантропами» он называл рабочих, которые, безропотно позволяя правящим классам выжимать из себя пот, тем самым, по его мнению, увековечивали социальное зло.

На первой странице его рукописи есть еще подзаголовок — «История восемнадцати месяцев в аду, рассказанная одним из отверженных». Нечего говорить, что подзаголовок этот был опущен издателями.

Когда Роберт приехал в Гастингс, он повсюду наталкивался на одни и те же слова: «Рабочих рук не требуется». Он заложил и продал все, что можно было, из одежды, голодал, живя на гроши от случайного заработка. Люди, знавшие Нунэна в те дни, рассказывали, что ютился он вместе со своей дочерью в какой-то почти необитаемой лачуге. Вместо мебели служили старые ящики, один был превращен в письменный стол, за которым Роберт обычно сидел, окруженный грудой книг.

Книги он поглощал с невероятной жадностью. Из его романа легко увидеть, что он хорошо знал Диккенса, Свифта, Филдинга, Шекспира, Шелли, Байрона, Вильяма Морриса, Джона Рёскина. Часто он приводит в своей книге отрывки из английских поэтов. Он читал все, что мог найти по истории, политической экономии, по теории социализма, естествознанию, и с особым интересом изучал Дарвина. Он очень любил Диккенса за его монументальность в обрисовке общественных проблем, Филдинга — за силу образов и глубину. Но писатель, которого он буквально боготворил, был Свифт с его острой, бичующей сатирой.

В те времена можно было видеть на улицах Гастингса покинутых детей, умирающих от голода, мужчин, женщин, лишенных даже скромного заработка. Все это разоблачали в своих речах первые социалистические агитаторы, среди которых нашел себе место и Роберт Нунэн. Он вступил в кружок для изучения теории социализма и прежде всего Маркса. Нунэн стал секретарем социалистической группы, устраивавшей уличные митинги, на которые часто нападали банды нанятых предпринимателями хулиганов. Некоторые из членов гастингской социалистической группы впоследствии, в 1920 году, вступили в ряды Английской коммунистической партии.

Нунэна не удовлетворяли речи на митингах и разбрасывание листовок. Он чувствовал, что должен писать. Примерно в 1907 году он сообщил своим товарищам, что занялся важной работой, которая отнимет у него все время

Роберт Трессел.

в течение трех — четырех лет. И действительно, он три года подряд отдавал своему произведению вечера, ночи, воскресные дни. Он писал то, что сам называл своим «дневником», писал упорно, настойчиво, вдохновенно, пока болезнь окончательно не свалила его с ног.

Роман «Филантропы в лохмотьях» в том подлинном виде, как написал его Нунэн, ярко и правдиво отражает тяжелую жизнь английских строительных рабочих в начале века. Книга раскрывает мучительную борьбу, которая протекает в сознании наемного рабочего, как постепенно освобождается он от иллюзий и начинает понимать причину своих страданий, как шаг за шагом рабочий рвет со старыми представлениями — религиозными, политическими, социальными, как сначала смутно, потом все отчетливее формируется в нем социалистическое сознание.

Роберт Нунэн страстно хотел изменить существующий порядок, и это толкнуло его на создание книги.

Но именно по этой причине издатели и вычеркнули из романа почти все, что было оптимистичным по тону и революционным по содержанию. И в первом издании и во втором, еще более сокращенном, была удалена развернутая автором в ярких художественных образах беспощадная критика капиталистического строя. Правда, и в изуродованном виде роман «Филантропы в лохмотьях» привлек на сторону социализма тысячи рабочих в Англии. Влияние книги, несомненно, возросло бы во много раз, если бы она увидела свет в том виде, как была написана.

Преступление, совершенное издателями в отношении романа, стало известно только в самое недавнее время. Рукопись, как оказывается, исчезла сразу же после выхода первого фальсифицированного издания — в 1914 году. И лишь теперь, когда английский коммунист Ф. С. Болл занялся подготовкой биографии Трессела-Нунэна, были предприняты серьезные поиски рукописного оригинала. Биографу удалось наконец отыскать рукопись и приобрести ее — семеро рабочих пожертвовали на это часть своих сбережений от пособий по демобилизации.

Теперь можно было подумать об опубликовании полного текста романа. Ф. Болл обращался с этим предложением поочередно ко многим издательским фирмам и всюду получал отказ. Наконец появился проблеск надежды — завязались переговоры с национальной федерацией строителей, которая решила взять это дело под свое покровительство.

Но надежда снова рассеялась, как дым. Издатели, выпустившие первый «вариант» романа, решительно отказались поступиться своим «исключительным правом». Правда, сам Нунэн-Трессел не получил с этого издания ни гроша, а дочери его, как выяснилось, уплатили за рукопись ничтожную сумму в 10 фунтов. Издатели полностью загребли себе доходы от книги, и притом довольно значительные. Она переиздавалась 22 раза, и общий тираж ее составил к концу прошлого года 137 тысяч экземпляров. Тем не менее издатели наложили запрет на полное издание под тем предлогом, что это повлияет на их «возможные прибыли» в дальнейшем. Таковы кулисы «свободы печати» в Англии.

Впрочем, кроме «защиты законной прибыли», есть и другие причины, вставшие на пути издания этого замечательного художественного произведения. Они в самом содержании книги, в таких ее страницах, как приводимая ниже, где писатель страстно обличает капиталистических предпринимателей.

«В разумно устроенном человеческом общежитии,—размышляет Франк Оуэн, герой романа,— такие люди были бы признаны опасными для окружающих. Их взяли бы под стражу. Этим выродкам чужда малейшая мысль о лучшем будущем для человечества. Они не хотят знать ничего, что делает жизнь красивой и чистой,— им нужны только деньги, деньги, которыми они не в состоянии даже достойно пользоваться. Глухие и слепые к голосу разума, они погрязли в одном: в грубой суете приходов и расходов... О, они знают: их деньги политы потом других людей, их братьев, окроплены слезами малых детей. Но они — как из камня, алчность закрыла угрызениям совести путь в их сердца. Навсегда свободные от какого-либо благородного чувства, они ползают в гнили и тине, вырывая цветы, чтобы дать простор червям...»

Да, нетрудно понять, почему лондонские издатели постарались

спрятать эти слова Оуэна-Трессела от английских читателей!

Вчитайтесь внимательно в рукопись романа, и вы убедитесь, что книга была «препарирована» издателями с таким расчетом, чтобы изобразить социализм как нечто «лишенное практического смысла», создать впечатление, что социалисты — это род маньяков, видящих единственный выход... в самоубийстве. Конечно, это было самое наглое извращение главной идеи автора!

На последних страницах своей книги, продолжая предостерегать рабочих от соблазнов капитализма, автор романа устами своего героя поет гимн тому новому обществу, которое, по его твердому убеждению, народ построит в свое время. Разумеется, и эти страницы были сокращены издателями, а одна из них была полностью переделана.

Роберт писал, что неизбежно и неотвратимо наступит время, когда производство и распределение благ будут подчинены не выгоде немногих, а благоденствию всех. Он был далек от пессимизма и отчаяния,— наоборот, он звал английских рабочих, среди которых жил и боролся, смотреть вперед, в будущее.

«В центре каждого города,— мечтает Оуэн-Трессел, — будет воздвигнуто большое здание для отдыха и радости. Там будет великолепный театр, концертный зал, библиотека с читальней, школа, спортивные комнаты и гостиные...»

Прочтем самые последние, также вычеркнутые издателями, страницы романа (они были написаны в 1910 году):

«...Сгущаются сумерки, они опускаются, словно занавес, скрывающий от глаз бесчестие, господствующее в мире... В каждой стране миллионы вооруженных людей ждут только знака тех, кто правит, чтобы кинуться на других вооруженных людей и терзать друг друга, как дикие звери. Вокруг простирается царство неравенства — богатство, роскошь, порок с одной стороны; бедность, голод, преступность — с другой...

Мрачные тени клубятся на улицах, в них прячется до времени гордая нищета и тайное страдание. Но уже черные тучи собираются в предгрозовом небе, как Немезида, нависают они над миром капитализма. Этот жестокий строй, достигший последней меры беззакония и кровожадности,— уже готов рухнуть под обломками своих злодеяний, его крушение неотвратимо, ибо весь он — бесчеловечность и безнравственность...

Человечество просыпается после долгой ночи рабства и скорби, люди подымаются из пыли и грязи, в которой они так долго лежали, распростертые ниц,— и вот они глядят уже ввысь и тянутся к свету, который разгорается в небесной синеве. Этот свет озарит весь мир, единую родину человечества, он засверкает на позолоте домов и башен прекрасных городов будущего, где люди соединятся в подлинном братстве и дружбе. Этот немеркнущий свет, лучи которого будут сиять для всего счастливого человечества, — свет восходящего солнца социализма».

С тех пор, как умер автор этих слов, капитализм, о котором он говорил с такой силой негодования, уничтожен на третьей части нашей планеты,— но еще не в Англии. Прекрасные города, образ которых вставал перед ним за узким окошком бедного жилья в Гастингсе,— эти города уже построены,— но еще не в Англии. Солнце социализма взошло, и оно светит уже для миллионов людей, живущих радостной и достойной жизнью,— но еще не в Англии.

Вот почему классическое по мастерству произведение Нунэна-Трессела, давшее замечательную картину жизни английских рабочих, придавленных мраком капитализма, все еще лежит до сих пор на кухонном столе в скромном английском домике, в нескольких сотнях ярдов от того места, где его писал высокоодаренный мастер слова из народа. Оно все еще не может увидеть света, приговоренное к смерти врагами тех самых рабочих, которых писатель-рабочий звал на борьбу за социализм.

Роберт ТРЕССЕЛ

(Из романа «Филантропы в лохмотьях»)

Рисунки В. Высоцкого

В лицо его звали мистер Хантер. Так именовался он и среди братьев своих во Христе — прихожан церкви «Воссиявшего света». Рабочие же, которых он нещадно тиранил, предпочитали называть его,— конечно, за спиной — «Немвродом» или «Болячкой».

Он был производителем работ и разъездным надсмотрщиком в торговом доме, с вывеской которого мы сейчас ознакомим читателя:

> **Раштон и К⁰. Город Магсборо.**
> Строительные и отделочные работы. Подряды на постройку домов. Сметы на капитальный ремонт. Все для похоронных процессий.
> Безукоризненное исполнение. Исключительно умеренные цены.

Хантер был долговязый, сухопарый человек, одежда болталась на его угловатом, костлявом теле, как на вешалке. Мешковатые брюки уродливыми складками ложились вокруг длинных ног с вывернутыми внутрь коленями и большими плоскими ступнями. Руки у Хантера были длинны даже для его высокого роста и кончались огромными кистями с искривленными, узловатыми пальцами. Когда он снимал свой котелок, чтобы вытереть красным платком пот, часто выступавший от непрерывных разъездов на велосипеде, видно было, что лоб у него узкий и гладкий, как лепешка. Длинный мясистый нос походил на ястребиный клюв, и две глубокие морщины шли вниз от ноздрей, теряясь в обвисших усах, прикрывавших рот. Рот был солидных размеров. Но это обнаруживалось лишь тогда, когда Хантер разевал его, чтобы обругать кого-либо из рабочих. Нижнюю челюсть украшал непомерно длинный и широкий подбородок. Глаза были тусклоголубого цвета, и почти непременными были жиденькие светлые брови, разделенные вертикальной складкой. Покрытая жесткими темными волосами голова сильно расширялась к затылку, уши были малы и казались приросшими к черепу. Так выглядело это мертвенное лицо, чем-то сильно напоминавшее крышку гроба...

Этот человек состоял на службе у Раштона и К° пятнадцать лет, почти с начала существования фирмы. Патрон уже в те времена сообразил, что неплохо бы иметь человека на побегушках, который впряжется во всю грязную работу, примет на себя всякие хлопоты и развяжет хозяину руки для более приятного времяпровождения. Хантер еще был простым поденным рабочим,— хотя и подумывал завести собственное дельце,— когда Раштон предложил ему место производителя работ за два фунта в неделю плюс два с половиной процента с чистой прибыли. Предложение

внешне выглядело весьма щедрым. Хантер согласился, распростился с мечтами о собственном предприятии и отдался телом и душой новым обязанностям.

Он составлял сметы, делал замер работ, прикидывал их стоимость. Он же и надзирал самолично за работой, всячески изощряясь в изобретении способов обжулить заказчика на материале. Там, где полагалась известка, он пускал в ход глину, где требовался цемент, употреблял известку, ставил цинк вместо свинца, вареное масло вместо лака и давал три слоя краски, когда в смету было вписано пять. Мошенничать на материале было у Хантера чем-то вроде мании. Он не находил себе места, если что-либо бывало сработано добросовестно. Даже когда экономнее было сделать работу аккуратно, он все равно старался надуть клиента. Спокоен он был только тогда, когда что-нибудь было сделано из рук вон плохо.

В свободное время он своим глазом хищника высматривал новые подряды. Он устанавливал деловые отношения с сиделками в больницах, и те без промедления извещали его, когда какой-нибудь бедный страдалец испускал дух. Они же рекомендовали опечаленным родственникам фирму Раштон и К° для покупки гроба и прочих похоронных принадлежностей. Чтобы разведать материальное положение постигнутой несчастьем семьи, Хантер вламывался со своей мало привлекательной фигурой в охваченный скорбью дом, и здесь, в самой обители смерти, он ухитрялся отстоять интересы Раштона и К° и выколотить свои два с половиной процента.

Так продолжалось пятнадцать лет... Болячка стоял над рабочими, как черное видение безработицы. Он ежеминутно грозил им увольнением, а детям и женам их — голодом. Над Болячкой же стоял Раштон, он постоянно подстегивал своего подчиненного и поощрял к любым жестокостям во имя славной цели — накопления денег в кассе фирмы Раштон и К°...

...Пока читатель знакомится с мистером Хантером, последний совершает некое стратегическое продвижение на велосипеде по направлению к трехэтажному загородному дому, носящему поэтическое название «Грот». В этом доме, принадлежащем местному торговцу Слоутеру, фирма Раштон и К° производит сейчас капитальный ремонт. Под начальством десятника Боба Красса там работают 25 человек — маляры, обойщики, столяры, плотники.

Болячка едет осторожно, держась края дороги, чтобы никто из работающих в доме не заметил его приближения. В ста ярдах от ворот он спрыгивает с велосипеда: здесь дорога круто подымается кверху. Он идет в гору пешком, ведя машину, тяжело дыша на морозном воздухе...

На дороге, у решетки сада, его поджидали какие-то люди. Впрочем, Хантер знал их всех в лицо: в разное время эти люди работали у Раштона и К°, теперь они без дела. Их пятеро, трое стоят кучкой вместе, остальные двое — порознь. Один из троих идет навстречу Хантеру:

— Добрый день, сэр!

Не задерживаясь, Хантер отвечает на приветствие нечленораздельным бурчаньем.

— Есть какая-нибудь надежда на работу, сэр?

— Всё полно! — отвечает Хантер, попрежнему не останавливаясь.

Но человек идет за ним, словно нищий, вымаливающий подаяние.

— Может, стоит наведаться через несколько дней, сэр?

— Не думаю. Я говорю вам: все занято!

— Благодарю вас, сэр.

И человек отходит к своим товарищам.

Теперь Хантер был в нескольких шагах от одного из тех, что стояли поодиночке. Тот поспешно приблизился. Ему ясно, что никакой надежды нет, но попытка — не пытка, он только спросит... Этим человеком уже овладевало отчаяние. С тех пор, как он принес домой последнюю получку, прошло уже больше месяца. Лето выдалось для строителей на редкость плохое. Перепадала, правда, работа на две — три недели, а потом опять приходилось обивать пороги. А ведь на дворе уже стоял ноябрь. За прошлую зиму он влез в долги. Это было привычное дело, но вот из-за плохого лета расплатиться не удалось. Идет зима, на кредит в лавках надежды мало, бакалейщик уже сегодня не дал девочке масла в долг...

Хантер остановился отдышаться после подъема в гору.

— Добрый день, сэр!

Хантер не отвечал, ему не хватало дыхания. Но человек покорно ждал: он давно привык к такому обращению.

— Как насчет работы, сэр?

Хантер медлил с ответом. Он все еще не отдышался. К тому же в голове его с недавнего времени крепко засел один план. Как раз теперь пришло подходящее время: Раштон и К° была почти единственной фирмой в городе, у которой были заказы. Десятки опытных рабочих шатаются без места. Да, самое время сделать то, что он задумал. Ежели этот человек согласится получать на полпенса меньше, Хантер возьмет его, это опытный мастер, он уже работал однажды у Раштона и К°. Правда, для него надо очистить место, уволить кого-нибудь из тех, кто получает полную ставку, например, старика Линдена... А повод, в конце концов, можно найти...

— Вы спрашиваете, нет ли работы? — проговорил, наконец, Хантер с притворно-задумчивым видом.— Боюсь, что работы нет, Ньюмен. У меня, кажется, все забито.

Он ждал, что ответит тот, а пока нагнулся к велосипеду и стал возиться с машиной, словно заметив какую-то неисправность.

— Лето, знаете, было из рук вон плохое,— говорил Ньюмен.— Почти все время приходилось туго. Я бы с радостью взял любую работу. Пусть хоть недели на две.

Наступило молчание. Хантер поднял глаза на человека и тотчас же опустил их.

— Ладно, — сказал он медленно, как бы взвешивая каждое слово. — Попробуем... На несколько дней я вас, пожалуй, возьму. Приходите туда,— он указал подбородком на дом, где шли работы,— завтра утром, в семь. Условия вам, надеюсь, известны? — прибавил он, когда Ньюмен уже собирался его благодарить.— Шесть с половиной.

Хантер говорил так, как будто снижение почасовой платы на полпенса было уже совершившимся фактом. Но человек легче согласится, если будет думать, что и остальным рабочим платят на полпенса меньше...

Ньюмен был удивлен. Он стоял в нерешительности. Никогда еще за всю жизнь он не позволял себе наниматься за плату ниже обычной. Ему доводилось оставаться без хлеба, но на это он не шел никогда. Да, но теперь, как говорит Хантер, и другим платят столько же... И потом, может ли он отказаться от работы? Где достанешь другую? Он подумал о жене и детях. За квартиру задолжали за пять недель, в понедельник приходил сборщик, грозился, что домовладелец не станет больше ждать. Да и на что они будут жить, если он не получит работу теперь же, в ближайшие дни? Сегодня с самого утра у него во рту ничего не было, кроме чашки чая и куска хлеба. Эти мысли, как вихрь, проносились в его голове, но он все еще не мог решиться.

Хантер подождал еще, потом молча покатил машину дальше.

— Так как же? — спросил он, не оборачиваясь.— Если согласны, приходите завтра в семь.

Ньюмен все колебался, и главный надсмотрщик нетерпеливо прорычал:

— Так придете вы или нет?

— Да, сэр,— произнес Ньюмен.

— Ну и прекрасно,— ответил Хантер со всей возможной любезностью. — Я велю Крассу приготовить вам все, что необходимо.

И он благосклонно кивнул человеку. А тот уходил с таким чувством, словно совершил преступление...

Хантер был очень доволен собой: план начал осуществляться. Но тут к нему подошел пятый из дожидавшихся. У Хантера была цепкая память: это тот самый, который летом нанялся к Раштону и К°, но неожиданно сам бросил работу и ушел, разобидевшись на Хантера за грубое замечание.

Хантера развеселила возможность поиграть с этим человеком. Он догадался, что парню приходится плохо.

— Не найдется ли работы, сэр?

Хантер сделал вид, что обдумывает.

— Кажется, есть у меня место для одного,— протянул он своим скрипучим голосом.— Но вы ведь не очень надежный парень. Вам ведь, кажется, все равно: работать или не работать. Слишком уж вы какой-то самостоятельный. Вам скажи слово — и вы уже готовы улизнуть...

Человек молчал.

— Мы не можем терпеть подобных вещей,— назидательно заметил Хантер. — Если фирма будет давать дело людям вашего сорта, она быстро вылетит в трубу.

Высказав это, Хантер отправился дальше...

В нескольких шагах от ворот он осторожно прислонил велосипед к садовой решетке. За ней росли высокие кусты, и Болячку отсюда не было видно, даже если бы кто-нибудь выглянул из окон верхнего этажа. Хантер на цыпочках прокрался до ворот и, спрятавшись за столбом, внимательно оглядел дом. Хорошо бы накрыть кого-нибудь из них,— наверно, лодырничают, ведут разговоры или курят... Но снаружи не было никого, кроме старого Джека Линдена, оттиравшего парадную дверь пемзой с водой. Хантер беззвучно отворил ворота и стал тихо красться по краю газона вдоль садовой дорожки. Ему надо было пробраться незамеченным к входной двери, а то Линден еще подаст знак тем, другим. Болячке это удалось. Он прошел мимо Линдена, даже не окликнув старика.

Двигаясь неслышно по коридорам, Хантер все больше разочаровывался. Кого бы он ни увидел по пути, все прилежно работали... Но что это? Болячка сделал стойку и замер в неподвижности. Дверь одной из комнат второго этажа была почему-то заперта!

В этой комнате весь день работал маляр Джо Филпот. Он смывал с потолка старую побелку и обдирал старые обои, действуя большим широким лезвием ножом. Комната была не велика, но Джо знал, что тут придется покряхтеть: на потолке побелка лежала в несколько слоев и никогда не смывалась, а обои на стенах тоже слиплись в жесткую, толстую

кору. Чтобы соскрести их, приходилось несколько раз смачивать стены крепким раствором соды. Джо делал это осторожно, но все-таки раствор попал ему на руки, обожженные ногти побелели, кожа на пальцах потрескалась и кровоточила. Но Джо Филпот притерпелся к таким вещам и не падал духом. Правда, правую руку и плечо уже давно ломило от усталости, да рукояткой ножа он натер на ладони пузырь размером в шиллинг.

Содрав наконец старые обои, Джо смел их в кучу, обмыл водой стены, потом развел цемент и начал замазывать дыры и трещины в стенах и потолке. Нет, он очень уж устал, и разве не будет справедливо, если он переведет дух и пяток минут покурит?

Филпот притворил дверь и приставил к ней малярную лесенку. Потом широко раскрыл оба окна — так запах табачного дыма скорее улетучится. Приняв на всякий случай эти меры предосторожности, он влез на верхнюю ступеньку лесенки и удобно уселся на ней, прислонившись спиной к двери. Отсюда было рукой подать до заветного местечка — до верхней полки большого буфета, где у Джо была припасена бутылка с пинтой пива. Достав бутылку, он сделал добрый глоток и бережно поставил сосуд на место. Потом он закурил трубку и с наслаждением потянулся, тихо бормоча:

— Ну вот, так можно помаленьку размять старые кости!

Все же в руке он держал наготове лопатку с цементом. В случае появления врага надо было мгновенно, как ни в чем не бывало, приняться за работу.

На Филпоте не было обычной белой малярской куртки, а только старый заплатанный фартук. Штаны его были в сплошных дырьях, сплошь испятнены красками и не прикрывали разбитых, почти развалившихся башмаков. На голове он носил старую кепку, всю забрызганную белилами. Он был уже сед и слегка согбен. Хотя ему было всего пятьдесят пять, он выглядел много старше — это была преждевременная старость людей его класса.

Филпоту недолго пришлось наслаждаться отдыхом. Дверная ручка тихо повернулась — это был Немврод! Филпот мигом вынул трубку изо рта, сунул ее в карман и тут же живо спустился со своего насеста. Он открыл дверь, впустил Хантера и снова припер дверь лестницей. Потом, не спеша, он поднялся по ступенькам и начал заделывать щели в стене над дверью. Немврод глядел на Джо во все глаза: ему было подозрительно, зачем это понадобилось человеку запирать дверь. Хантер осмотрел всю комнату — все как будто в порядке. Потянул носом воздух и не почуял ничего. Если бы у него не было насморка, он, конечно, уловил бы запах табака. Болячку подмывало

накинуться на маляра, хотя он и знал, что Красс неплохо отзывался о Филпоте.

— Не люблю я, когда люди у меня работают за закрытой дверью,— затянул он нудным голосом.— Начинаешь думать, что человек бьет баклуши. Разве вы не могли делать ту же работу при открытых дверях?

Филпот пробормотал, что ему все едино: открыта ли дверь или заперта. Он слез с лесенки и отставил ее в сторону. Не сказав ни слова, Хантер вышел и опять пошел бродить по дому...

Франк Оуэн работал в комнате один, на том же этаже, что и Джо. Он стоял у окна и керосиновой горелкой размягчал старую краску, которая местами вздулась и потрескалась. Верхнюю фрамугу окна он слегка приоткрыл, чтобы пустить в комнату хоть немного свежего воздуха.

Вдруг Оуэн почувствовал, что кто-то стоит в комнате за его спиной. Он оглянулся. Из приоткрытой двери на него глядело бледное длинное лицо с лошадиной челюстью, увенчанное котелком и украшенное большим красным носом, обвисшими усами и парой маленьких, близко сидящих, колючих глаз. Призрак несколько секунд упорно глядел на Оуэна, потом молча скрылся. Оуэн снова остался один. Он был так напуган, что едва не уронил горелку. Теперь, когда мрачное привидение исчезло, Франк почувствовал, как кровь прихлынула к его щекам. Он весь дрожал от оскорбления и с трудом подавлял бешенство. Его охватило страстное желание выскочить в переднюю и запустить горелкой Хантеру в лицо...

А Хантер в это время стоял тут же, возле двери Оуэна, и размышлял. Надо во что бы то ни стало кого-нибудь выкинуть: иначе нет места для нанятого только что дешевого рабочего. Накрыть никого не удалось, да и не удастся: все уже знают, что он находится в доме. Как же быть? Конечно, лучше всего было бы выгнать Линдена, от старого хрыча все равно мало пользы. Но старик уже добрый десяток лет работает на Раштона и К°. Отправить его домой без всякой причины? Нет, не выйдет. Болячка с раздражением подумал, что Линден не стоит своей платы: семь пенсов в час для такого старика — это просто неслыханное дело. Нет, все равно! Так или иначе, Линдену придется убираться.

И Болячка начал спускаться вниз по лестнице.

Джеку Линдену было около шестидесяти семи лет. Как и Филпот и другие рабочие люди, он выглядел много старше своего возраста. Вся жизнь его прошла в тяжелом труде, в недоедании, в нужде. Половину жизни Джек провел, можно сказать, среди роскоши,— он отделывал богатые квартиры. Но от всех этих благ ему не довелось вкусить ни разу. Сам он, впрочем, никогда и не задумывался над этим. Ему и на мысль не приходило, что он сможет когда-либо попользоваться этими дорогими вещами. «Эти штуки,— думал он,— не для нашего брата». Джек Линден считал себя консерватором и хорошим патриотом. Его патриотизм, правда, несколько слинял, когда его младший сын, призванный на бурскую войну, умер где-то там, вдали от родины, от лихорадки и истощения. А теперь на руках у стариков — жена сына и двое его детей, четырех и пяти лет...

Когда надсмотрщик сошел вниз, Линден еще продолжал оттирать дверь пемзой. Несколько минут Болячка наблюдал за ним, не произнося ни слова. Потом он сказал громко:

— Сколько еще времени вы собираетесь копаться у этой несчастной двери? Начнете вы, наконец, красить? Вы что думаете, мы платим деньги за то, чтобы вы вертелись без дела с камнем в руках? Не хотите работать,— пожалуйста, я легко найду другого, который захочет. Я давно слежу за вами и не дам себя морочить! Сколько угодно рабочих, лучших, чем вы, ходят без дела. Если не можете работать живее, извольте очистить место. Обойдемся и без вас, даже и при срочных заказах!..

Старому Джо показалось, что у него остановилось сердце. Он пробовал сказать что-нибудь в свое оправдание, но ни одного звука не слетело с его трясущихся губ. Будь он раб, недовольный хозяин просто связал бы его и избил до полусмерти. Этого Хантер не мог сделать, но он мог сделать другое — лишить Линдена хлеба. Могут отнять хлеб не только у него, но и у т е х, что ожидают его дома. Наконец, сделав над собой усилие, он сказал придушенным голосом — слова застревали у него в горле:

— Сначала нужно хорошенько очистить дверь, сэр, а уж потом начинать красить...

— Я с вами говорю не о том, что вам надо делать! Я говорю о том, сколько времени это у вас занимает! — заорал Хантер.— Мне не нужны ваши объяснения! Либо поворачивайтесь живее либо уходите с работы!

Линден промолчал. Он взялся снова за пемзу, руки у него сильно дрожали, он чуть не уронил камень. Болячка кричал, уже не стесняясь, его голос раздавался по всему дому. Все со страхом прислушивались. «Кто следующий?» — сверлило в мозгу у каждого.

Видя, что Линден не отвечает, Болячка опять пошел бродить по этажам.

Когда он останавливался возле рабочих, те начинали нервничать, спешить, делали промахи. Пэйн, старший над плотниками, настилал новые доски на полу в столовой. Он так перепугался, что, забивая гвоздь, угодил с размаху молотком прямо по пальцам левой руки. Банди прилаживал кафельные плитки к камину. От страха он сильно порезал палец, но не решился бросить работу, чтобы перевязать рану — ведь Болячка был рядом! Кровь забрызгала и измазала белый кафель.

Каждый трепетал за себя. Все знали: достать работу почти невозможно. И все понимали, что этот высокий костлявый человек может лишить их детей куска хлеба.

Стоя наверху, у лестничных перил, Оуэн прислушивался к крику Хантера. С каким удовольствием он схватил бы Болячку за шиворот и отхлестал бы его по лицу!

Ну, хорошо, а дальше что?

Дальше? Его посадят в тюрьму или, самое меньшее, выбросят на улицу, отнимут у семьи хлеб. Оуэн сжимал зубы, беззвучно ругался и яростно колотил кулаком по стене. Так бы его, мерзавца, и вот так, и еще раз так! О, если бы только не жена и ребенок!

Оуэн дал волю воображению. Первым делом он схватил бы Болячку левой рукой за воротник, с наслаждением стиснул бы ему пальцами глотку, припер бы покрепче к стене и тогда кулаком правой — раз, раз, раз! — пока рыло Болячки не будет исковеркано и залито кровью.

Ну, а что будет с т е м и, дома? Может, и впрямь честнее и мужественнее вытерпеть все это молча?..

Оуэн прислонился к выбеленной стене. Он был бел, как известка, и шатался, едва переводя дыхание.

А Болячка все еще расхаживал по дому, вверх и вниз по лестницам. Вот он задержался около Саукинса — тот красил ступени и перила черной лестницы. Прежняя краска была здесь сильно пропилена и пожухла. Болячка отдал распоряжение: не смывать старую краску.

— Сотрете пыль и замажете погуще новой краской,— сказал он.

Но Красс подлил, видно, слишком много сиккатива в краску, она плохо ложилась, пришлось крыть в два слоя. Хантер пришел в ярость. Он считал, что сойдет, если покрыть в один слой. Право же, нет совести у этих маляров. Дважды красить, когда в смету поставлено всего три слоя!

Он был готов заплакать. Если дело так пойдет дальше, фирме грозит банкротство!

Хантер собирался уже уезжать, но ему хотелось, чтобы рабочие не знали об этом. Выйдя потихоньку через заднюю дверь, он обошел вокруг дома, сел на велосипед и уехал. Никто этого так и не заметил.

Долгое время ничто не нарушало тишины, кроме мелодичного позвякивания лопаток, постукивания молотков, визга плотничных пил, шума передвигаемых лесенок.

Заговорить не осмеливался никто.

Джо Филпоту стало наконец невмоготу. Его мучила жажда. Дверь в его комнату так и осталась открытой. Он выглянул и прислушался. Почему-то он был уверен, что Болячка смылся. Через площадку лестницы он увидел

Оуэна. Филпот скатал шарик из бумаги и кинул им в товарища. Тот обернулся, и Джо принялся сигналить: левой рукой он показывал вниз во двор, большим пальцем правой ткнул несколько раз через плечо в направлении города и при этом изобразил на лице уродливую гримасу. Оуэн понял вопрос, но покачал отрицательно головой и пожал плечами: он не заметил ухода Хантера.

Филпот на цыпочках перешел площадку и осторожно нагнулся над перилами. Он не дышал, напряженно прислушиваясь. «Убрался или нет?» — мучительно размышлял он. Потом он решился. Озираясь во все стороны и не выпуская из рук лопатки, он прокрался в комнату к Оуэну. Он был похож на опереточного злодея.

— Тут он или нет, как вы думаете? — хриплым шепотом спросил Филпот.

— Не знаю,— вполголоса ответил Оуэн.

Джо был в нерешительности. Он должен промочить глотку — иначе он не выдержит. Но, боже упаси, если Хантер застанет его с бутылкой, тогда пиши пропало! Как же узнать: околачивается еще здесь эта скотина или нет?

Вдруг Филпота осенило: он просто пойдет вниз за цементом! Поделившись своим планом с Оуэном, Джо как можно бесшумнее проскользнул обратно к себе, потом, громко топая, перешел снова лестничную площадку.

— Лишней замазки не найдется у вас, Франк? — спросил он громким, звучным голосом.

— Нет,— ответил Оуэн,— я пока еще не заделываю щели.

— Тогда придется пойти вниз и принести самому. Может, и вам что-либо надо?

— Нет, спасибо,— ответил Оуэн.

Филпот смело спустился вниз, в буфетную, которую Красс превратил во временный склад красок. Там он и работал, разводя какой-то раствор.

— Замазка вся вышла,— объяснил Филпот свой приход и стал набирать цемент.

— Убралась свинья? — прошептал Красс.

— Да не пойму никак,— ответил так же Филпот.— А машина его где?

— Он ставит ее за воротами так, чтобы не было видно,— заметил Красс.

— Вот что,— тихо сказал Филпот после минутного молчания.— Пошлите к воротам мальчишку, пусть взглянет, стоит ли там этот проклятый велосипед. Дайте парню пустую бутыль: если Болячка его застукает, он сможет сказать, что бежал на склад за олифой...

Так и порешили. Мальчишка — ученик Берт — мигом помчался к воротам и тут же вернулся: велосипеда нет!

Весть молниеносно облетела весь дом. Из всех грудей вырвался вздох облегчения.

— Слава создателю! — сказал кто-то.

— Пусть бы он свалился, чортов сын, и сломал себе шею,— посулил другой.

— Все они негодяи, эти молельщики, любители библии! — крикнул третий.— Среди них не увидишь приличного человека...

Убедившись, что Болячка испарился, все тут же бросили на несколько минут работу. Каждому хотелось передохнуть и выругаться всласть. Потом снова взялись за работу. И оттого, что Болячки близко не было, работа стала больше спориться. Некоторые вынули трубки и закурили, продолжая делать свое дело.

Так поступил и Джек Линден. Он все еще не мог опомниться от разговора с Хантером. Чтобы успокоиться и отвлечься от дурных мыслей, он решил выкурить трубочку, как все остальные. Обычно он не позволял себе этого во время работы.

Когда Филпот возвращался к себе, он задержался на минуту возле Линдена и что-то шепнул старику. Тот пошел с ним наверх. Филпот подвинул лестницу к буфету, достал бутылку и подал ее Линдену.

— А ну, сделай глоток, приятель,— это подкрепит тебя.

Пока Линден прикладывался к бутылке, Джо сторожил на площадке: а вдруг, чего доброго, Хантер снова объявится!

Потом Филпот долил остатки пива и, засунув бутылку в камин, снова принялся орудовать замазкой. Еще много надо было сделать до вечера, не то Болячка утром снова разинет пасть...

Оуэн работал неохотно, мрачный и угнетенный. Его мучила собственная беспомощность. Он чувствовал себя, как побитая собака.

И так — вся жизнь! Работаешь до изнеможения — и едва-едва сводишь концы с концами, всегда на краю голода! Будущее? Оно так же беспросветно, как прошлое. Может быть, будет еще хуже — ведь наступит же время, когда он не в состоянии будет даже работать!..

Франк подумал о сыне. Неужели и он обречен быть всю жизнь рабом? Тогда лучше бы мальчику умереть сейчас...

Чем больше размышлял Оуэн о судьбе своего ребенка, тем сильнее закипали в нем гнев и возмущение против собственных товарищей.

Вот кто враг самому себе — они, эти филантропы в рваных штанах! Не только работать безропотно, как скот, обогащая других, но еще считать это рабство вечным, высмеивать и отстранять всякую надежду на перемену к лучшему [1]!

Вот они, собственные угнетатели, люди, которые говорят себе: «Наш брат всю жизнь живет так; то, что хорошо для нас, будет хорошо и для наших детей, которых мы произвели на свет».

Он возмущался ими и готов был их презирать. Они ведь знают, что дети их осуждены на подневольное положение и нищету. Но они намеренно уклоняются от малейшего усилия, которое помогло бы создать для их потомков лучшую жизнь. Их равнодушие мешает приходу нового, лучшего общественного порядка, в котором тот, кто вкладывает больше в общее дело, будет награжден и прославлен. Вместо этого они пресмыкаются перед своими угнетателями и такой же пример показывают своим детям. Кто же, как не они, несет ответственность за то, что существующий строй прочно стоит на ногах?

Оуэн горько усмехнулся собственным мыслям. Ну что за несуразный мир! Людей труда в нем презирают, подвергают всяческим издевательствам. Почти все, что сделано их руками, отбирают у них и отдают тем, кто ничего не делает. А рабочий кланяется и унижается перед тем, кто присваивает плоды его труда, да еще по-детски благодарит за то, что ему все-таки кое-что перепадает...

Пока такие мысли кипели в уме Оуэна, товарищи его продолжали работать. Все они уже словно забыли о Хантере. «Да, им всего дороже их хваленый здравый смысл,— подумал Франк.— Изменить-де ничего нельзя, поэтому улыбайся и терпи! Что поделать, говорят они, такова борьба за существование. Мирись с тем, что есть, и используй удачу, чтобы извернуться получше...»

Харлоу затянул песню. У него был приятный голос, и песня была хороша. Но товарищи его, видимо, не настроены были наслаждаться искусством. Со всех сторон послышались свист и яростные восклицания:

— Замолчи, ради Христа!

— Хватит этого чортова вытья!

Харлоу замолк.

— Сколько времени? — спросил Истон.

— Не знаю,— ответил ему Банди.— Наверно, половина пятого. Спросите Слайма, у него есть часы.

Было четверть пятого.

— Смотрите, как рано стало темнеть! — сказал Истон.— И весь день какой-то хмурый. Должно быть, пойдет дождь к вечеру. Слышите, какой ветер?

— Только бы не было дождя,— вздохнул Банди.— Ведь надо еще добираться до дому!

Он крикнул старику Линдену, который продолжал красить входную дверь:

— Джек, идет дождь? Или нет?

Старый Джек, все еще с трубкой во рту, обернулся взглянуть, какова погода. Шел дождь. Но Линден не увидел крупных капель, тяжело падавших на землю. Он видел другое. Он видел Хантера, стоявшего у ворот и глядевшего на него в упор неподвижными, белесыми глазами. Так длилось несколько секунд. Линден окаменел от страха. Опомнившись, он поспешно вынул изо рта трубку, но было уже поздно.

Болячка сделал несколько шагов вперед.

— Вам платят не за то, чтобы вы баловались табаком,— громко и отчетливо сказал он.— Заполняйте ваш листок, ступайте в контору и получайте расчет. Мне это надоело!

Старый Джек не пытался защищаться. Он знал, что это бесполезно. Он молча собрал кисти, зашел в комнату, где лежал его мешок для инструментов, снял фартук и белую куртку, сунул их в мешок вместе со стамеской, лопаткой и скребком. Потом он надел пальто и, взвалив мешок за спину, пошел к воротам.

Болячка больше не заговаривал ни с кем. Он поспешно обошел дом, прикидывая, что успел сделать каждый за время его отсутствия. Затем он сел на велосипед и уехал: ему надо было поспеть в контору раньше Линдена...

В доме стало уже совсем темно и холодно. Газ еще не провели, поэтому Красс роздал рабочим несколько свечей.

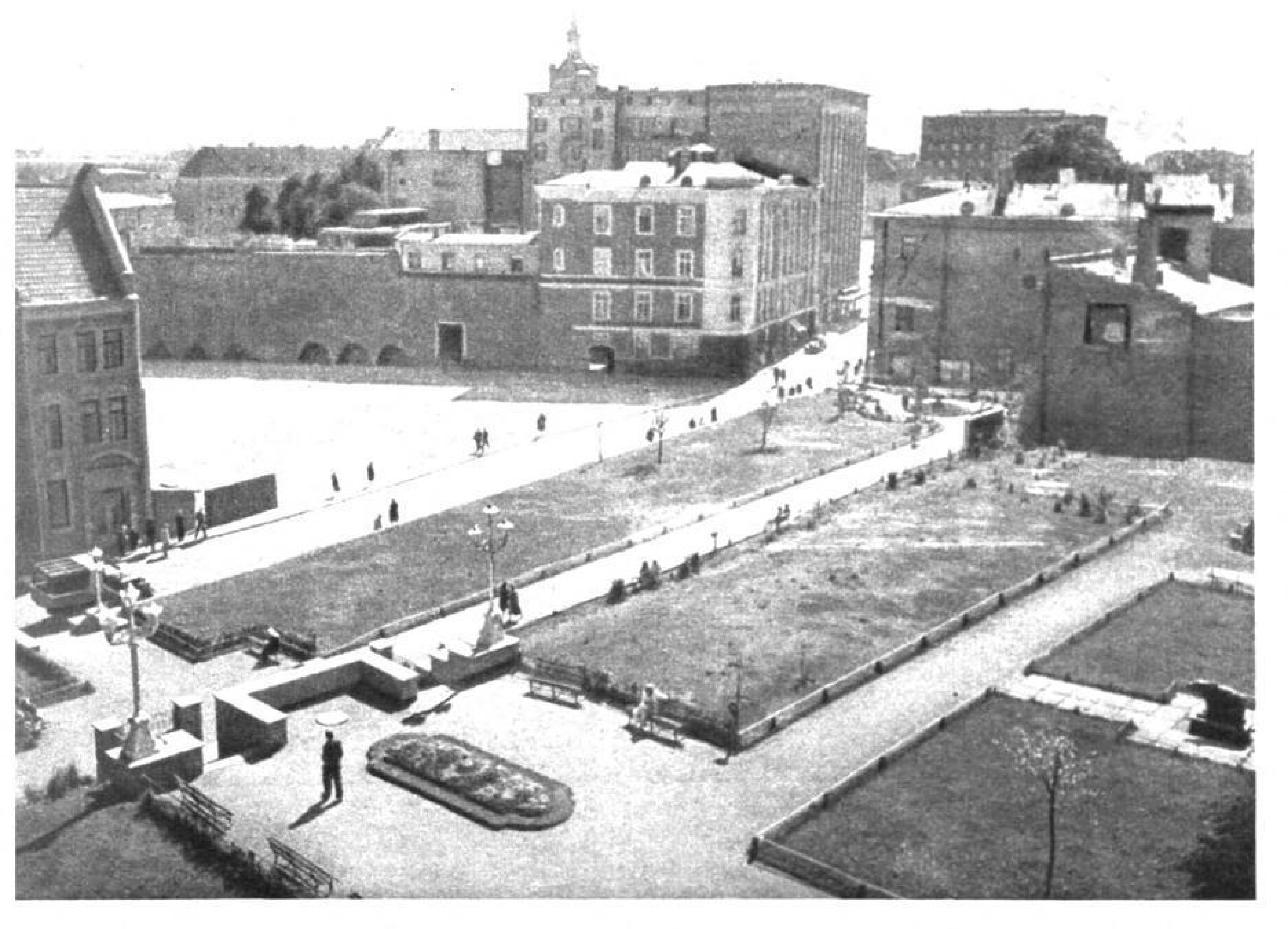
Люди работали в молчании. Каждый был занят своими невеселыми мыслями. Чья очередь теперь?..

Темные, свинцового цвета тучи все гуще громоздились в небе. Ветер гудел в саду и сотрясал старый дом. В окнах печально дребезжали стекла. Дождь лил, как из ведра.

Люди тихо говорили о том, что промокнешь до костей, пока попадешь домой. Но, слава всевышнему, время уже близилось к пяти часам.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

[1] В предшествующей главе романа, иронически озаглавленной «Имперский банкет», описывается, как социалист Франк Оуэн старается во время обеденного перерыва разъяснить товарищам подлинные причины нищеты масс. Его слова наталкиваются на легкомысленные насмешки одних, настороженное недоверие других, равнодушие третьих. В этом эпизоде автор романа раскрывает пассивность и консерватизм, господствовавшие в начале века среди строителей, наиболее отсталой тогда части английского рабочего класса (примечание переводчика).



←
Этот сквер на улице Харью появился на месте развалин.

Фото С. Розенфельда

СТРОИТЕЛИ ТАЛЛИНА

Н. ХРАБРОВА

К вечеру норд-ост стихает. Сумерки медленно овладевают городом. В узких переулках Вышгорода фонарщик зажигает газовые фонари. Седой стариной веет от этих исхоженных улочек — ведь они существуют более 600 лет! По многим из них никогда не проходила автомашина, не проезжал экипаж. Они настолько узки, что здесь могут разойтись только два встречных пешехода.

Узкий серп луны поднимается над шпилем Вышгородской кирки. И невольно представляется, как в зеленоватом лунном свете один за другим двигались часовые по городской стене. Чтобы обойти город, им не надо было спускаться на землю: сквозь башни и укрепления в стене они проходили узкими стрельчатыми коридорами, смотрели в бойницы на одинокие огни рыбачьего поселка у моря.

История не сохранила имен строителей этих высоких стен, этих могучих башен из серого плитняка. Могли ли назвать кичливые немцы или датчане, писавшие летописи тех времен, имена эстов-строителей! Псы-рыцари отвергали все, что принадлежало эстам: их песни и обычаи, предания и постройки. А ведь именно эсты-мастера возводили монументальные стены церквей Олевисте, Нигулисте и Пюхавайму, здания Ратуши, Большой Гильдии и Дома Черноголовых. Это их руками построены ворота в городской стене — Морские, Виру, Пиккялг и Люхикеялг,— такие прочные, что дожди и ветры шести веков почти не тронули их. Памятники древней архитектуры, реставрированные Советским государством, живут и сохраняют своеобразный облик старых кварталов города.

Из окна кабинета главного архитектора Таллина Вольдемара Типпеля видны постройки XV — XVI веков. Острые почерневшие черепичные крыши, тяжелые стены из темного плитняка с маленькими несимметрично расположенными окнами, высокие трубы дымоходов — все это тесно лепится друг к другу, нагромождается одно над другим, взбираясь в гору, как декорация средневековой пьесы.

А на стене висят большие листы с секциями генерального плана нового Таллина. Оставив в стороне Вышгород, центр города перейдет на площадь Сталина. Здесь будет установлена скульптура великого вождя народов. Сюда сойдутся реконструированные, расширенные и выпрямленные главные магистрали города. Вокруг площади встанут стройные ансамбли зданий правительственных, научных и общественных учреждений. Рядом широкая аллея Ленина, проложенная в 1949 году. На месте развалин зеленые парки, сады и скверы. На пустырях окраин Пельгулинна и Ласнамяэ новые дома, улицы, кварталы, парки.

Многое из того, что нанесено на этих планах, уже воплощено в жизнь. Многое угадывается на городских улицах по огороженным строительным площадкам, котлованам и фундаментам.

* * *

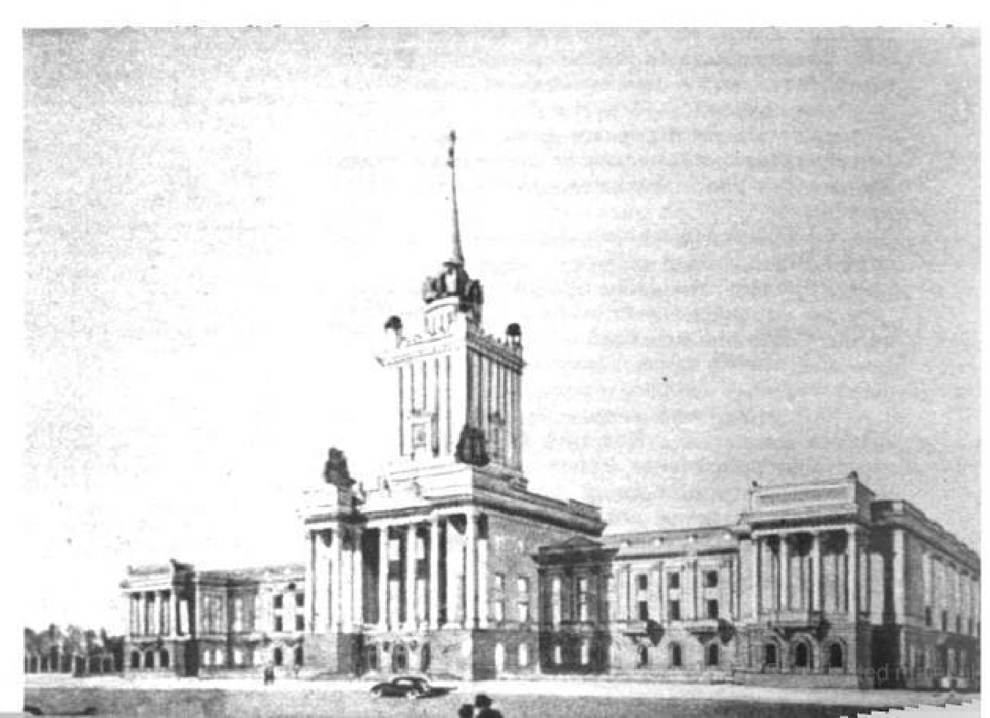
Архитектор Георгий Николаевич Шумовский работает в Таллине несколько лет. До войны он строил жилые дома в Москве, санатории на Дальнем Востоке. Теперь Таллин... Подъезжая к столице Эстонии, Шумовский смотрел опытным глазом строителя на Вышгород, на острые, готические шпили многочисленных церквей.

Дальше город сливался в серую массу: плоская застройка в конструктивистском стиле лишила лица новую часть города. Фабрику не отличить от жилого дома — всюду одинаковый, обнаженный показ конструкции, геометрические линии.

Моряки в своих песнях издавна называли Таллин «туманным» — на низком берегу Финского залива туманы большую часть года тяжело нависают над городом. Значит, здесь должны быть светлые, теплые тона штукатурки. Таллину нужно придать силуэт легкий, уходящий ввысь... Таковы были первые впечатления. И, как всегда, начиная разработку проекта нового дома или квартала, Шумовский думал: «Надо строить город для будущего, для коммунизма».

Архитекторы, с которыми Шумовский встретился в Таллине,

В новых домах живут железнодорожники.



Проект Дворца культуры (архитектор Г. Шумовский).

жили теми же мыслями: новая часть города должна сливаться в единый ансамбль со старинной частью. Харальд Арман, Отто Кеппе, Вольдемар Мейгас работали над проектом площади Сталина. Теперь их творческая мысль уже воплощена в широком, залитом асфальтом пространстве, в нарядном сквере у театра «Эстония».

Но случались и ошибки. Некоторые архитекторы задачу создания ансамбля решали просто: в своих проектах они заимствовали у средневековых зданий готический контур, черепичную кровлю, серую штукатурку.

Март Порт думал иначе. Он молод — ему нет еще и тридцати лет. Но он многое видел: гвардии лейтенант Порт в годы войны с боями прошел сотни километров по разрушенной земле. «То, что погибло под бомбами, должно быть вновь построено, краше и лучше»,— думал Порт, отправляя заявление на строительный факультет Таллинского политехнического института. Практику Март Порт проходил в Ленинграде.

— Из Ленинграда, — говорит он,— я приехал с горячим убеждением: надо всеми силами восстать против слепого подражания средневековой готике!

Творческие совещания архитекторов, обсуждения проектов стали проходить бурно, привлекая все больше людей, принимая характер открытых общественных обсуждений. Много было споров. И генеральный план Таллина исправляется и совершенствуется в мастерских «Эстонпроекта».

Николай Яковлевич Мизернюк внимательно прислушивался к спорам на совещаниях и в мастерской, но сам редко вставлял слово. Попытки Шумовского вовлечь его в составление больших проектов ни к чему не приводили. «Что вы, Георгий Николаевич! Стар я — мне уже семьдесят лет».

Но кипучая энергия Шумовского втянула старого Мизернюка в работу. Он с усмешкой вспоминает о своем желании уйти на покой — его большой опыт архитектора нашел широкое применение. Теперь Николай Яковлевич проектирует новые жилые кварталы.

До позднего часа светятся яркие огни в окнах архитектурной мастерской на Вяйке Карья. Архитекторы — старые и молодые — трудятся над проектами города.

Есть в Таллине и другие замечательные строители — это рабочие и служащие, проработавшие на восстановлении своего города миллион двести тысяч рабочих дней. За это время они расчистили свыше двухсот тысяч кубических метров развалин, проложили аллею Ленина, разбили скверы на улицах Харью и Тынисмяэ, на морском берегу Кадриорга.

Имена многих таких строителей занесены на городскую Доску почета, они награждены почетными грамотами Таллинского горсовета.

* * *

Молодеет, все краше становится древний Таллин. Суровую его красоту смягчат скверы, зеленые аллеи, засаженные цветами площади.

На окраине подымаются не только новые улицы или кварталы, но и целые городки. Исполняются замыслы архитекторов: Таллин приобретает легкий, уходящий ввысь силуэт, становится подлинным городом будущего.

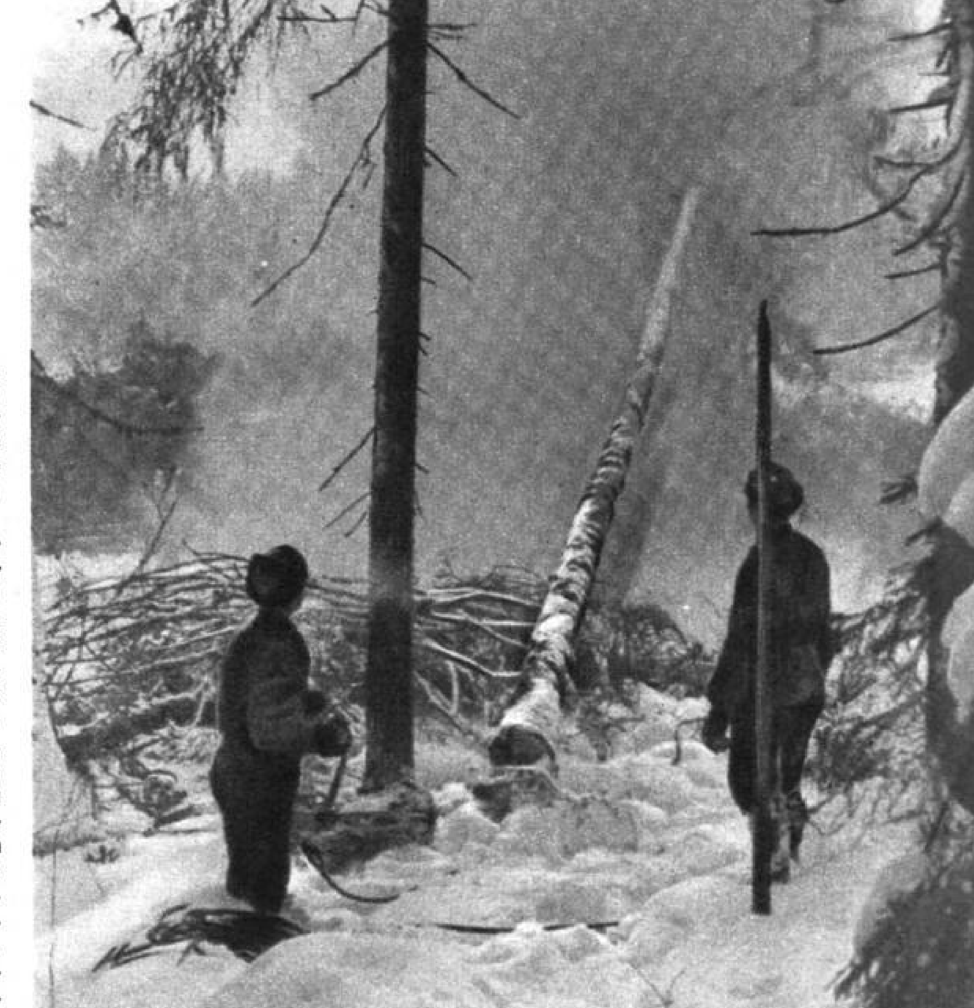
С. МОРОЗОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Фото П. Беззубенко

Лаури Кивипелто высок ростом, худощав и для своих сорока восьми лет очень подвижен. Где только не повстречаешь его в течение дня, во скольких местах обширной лесосеки не успеет побывать мастер за время смены!

Вот он стоит рядом с Алпо Лотвойеном и, сощурив светлые глаза под тяжелыми морщинистыми веками, смотрит, как стремительно вгрызаются в ствол дерева зубья электропилы. Алпо — опытный вальщик: не проходит и двух минут, как ствол высоченной сосны, срезанный, словно бритвой, валится наземь, вздымая клубы пушистого снега. Алпо с пилой и его подручный Павел Власюк, вооруженный длинной, похожей на пику валочной вилкой, шагают от дерева к дереву, и следом за ними меж кустарников черной змеей тянется электрический кабель. Протяжные глуховатые звуки, сопровождающие падение спиленных сосен, чередуются с мерным жужжанием электромотора. Вершины деревьев ложатся под строго рассчитанным углом к пути движения тракторов. Приминая гусеницами рыхлый снег, тракторы выволакивают на стальных тросах хлысты — стволы, очищенные от сучьев. Волок, вчера только прорубленный в чаще, становится все более похожим на укатанную проезжую дорогу.



Ствол высоченной сосны, срезанный электропилой, точно бритвой, валится наземь.

Перескакивая с одного поваленного ствола на другой, мастер подходит к звену Катерины Мягилейнен. Ловко орудуют топорами девушки, очищая стволы, стаскивая ветви в кучи. С веселым треском горят огромные костры — над зеленой хвоей вздымаются ввысь багровые языки пламени, золотистые искры гаснут в морозном воздухе, и снежная целина окрест усеивается крохотными черными пятнышками гари.

У костра мастер терпеливо выслушивает претензии звеньевой.

— Согласен, Катерина, обязательно добавлю тебе в звено еще людей, чтобы обрубка сучьев не задерживала работу электропильщиков и трактористов,— говорит он и добавляет с усмешкой: — Дай срок. Уже придумали инженеры машину и для обрубки сучьев. Скоро и у нас на участке появятся такие машины.

Шагая дальше, туда, откуда доносятся гудки паровозов, мастер думает: требовательная сейчас молодежь, все к механизмам, моторам тянется.

И чему удивляться? Теперь в лесу новые времена наступили. Взять хоть мастерский пункт. Это же завод, самый настоящий завод, с той только разницей, что цехи его не под крышей. Одних энергетических мощностей сколько!.. Вон под тенистой елью в маленьком дощатом шалаше передвижная электростанция расположилась. А трелевочный трактор — как не залюбоваться им? Такой громоздкий, увесистый, неуклюжий на вид и такой быстрый, верткий в движении!

Трактористы Иван Уронен и Франц Коскела один за другим подъезжают к складу. Связки хлыстов освобождаются от скреплявших их стальных тросов, и люди быстро сортируют стволы. Сосна и ель, береза и осина становятся «пиловочником», «рудничной стойкой», «балансом», сырьем для изготовления фанеры, музыкальных инструментов, спичек. Плавно движется стрела автомобильного крана, перенося на платформу распиленные замаркированные бревна. Раздается гудок миниатюрного паровоза, и вот уже поезд идет по узкоколейке. Из глубины леса древесину везут к складам леспромхоза, к магистрали железной дороги, пересекающей всю республику с севера на юг. Карело-финский лес ждут на шахтах Донбасса, на стройках заводов и городов, на верфях и бумажных фабриках. Об этом всегда думает Лаури Эммануилович Кивипелто, мастер-стахановец, коммунист.

Об этом напоминает и ярко раскрашенный диск с делениями, как на циферблате часов. На диске — он укреплен на высоком столбе у склада — каждый час передвигаются стрелки, отмечая, сколько древесины заготовлено бригадами с начала смены. Бригады Карла Италахти и Кристо Ковала соревнуются уже давно, и мастеру порой бывает трудно сказать, которая из них работает лучше. Сегодня впереди идет Италахти, у Ковала задерживается трелевка. Но по мастерскому пункту в целом из месяца в месяц план перевыполняется, производительность труда растет. Недаром в Шуйско-Виданском леспромхозе, завоевавшем перехо-

— Быстрей разделывай стволы, не задерживай тракторы!— говорит мастер Л. Э. Кивипелто (слева) электропильщику П. И. Нерману.

дящее знамя Совета Министров СССР, коллектив лесорубов, руководимый Лаури Кивипелто, в числе лучших.

Раскрашенный фанерный диск с циферблатом и стрелками появился на мастерском пункте Кивипелто с начала зимы, с той поры, как многие лесорубы республики, следуя почину комсомольца Ивана Козырева, стали работать по часовому графику.

И все-таки Лаури Эммануилович недоволен. Закончив обход бригад, он идет в будку стрелочника к телефону. Придется поругаться с диспетчером — много древесины скопилось на складе, а поезда по узкоколейке идут медленно и нерегулярно.

— С такой техникой, как у нас, стыдно простаивать, слышишь, стыдно! — сердито кричит он в трубку.

Дневная смена подходит к концу. Мягким золотистым светом вспыхивают стеклянные шары на высоких столбах у склада. Меж деревьев тут и там мечутся молочно-белые лучи — трактористы включили фары на своих машинах.

Распределив задания на вторую смену, мастер вместе с рабочими возвращается в поселок в пассажирском вагоне узкоколейки. Вздрагивая на стыках рельсов, поезд быстро мчится мимо нагромождений бурелома, мимо занесенных сугробами вырубок и замерзших болот. Под стук колес неторопливо течет беседа о том, как прошел день. Разговор заходит о часовом графике.

— Молодец, этот Козырев,— правильное дело затеял!..

— Да уж недаром его в Москву министр вызывал. На коллегии доклад слушали. А ведь совсем молодой — лет двадцать ему, не более...

Ивана Козырева — инициатора нового метода работы в лесу — хорошо знают по портретам и статьям в республиканских и центральных газетах. Его имя широко известно среди лесорубов республики.

Подремывая в углу вагона, Лаури Эммануилович прислушивается к голосам парней и девушек и снова возвращается к мысли о том, как не похожи их судьбы на его собственную судьбу.

Двадцать лет назад, когда Иван Козырев только появился на свет, Лаури Кивипелто был уже взрослым, много испытавшим человеком. Но лишь тогда, двадцать лет назад, он впервые почувствовал себя полноправным гражданином, впервые понял, что такое Родина... А до той поры... Эх, невесело вспоминать сейчас прошлое!..

Восьмилетним мальчиком вместе с отцом — деревенским плотником из-под Таммерфорса — уехал Лаури в Америку искать счастья. Уж больно голодно жилось подданным всероссийского императора — великого князя Финляндского. Но и Канада, далекая, заокеанская земля, оказалась негостеприимной к пришельцам. Трудно было добывать пропитание в северном лесном краю, на берегах Верхнего озера. В тесном бревенчатом бараке с нарами в два этажа лесорубы спали на гнилой соломе. К обледенелой стене у изголовья за ночь примерзали волосы. Чтобы наняться на работу, с собственными топором и пилой (иначе хозяева не принимали), приходилось осенью залезать в долги. Весной, получая расчет, снова оказывались нищими.

И опять до следующей осени тянулась бездомная, бродячая жизнь: сегодня—батраком у фермера, завтра — грузчиком на пристани, послезавтра — нищим с протянутой рукой. За два десятилетия, прожитые в Канаде, Лаури Кивипелто так и не нашел постоянного, устойчивого заработка, надежного крова над головой, своего места под солнцем. Невеселые вести приходили и из страны, которую отец его покинул в поисках заработка,— из буржуазной Финляндии.

Только в СССР, в Советской Карелии, куда Лаури Кивипелто приехал в 1931 году вместе с другими финнами — резмигрантами из Канады,— он обрел то, что искал всю жизнь. Здесь Лаури впервые начал трудиться не для хозяйской прибыли, а для себя, для своего государства. Ударник на лесозаготовках, активный производственник, рационализатор, он вступил в ряды большевистской партии. Когда грянула Великая Отечественная война, коммунист Кивипелто стал партизаном.

Немало походил он в те годы по вражеским тылам, немало испытал и повидал. Лагери за колючей проволокой, пепелища на месте городов и сел, толпы нищих и бездомных — таков был «новый порядок», принесенный белофинскими оккупантами — союзниками Гитлера — на временно захваченную советскую землю. Вместе с товарищами-партизанами — карелами, финнами, русскими — боролся Лаури против этого ненавистного «порядка», помогая наступающей с востока Советской Армии.

Снова пришел мир на родную землю. Лаури Кивипелто возвратился в лес к любимому, с детства знакомому делу. С каким волнением, помнится, вчитывался он в простые, всем понятные строки закона о послевоенной пятилетке!

«Превратить заготовку и вывозку леса из отрасли, в которой преобладает ручной труд, в развитую механизированную промышленность с постоянными и квалифицированными кадрами рабочих».

Прошли годы, и сбылось все, что предсказывал мудрый сталинский закон. Сквозь чащу лесов, где когда-то неприметными тропами пробирались карело-финские партизаны, пролегли теперь стальные пути узкоколейных железных дорог. На смену топору, лучковой пиле, санной упряжке пришли машины, моторы, электричество.

По-иному работают, по-иному живут теперь лесорубы. Здесь, в вагоне поезда, приближающегося к поселку, можно слышать разговор молодежи:

— В клубе сегодня лекция о Туркменском канале. Пойдем, а?

— Нет, мы в город собрались, в Драматический, новый спектакль смотреть, «Богатыри», про нашу лесную жизнь.

— А я дома посижу у приемника, Москву послушаю...

Вот и станция. Высыпав из вагонов, пассажиры расходятся по широким, ярко освещенным улицам поселка. На площади около универмага гудит автобус, пришедший очередным рейсом из Петрозаводска.

Лаури Кивипелто сворачивает направо от станционных путей — там, на берегу речки, в квартале индивидуальных застройщиков, стоит и его дом. Жена, Люли, в молодые годы вместе с мужем хлебнувшая горя на чужбине, не нарадуется теперь уюту светлых, просторных комнат. А вот дочку, 15-летнюю Сильву, дома не удержишь. Так и рвется в город к старшей сестре. Сильва учится в 7-м классе поселковой школы. Эйла, старшая, в Петрозаводске заканчивает десятилетку, собирается поступать в Карело-Финский университет.

Быстро выросли дочки. Быстро летит время. Давно ли, кажется, вырубали здесь лес, ставили первые дома, а теперь поселок такой, что иному городу не уступит: жителей не одна тысяча, магазины, школы, клуб, курсы механизаторов. Толковали на днях в поселковом совете, что пора рабочему поселку Чална преобразоваться в районный центр.

Таких поселков, как Чална, сейчас в Карело-Финской республике уже немало. Новые и новые стройки возникают в некогда пустынном краю лесов и озер.

Для своей республики, для великого Советского Союза — единственной, в трудах и борьбе обретенной Родины — живет и работает Лаури Кивипелто, мастер леса.

Слава Тимофея Олейникова

Т. Л. Олейников над картой обобщенных методов стахановского труда.

Фото Ю. Добронравова

Уралмаш, «отец заводов»,— родина шагающего экскаватора. Здесь не только создаются замечательные машины, но и воспитываются кадры новаторов.

Имя кузнеца Тимофея Лукьяновича Олейникова недавно узнала вся страна. Вместе со старшим технологом Александром Васильевичем Поздноевым он предложил организовать комплексное обобщение стахановских достижений на каждом рабочем месте. Свою идею товарищи выразили очень наглядно, разработав своеобразную карту. Слева — старый способ ковки, справа — новая технология. Предложение стахановцев дает возможность улучшить качество, полнее использовать оборудование, добиться большей экономии материалов, инструмента, электроэнергии.

Новаторов пригласили в Москву. Коллегия Министерства тяжелого машиностроения одобрила их инициативу. Секретариат ВЦСПС принял решение широко распространить почин уральцев на других предприятиях страны. И вскоре гостей тепло принимали в Ленинграде, Краматорске.

Жизнь Т. Л. Олейникова тесно связана с Уралмашем. В 1951 году исполнилось двадцать лет с того дня, как он вместе с отцом приехал из Казахстана на строительство завода-гиганта.

С технологом А. В. Поздноевым Тимофей Лукьянович — старый знакомый. Поздноев — бывший кузнец, а затем сменный мастер в этом же цехе. Олейников привык с ним советоваться по производственным делам.

Так рядовой рабочий стал знатным человеком нашей страны.

Н. РОЗИНА

Т. Г. Шевченко. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ. 1843 год. Государственный музей украинского искусства. Киев.

Шевченко-художник

Слава великого кобзаря затмила славу художника. В Киевском музее, где выставлены живописные и графические работы Тараса Григорьевича, приходится иной раз слышать недоуменный вопрос: «Это тот самый Шевченко?»

Между тем Алексей Максимович Горький сравнивал Шевченко-художника с великим русским реалистом Федотовым. Карл Брюллов называл Шевченко в числе своих любимых, самых талантливых учеников. В Академии художеств Шевченко носил прозвище «Русский Рембрандт». В 1860 году Академия художеств, не остановленная ненавистью к поэту правительственных кругов, признала Шевченко академиком.

Шевченко родился в 1814 году в семье крепостного крестьянина. Сам Шевченко был барским казачком. Когда помещик Энгельгардт переехал в Петербург, в числе дворни попал в столицу и Шевченко. Здесь он познакомился с художником Сошенко. Через него попал Шевченко в дом писателя Гребенки, познакомился с художником Венециановым. Талант Шевченко-художника обращал на себя всеобщее внимание. Но Энгельгардт и не думал дать отпускную своему крепостному. Тогда поэт Жуковский предложил свой портрет, писанный Карлом Брюлловым, в лотерею. Лотерея дала необходимые 2 500 рублей, требуемые Энгельгардтом, и Шевченко оказался на свободе.

Уже на второй день после этого — 23 апреля 1838 года — Шевченко стал посещать рисовальные классы Академии художеств и сделался учеником Брюллова.

С равным успехом работал Шевченко в самых разных родах изобразительного искусства: писал масляными красками, акварелью, рисовал, гравировал. Уже академические его работы обращают на себя внимание стремлением художника правдиво изобразить виденное. В 1842 году пишет Шевченко свою знаменитую «Катерину» — глубоко драматичный образ человека из народа. В 1843 году — живую картинку «Крестьянская семья».

Три года спустя Шевченко с увлечением выполняет серию портретов знаменитых русских полководцев — Суворова, Кутузова и других. А затем молодой художник целиком обращается к пейзажам и темам родной Украины и создает серию знаменитых эстампов. В эти же годы Шевченко выступает и как иллюстратор, в частности, работает над пушкинской «Полтавой».

В Петербурге и на Украине пишет Шевченко свои замечательные портретные работы. Автопортреты позволяют нам ясно представить себе пытливого, тре-

бовательного к искусству художника.

В ссылке личным распоряжением Николая I Шевченко запрещалось рисовать и писать. Но «рядовой из политических преступников» все-таки тайком рисовал, и по сегодняшний день сохранилось множество его рисунков. Художник с особенной любовью изображает местных жителей — киргизов, с которыми связан был дружбой. Работает Шевченко и над пейзажем. Мы публикуем здесь «Форт Кара-бутак».

Там же, в ссылке, задумал Шевченко свою гениальную «Притчу о блудном сыне», «в нравах и обычаях современного русского сословия», — как пояснял автор. В этих работах рассказал Шевченко о жестокой судьбе простого человека в царской России. Такие листы, как «Наказание шпицрутенами» или «Наказание колодкой», — не только великолепные графические произведения, но и живые документы.

По возвращении после десятилетней ссылки в Петербург Шевченко главным образом занимается портретной гравюрой.

Живописное и графическое наследство Шевченко неразрывно связано с его литературными произведениями. И как художник он всюду выступает воинствующим реалистом, защитником интересов народа.

Е. Хмельнов

Т. Г. Шевченко.
АВТОПОРТРЕТ.
1840 год.
Государственный музей украинского искусства.
Киев.

Т. Г. Шевченко. ФОРТ КАРА-БУТАК. 1848 год.

БЕТХОВЕН

К 125-летию со дня смерти

Бетховен, великий Бетховен! Сколько глубоких мыслей, прекрасных чувств, проникновенных художественных образов связано с этим именем у нас, советских людей!

Бесконечно богат и многогранен внутренний мир этого художника-мыслителя, так полно и ярко воплощенный в его бесценном творческом наследии. Но единственным героем всех его произведений — будь то симфония или соната, инструментальный концерт или струнный квартет, кантата или месса, романс или песня — является человек, человек высоких и благородных устремлений, сильных и чистых страстей и порывов.

Бетховен — сам страстный жизнелюбец, художник-демократ — прославлял и возносил в своих произведениях идеи свободы и гуманизма. Несокрушимой революционной силой, могучим призывом к борьбе за свободу и счастье насыщено творчество Бетховена. Героическая Третья симфония, драматически-взволнованная Пятая раскрывают образ человека-героя, который может трагически погибнуть, но это не остановит, не задержит достижения победы, ибо идея свободы и ее бесстрашные поборники бессмертны... Героические образы с громадной силой увлекают слушателей и в произведениях других жанров, в частности в оркестровых увертюрах («Эгмонт», «Кориолан», «Прометей» и других) и в фортепианных сонатах. Отголоски тех же идей и образов звучат в сонатах «Патетической» и «Аппассионата», которые так популярны в нашей стране.

Любовь к жизни, неукротимая жажда счастья — таково содержание Второй, Четвертой, Восьмой симфоний Бетховена, многих сонат, квартетов и других его произведений, всегда проникнутых глубокой мыслью, полнокровными и сильными эмоциями. Но подлинным апофеозом идей борьбы, радости, победы является непревзойденная Девятая симфония, как будто обращенная ко всему передовому человечеству, не только к современным, но и к будущим поколениям.

Многие произведения Бетховена проникнуты глубокой лирикой, драматизмом внутренних переживаний, радостью общения человека с миром природы; достаточно вспомнить неумирающие «Лунную сонату», Шестую симфонию («Пасторальную»), почти все камерные сочинения, инструментальные и вокальные.

Историческое новаторство Бетховена заключается прежде всего в новом, программном содержании его музыки, в ее глубокой насыщенности философскими и социальными идеями, передовыми для своего времени. Естественно, что это новое содержание повлекло за собой и мощное развитие музыкальных форм в творчестве Бетховена и колоссальное обогащение выразительных средств музыки.

Арам ХАЧАТУРЯН

Действительно, симфония и соната, широко представленные и в музыке добетховенского периода (Гайдн, Моцарт), приобретают у Бетховена значительно более активный, развитый характер. В использовании тематического материала композитор новаторски, смело разрабатывает совершенно оригинальные приемы и средства музыкального развития, неизвестные его предшественникам. Никогда до Бетховена музыка не знала такого богатства мелодических контрастов, динамической насыщенности, никогда раньше и оркестровая палитра не была так разнообразна и не доходила до такой монументальной силы звучания.

Глубокое идейное содержание музыки Бетховена, ее титанический, боевой и в то же время жизнеутверждающий характер сделали произведения этого гениального композитора доступными и дорогими для миллионов людей. Именно этого он страстно желал, в этом видел свое призвание. Стремясь к тому, чтобы его идеи и чувства дошли до самого сердца слушателей, Бетховен не останавливался перед нарушением наиболее прочных, казалось бы, музыкальных традиций. Так, например, он впервые в истории музыки ввел в симфоническое произведение человеческое слово — пение хора и солистов. И Девятая симфония прозвучала (да и сейчас звучит), как всечеловеческий победный гимн радости; она понятна и близка самой широкой демократической аудитории.

ЛЮДВИГ БЕТХОВЕН. 1770—1827.

Бетховен жил и творил в тяжелой общественной атмосфере, в трудных материальных условиях. Его свободолюбие и независимость не раз приводили к разрыву с богатыми и чванливыми вельможами-меценатами, которые могли бы обеспечить ему сносное существование. Великий композитор почти постоянно испытывал тяжелую нужду. Последние годы его жизни были омрачены страшной, неизлечимой болезнью, особенно мучительной для музыканта,— глухотой.

И, тем не менее, гигантским усилием воли гениальный художник преодолевал все препятствия, побеждал трудности жизни и вопреки своей злополучной судьбе воспевал в своем творчестве свободу, радость борьбы и счастья.

Бетховен особенно близок нам, советским людям, как художник-демократ, выразитель мыслей и чаяний передовых людей своего времени, как великий новатор, которого всегда глубоко ценили классики русской музыки.

В наследии прошлого, которое мы ценим и развиваем, Бетховен занимает для нас одно из первых мест. Славные традиции бетховенского симфонизма, могучего в своей силе, смелого и мудрого, мы считаем также своими традициями. Русские музыкальные классики создали замечательные, до сих пор не превзойденные образцы симфонизма. Никогда не подражая Бетховену, не копируя его, они — по-своему и в своей стране — стали истинными наследниками великого симфониста, тогда как на Западе высокие традиции бетховенского симфонизма не нашли до сих пор достойного продолжения. В настоящее время мы не знаем еще такого направления в музыкальной культуре за рубежом, которое развивало бы традиции бетховенского симфонизма.

Мы глубоко убеждены в том, что советские композиторы — истинные наследники величайших русских и западных симфонистов — поднимут симфоническую музыку на новые вершины.

Именно теперь, когда прогрессивные люди всего земного шара объединяются в борьбе за мир, взоры наши с особым чувством устремляются к Бетховену. Мы умеем ценить лучшее в искусстве всех стран и всех народов. Это объединяет нас с ними в нашей общей борьбе за дело мира. Такие художники, как Бетховен,— наше общее наследие, наше общее культурное достояние. Мы боремся за то, чтобы отстоять все лучшее, все живое, все прогрессивное в человеческой культуре от поджигателей войны, от торгашей и губителей культуры. И Бетховен с нами в этой великой борьбе!

Голос сердца

Советские люди любят и хорошо знают обширное творчество Бетховена — его симфонические монументальные полотна, камерные ансамбли, вокальные произведения. Правда, вокальное наследие Бетховена известно меньше, хотя и оно очень велико. Композитором создано 11 крупных вокальных произведений, 79 оригинальных мелодий для голоса с фортепиано, 132 обработки народных песен. Это огромное богатство еще недостаточно используется. Обычно широко исполняется пять — шесть его песен, и среди них чаще всего — знаменитые «Сурок» и «Шотландская застольная».

Как и во всей своей музыке, Бетховен в произведениях для хора и солистов так же народен, мелодичен, доступен, демократичен. В его песнях столько простоты, человечности, ощущения радости жизни, столько очарования, что если бы композитор написал только эти произведения, его имя осталось бы в сердцах людей.

Вот четкие по форме, чеканные по ритму героические песни. В «Прощании воина», «Походной» и других, написанных в период наполеоновских войн, Бетховен говорит о чувствах гражданина-патриота. «Честь отчизны отстоим!» — решительно и смело призывает он. Рядом с этими мужественными песнями солдата — лирические произведения. Чудесен цикл «К далекой возлюбленной», полный неизъяснимой прелести, проникновенности, искренности чувств. В этих задушевных, чарующих песнях, даже минорных, нет надлома или безволия. Если в них слышится скорбь, то это скорбь большого, сильного, страстно любящего сердца.

Не прихотью гения объясняется увлечение Бетховена песнью. Великий композитор понимал, что этот самый демократический вид искусства связывает его непосредственно с жизнью народа. Песни были для него этюдами и к его большим произведениям.

В 1927 году, когда отмечалось 100-летие со дня смерти Бетховена, я впервые подготовил цикл его песен. С тех пор мне часто приходится исполнять произведения Бетховена в специальных программах и сборных концертах, в столичных концертных залах и с временных подмостков, и всюду эти песни находят самый теплый отклик.

А. ДОЛИВО,
профессор Московской государственной консерватории.

Через борьбу к победе

Нельзя не задуматься над тем, почему сейчас, через 125 лет после смерти Бетховена, мы говорим о нем, как о живом, как о нашем современнике. Музыка его вошла в жизнь каждого из нас — и слушателя и исполнителя. Как немыслим музыкант, не исполняющий произведения Бетховена, так уже давно в нашей стране немыслим слушатель, не воспринимающий, не понимающий музыки этого величайшего симфониста. Мне доводилось исполнять Бетховена не только в концертных залах столицы, но и в колхозах и на нефтяных промыслах, в заводских клубах и дворцах культуры, и всегда музыке Бетховена сопутствует глубокое внимание завороженных слушателей.

Нельзя не восхищаться гармоническим богатством его произведений, глубиной выражаемых чувств, чеканностью ритмов, совершенством формы, широтой диапазона художника и красотой его мелодий. Большая правда заключена в его музыке, каждое его произведение как бурлящий поток жизни...

В центре творчества Бетховена — Человек, Человек с большой буквы. В него, сильного, волевого, он верит, для него он требует равенства, свободы и счастья. Эта вера в человека делает для нас особенно близким и понятным его творчество. Человеку, укрощающему и покоряющему стихию, посвятил Бетховен свою знаменитую сонату «Аппассионата», музыку которой В. И. Ленин называл изумительной, нечеловеческой. Образ человека-борца воспевается в 3-й, 7-й, 9-й симфониях.

Революционная идея в ясной форме выражена и в 5-й симфонии, содержание которой определяют слова: «От тьмы к свету, через борьбу к победе». Воспевая человека, Бетховен воспевает в нем не отдельную личность, а народного героя. Даже его траурные марши — это не личное горе, а народная скорбь, шествие масс, оплакивающих героя, отдавшего за них жизнь.

Рисуя картины веселья, Бетховен их также показывает как народное ликование, массовый праздник, торжество миллионов.

Вот эта массовость характерна для творчества Бетховена, писавшего о народе и для народа, стремившегося свою музыку сделать во всех отношениях доступной, близкой и нужной всем.

Могучий певец свободы, он видит грядущую радость в объединении народов. «Соединяйтесь, миллионы!» — таков призыв, звучащий в его последней, 9-й симфонии.

Мечта великого композитора осуществилась. Объединенные стремлением к мирному созиданию, народы мира сейчас, как знамя, высоко поднимают имя Бетховена.

К. ИВАНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Из посмертной книги Ромэн Роллана «Finita Comoedia» («Комедия окончена»)

Хочется окутать пеленами любви и сострадания эти месяцы.

Бетховен лежал лицом к окнам в большой комнате, в которой находились два фортепиано. Подле его кровати стоял маленький столик, на нем старинный колокол, какие обычно висят на воротах,— звук его проникал в глубь квартиры,— бумажная тетрадь в восьмую долю листа, карандаш, грифельная доска с мелом, предназначенные для разговора.

Больной принял несколько посетителей... Самый любимый, солнечный луч этих дней его жизни был «Ариэль», маленький сынишка его друга Брейнинга. Малыш прибегал ежедневно в перерыве между своими уроками. Он приносил с собой облегчение и был преисполнен счастья и гордости, сознавая себя охраной и наперсником великого человека, изможденные черты которого озаряются при виде его. Благодаря счастливой детской беспечности он не чувствовал печали этих трагических дней.

Мальчик чаще всего пользовался доской и очень жалел об этом впоследствии, так как их болтовня стерлась. Но он уверяет, что самые главные беседы запечатлелись в его памяти. Он рылся всюду, хотя отец запретил ему что-либо трогать. Однажды, когда больной отдыхал, «Ариэль» нескромно перелистывал разговорные тетради и прочитал следующее: «Ваш квартет, который вчера исполнял Шупанциг, не понравился».

Когда Бетховен проснулся, мальчуган показал ему эти строки. «Он понравится им потом,— сказал Бетховен.— Я это знаю».

В другой раз мальчик спросил у него, почему он больше не пишет опер. Бетховен ответил: «Я хотел бы еще писать оперы, но не мог найти подходящего текста. Мне необходим текст, который вдохновлял бы меня; нужно что-нибудь такое, что волнует, приподнимает морально. Я никогда не был бы способен писать музыку на такие тексты, как Моцарт. Я никогда не мог найти настройки (Stimmung) на плохие тексты. Я получал либретто, но ни одно меня не удовлетворяло».

Один из богов музыки, тот, перед кем он благоговел, Гендель, пришел его навестить. Щедрый Штумпф, мастер арф в Лондоне, вспомнив о преклонении Бетховена перед Генделем и о его сетованиях по поводу того, что он не в состоянии приобрести произведения этого композитора, выслал ему сорок томов великолепного издания Арнольда. Книги прибыли в самые тяжелые дни первого периода болезни.

«Когда я, по обыкновению около двенадцати, вошел в его комнату,— рассказывает маленький Брейнинг,— глаза его сияли от радости; он показал мне груду нот. «Смотри,— сказал он,— я сегодня получил этот подарок. Какую огромную радость мне доставили!» Когда я вернулся после полудня, ноты попрежнему лежали на кровати. И он снова начал горячо прославлять Генделя; он называл его самым классическим и самым глубоким из всех поэтов в музыке».

Другое солнце, менее олимпийское, более мягкое, более родное, венское солнце, похожее на то, что он видел из своего окна, когда оно ласкало верхушки деревьев Пратера,— пришло согреть его угасающий взор: песни Шуберта. Молодой музыкант уже давно был рядом, подле Бетховена, не сводил с него глаз и не осмеливался заговорить. Но он бродил вокруг него, он приходил в кафе, которые посещал Бетховен, и, сидя за столиком в уголке, ловил выражение его лица и каждое произнесенное слово.

А. Грёфль. БЕТХОВЕН СРЕДИ ДРУЗЕЙ.

Шуберту так и не удалось преодолеть свой страх и осуществить снедающую его мечту посетить Бетховена, как многие другие, которым он так завидовал. Единственное, на что он отважился,— это принести Бетховену свои вариации ор. 10, посвященные ему, и затем обратился в бегство...

Сомневаюсь, чтобы эти два гения могли шагать вместе. У них были слишком разные темпераменты. Как можно впрячь в одну телегу того, кто, осаждаемый всеми превратностями судьбы, кричал: «Я схвачу судьбу за глотку, и я ее сокрушу!» — и того, кто вздыхал: «Человек — игрушка случая и страстей». В то время как чересчур слабый и надломленный Шуберт культивировал свою скорбь, Бетховен закалялся в борьбе, всю свою жизнь осуществляя героическое: «Durch Leiden Freude»— «Через Страдание к Радости».

Бетховен не сдал оружия. В то время как все окружающие потеряли надежду на выздоровление, его совсем не беспокоила надвигающаяся смерть, он не желал, чтобы ему о ней напоминали. «Жить, он хотел жить, еще слишком много нужно было ему создать!»

Перевозбужденное воображение Бетховена, каким оно нередко бывало даже во времена, когда он был вполне здоров, увлекало его в пространство, он мечтал о путешествиях, создавал планы грандиозных произведений... Бетховена беспокоила не смерть, а то, что придется жить больному и немощному, без средств...

Помимо этих забот, его сильно задевало равнодушие, проявляемое Веной к его болезни. Даже посетители, навещавшие его вначале, стали бывать реже: больной, который никак не может умереть, надоедает!.. «Здесь никто им не интересуется,— пишет Шиндлер [1] 22 февраля 1827 года.— Поистине, это отсутствие сочувствия невероятно! Прежде подкатывали кареты при малейшем его недомогании, теперь полное забвение, словно он никогда не жил в Вене...»

Небольшое количество деликатных и преданных друзей проявляли внимание к нему. Эти немногочисленные выражения сочувствия озарили последние дни Бетховена.

На пороге агонии он сказал певцу Лаблашу: «Вы слышите колокол? Перемена декораций!..» («Hört Ihr die Glocke? Die Decoration wechelt...»)

Это уже не были неистовые удары судьбы в дверь. Дверь распахнулась в свободу.

Шумиха в Вене шла своим чередом. Когда венцы вспомнили, что их великий соотечественник агонизирует, многие бросились к нему. Но было уже слишком поздно, дверь была открыта лишь для некоторых. Бетховен не мог уже принимать посетителей.

Его последней усладой, когда он оставался один, было чтение древних греков. Сохранился экземпляр «Одиссеи», испещренный его заметками. Он отмечал метрику многих стихов, имея в виду будущие музыкальные сочинения.

Это была одна из трех книг, которые Шиндлер и Брейнинг на следующий день после его смерти с благоговением поспешили спасти от публичных торгов.

Самые драгоценные свидетельства о последних неделях его жизни записаны рукой ребенка немногим старше маленького Герграда Брейнинга, пятнадцатилетним Фердинандом Гиллером, который сопровождал своего учителя Гуммеля, старого собрата и друга Бетховена. 6 марта они прибыли из Веймара в Вену и четыре раза посетили Бетховена — 8, 13, 20 и 23 марта.

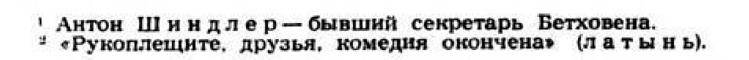
В первый раз старый атлет был на ногах, он не хотел принимать своих гостей, лежа в постели. Зная, в каком он тяжелом состоянии, они были крайне удивлены, застав его у окна в сером халате, который он не сумел застегнуть до верху, и в высоких, до колен, сапогах. Он очень исхудал, был растрепан и небрит. Но при виде Гуммеля просиял, лицо его выражало величайшую радость. Они горячо обнялись. Маленький Гиллер приметил жадный взгляд глухого, следивший за рукой друга, писавшей в тетради, взгляд, который угадывал фразу прежде, чем она была закончена. Бетховен интересовался здоровьем Гете (который ни разу не справлялся о его здоровье). Сам он никогда не выражал неудовольствия по адресу Гете за его ужасное молчание в ответ на обращения к нему Бетховена. Он, не допускавший ни малейшего невнимания к себе, Гете прощал все... Он слишком был обязан его гению! Несомненно, Бетховен смотрел на него, как на одного из бессмертных «Илиады», от которых не ожидаешь, чтобы они склонились над нашими ранами, и которые отворачиваются в час нашей смерти. Однако болезнь совсем не ослабила язвительного остроумия Бетховена, направленного против венцев, против их дурного вкуса в искусстве и «дилетантства, которое губит все!» Он не пощадил также правительство, сильных мира сего, ханжество императора. «Итак, напиши сборник песнопений и посвяти его императрице!» — с горьким смехом говорит он Гуммелю.

Во время следующего посещения состояние больного заметно ухудшилось. Бетховен лежал и, повидимому, страдал от сильных болей, издавая глухие стоны. Но все же сохранил присущую ему живость речи. Он выразил почти детскую радость по поводу недавно полученной им фотографии дома, где родился Гайдн; показал ее нам: «Колыбель такого великого человека...»

В третье посещение, 20 марта, Бетховен был чрезвычайно слаб, говорил глухим голосом, прерывистыми фразами. Его взгляд, который в прошлую встречу был еще таким живым, казался угасшим.

Последняя встреча, 23 марта. Всякая надежда потеряна. Он лежал неподвижно, словно труп, глубоко вздыхая. Больше ни одно слово не сорвалось с его уст, пот струился по его лбу... Жена Гуммеля своим тонким платком отерла его лицо. Гиллер пишет: «Я никогда не забуду той благодарности, которую выразил его угасающий взор, устремленный на нее...»

Он сказал Шиндлеру знаменитую фразу: «Plaudite, amici, finita est comoedia» [2].



[1] Антон Шиндлер — бывший секретарь Бетховена.
[2] «Рукоплещите, друзья, комедия окончена» (латынь).

Дом в Бонне (Германия), где родился Бетховен.

Роль была сыграна — роль, полная иллюзий, суетных страстей, горьких разочарований, грез и призрачных образов. Он оценивал все ясным, спокойным и трезвым взглядом... Последняя вспышка свободной иронии перед яростным поединком последних дней.

В час дня Брейнинг принес Бетховену посылку от издателя Шотта в Майнце — золотое вино, насыщенное ароматом холмов родной земли. Бетховен посмотрел и сказал: «Жаль!.. слишком поздно...» Его заставили проглотить одну ложку.

Немного времени спустя Бетховен перестал говорить.

Даже самые любящие друзья не пощадили святость покоя этих последних, страшных мгновений. Честный Брейнинг, относясь с чрезмерной щепетильностью к обязанности душеприказчика, возложенной на него, никак не мог успокоиться по поводу того, что подпись Бетховена отсутствовала под тремя документами. Маленький Гергард описывает тяжелую сцену: Брейнинг, Шиндлер и брат Иоганн пытались усадить исстрадавшееся, оцепенелое тело... Оно валилось им на руки... Брейнинг поддерживает перо в его дрожащих пальцах, которые с огромным усилием выводят фамилию... После того, как столь бесчеловечно утомили больного, у Шиндлера еще явилось желание получить посвящение рукописной партитуры первой увертюры «Фиделио»,— он хотел иметь последнюю подпись. Но от этого пришлось отказаться. Волнение и сострадание, говорит Гергард, объединились, чтобы помешать коллекционеру автографов отказаться от этого удовольствия.

Тогда разыгрался последний поединок. В пять часов дня 24 марта началась агония.

Пятый, потрясающий акт «Поверженного Прометея»... Тело, которое только что лежало без признаков жизни, вновь обрело всю свою атлетическую мощь для схватки со смертью, длившейся два дня и две ночи. Сорок лет спустя Гергарда Брейнинга охватывал трепет при воспоминании об этом страшном зрелище.

«Его могучее туловище, его нетронутые легкие вели исполинский бой со смертью, которая пробивала бреши в стенах. Безвозвратно отданный во власть разрушительных сил, лишенный всякой духовной поддержки мира, герой не сдавался».

25-го вечером полагали, что ночью он умрет. 26-го утром он был жив, только еще более неистово хрипел. После полудня обнаружились признаки приближения конца. День был трагический. Тяжелые глыбы облаков скопились на небе. Между четырьмя и пятью часами надвинулись такие тучи, что в комнате стало совсем темно. Внезапно разразилась страшная гроза со снежной метелью и градом. Гергарду Брейнингу это «напомнило, как стучит судьба в Пятой симфонии». В четверть шестого удар грома потряс комнату, освещенную зловещим отблеском молнии на снегу. Бетховен открыл глаза, угрожающим жестом протянул к небу правую руку со сжатым кулаком. Выражение его лица было страшно. Казалось, он кричал: «Я вызываю вас на бой, враждебные силы!..»

Рука упала. Глаза закрылись... Он пал в бою.

То была его последняя симфония.

Мы проводили нашего старого спутника до черты, где кончается мир живых. Тщетно мы пытаемся удержать его за руку, он ускользает от нас... За порогом жизни мимолетное и бренное в человеке улетучивается, как дым. Певец ушел: в наших сыновних руках осталась только лира Орфея. Его искусство. Его творения. То, что существует, что живет.

Сокращенный перевод М. Рожицыной-Ганде

Валя Авилова (слева) и Ира Голощапова выполняют парную спираль.

А. ТОЛМАЧЕВ,
председатель Всесоюзной секции фигурного катания на коньках

Фото Е. УМНОВА

Спорт, о котором я хочу рассказать, имеет в нашей стране большую и славную историю. Еще шестьдесят лет назад русские фигуристы вышли на мировую арену и добились там поистине выдающихся результатов. Алексей Павлович Лебедев, Александр Никитич Паншин, а впоследствии ученик Лебедева Николай Александрович Панин побеждали сильнейших мастеров того времени: шведов, американцев, австрийцев, канадцев,— высоко подняв славу русской школы фигурного катания.

Русская школа, несмотря на малочисленность своих представителей, имела решающее влияние на образование международного стиля катания, что не раз отмечалось иностранными авторами. Стиль русских фигуристов отличался пластичностью, свободной непринужденностью и смелой динамикой. Все эти прекрасные качества сумел обобщить, создав теоретически обоснованную школу, Николай Александрович Панин.

Создатель русской школы фигурного катания Панин, несмотря на свой преклонный возраст (в январе спортивная общественность торжественно отметила его восьмидесятилетие), продолжает успешно работать на благо любимого спорта.

Школа старейшего русского фигуриста легла в основу обучения всех последующих поколений, и мы с полным правом можем считать себя его детьми, внуками и правнуками. И все же, несмотря на долголетнюю свою историю, фигурное катание — один из самых недостаточно развитых видов спорта в Советской стране.

Почему же так получилось?

Этот прекрасный спорт, развивающий в человеке ценные спортивные качества: координацию движений, отличную реакцию, смелость, изящество, чувство ритма и красоты,— долгое время не выходил из камерных рамок нескольких московских и ленинградских катков. Из года в год фигурным катанием занималась небольшая группа энтузиастов, и из года в год звучали все те же имена.

В то время, когда скоростное катание на коньках привлекало все большее число юных спортсменов, в фигурном катании бытовала теория, утверждающая, что для детей этот вид спорта не полезен. Вот и получилось, что основной плодотворный принцип нашего спорта — массовость — в фигурном катании совершенно не применялся.

Старые мастера правильно оценили обстановку и приступили к тренировкам молодежи. Скоро уже три года, как на ледяных площадках зазвучали молодые голоса, замелькали ловкие фигуры ребятишек. Еще рано говорить о результатах, но фигурное катание стало наконец-то спортом нашей молодежи. Уже сейчас появились у нас фигуристы, которые в тринадцать — четырнадцать лет катаются хорошо. И, что самое главное, обучение молодежи искусству скольжения на коньках проводится теперь не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах нашей страны.

Какие возможности таит работа наших тренеров, показывает опыт двух уже проявивших себя школ: при московском стадионе «Юных пионеров» (старший тренер — Т. Гранаткина) и ленинградского «Динамо» (старший тренер — П. Орлов).

Школа Гранаткиной одна из старейших в Москве. Из первого поколения ее учеников уже выдвинулись очень способные молодые фигуристы. Одна из бывших воспитанниц этой школы, Нонна Картавенко, заняла на первенстве СССР нынешнего года второе место. Марина Гранаткина в пятнадцать лет выступает наравне с отличными фигуристами. Впервые приняв участие в соревнованиях на первенство страны, она завоевала со своим партнером Валентином Захаровым почетный титул чемпиона СССР.

Сейчас на стадионе «Юных пионеров» фигурным катанием занимаются восемьдесят ребят в возрасте от шести до восемнадцати лет.

Один из сильнейших наших фигуристов, П. Орлов, занимается тренерской работой четырнадцать лет. Ему удалось подготовить группу молодых фигуристов. Его ученики Майя Беленькая и Игорь Москвин в парном катании успешно выступают в соревнованиях на первенство страны.

С каждым годом совершенствует свое мастерство Валентин Захаров. Большие надежды подают Юрий Киселев и Лидия Герасимова.

Сейчас в Ленинграде успешно работает с детьми ученица Н. А. Панина — Н. Леппинская. Она руководит школой в ленинградском Дворце пионеров.

В Москве открылся ряд школ фигурного катания. Занимается с детьми Ю. Фелицын. В «Юном динамовце» воспитывает отличную молодежь Е. Васильева. Ее ученики Таня Лихарева и Игорь Персиянцев уже выступают по второму разряду. Прошлым летом начала работать Центральная детская школа по фигурному катанию, в которой преподают С. Васильев и Л. Новожилова. В этой школе занимается более ста человек.

Теперь можно увидеть молодежь на ледяных площадках в Калинине (тренер — Л. Шапошников, один из старейших фигури-

Чемпион СССР 1952 года по фигурному катанию мастер спорта Юлия Николаева.

←

стов страны), Уфе (тренер — М. Трифонов), Кирове (тренер — А. Лобастова), Молотове, Чебоксарах, Казани, Воронеже, Свердловске, Челябинске. Большое распространение получает фигурное катание в Таллине и Риге. И уже сейчас мы видим результаты этой работы. На соревнованиях появилось немало способных молодых фигуристов из различных городов: уфимец Иван Митрущенков, кировчанка Людмила Волкова, калининец Юрий Киселев и другие. Вот ощутимый результат работы с молодежью: первенство СССР 1952 года выиграл молодой уфимец, всего третий год занимающийся фигурным катанием, Иван Митрущенков.

Этот прекрасный вид спорта привлекает все бо̀льшие симпатии у нас в стране. Если вы хоть раз побывали на ледяной площадке и видели выступление фигуристов, то поймете, сколько прелести таится в фигурном катании. Удивительно приятное впечатление производят пластичность и быстрота сложных переходов.

Юные фигуристы Слава Абакумов и Валя Авилова.

Марина Гранаткина исполняет прыжок — «шпагат».

Школа фигурного катания разделяется на две равноценных части: обязательного катания и катания произвольного.

Школьное катание основано на черчении по льду. Спортсмен планомерно вырезает на льду ребром своего конька простые и сложные фигуры. Опытный, искусный чертежник не смог бы с такой филигранной точностью проделать такую работу. Под коньком опытного спортсмена гладкая поверхность льда покрывается сложными рисунками: дугами, перетяжками, тройками, скобками, петлями.

Еще более интересна и сложна школа произвольного катания на коньках. Она основана на пластике, быстроте сложных переходов.

Многие москвичи помнят, какое хорошее впечатление произвело выступление чешских фигуристов, побывавших в нашей столице. Это выступление много дало и нам, советским фигуристам. Оно показало, что мы слишком увлеклись школьным катанием и стали отставать в произвольном катании.

Теперь во всех школах фигурного катания введены занятия по хореографии. Большое значение придается музыкальному сопровождению.

Сможем ли мы вернуть русскому фигурному катанию его былую славу? Сможем ли мы воспитать новое поколение выдающихся мастеров? На эти вопросы мы уверенно отвечаем: да. Опираясь на традиции, оставленные нам русскими фигуристами прошлого, совершенствуя русский стиль фигурного катания, мы в ближайшие годы поднимем этот прекрасный и увлекательный зимний спорт.

Валентин Захаров и Марина Гранаткина в момент исполнения сложного фигурного упражнения.

На ринге — лучшие боксеры

Семь дней на ринге Московского государственного цирка проходили товарищеские состязания боксеров СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Германской Демократической Республики. Тысячи зрителей с неослабевающим вниманием следили за напряженными поединками. Нет справедливее ценителя спорта в мире, чем москвичи; они прежде судей, за редким исключением, безошибочно определяют победителей.

Несмотря на то, что рядом с известными мастерами кожаной перчатки спортивную честь Советского Союза защищали молодые спортсмены, все встречи закончились в пользу дружного советского коллектива.

Технично и умно провели свои бои боксеры А. Булаков, В. Меднов, А. Перов. Они умело навязывали противникам свою манеру боя, демонстрируя всякий раз явное преимущество в быстроте и технике, выносливости и ловкости.

Интересной была встреча советского мастера В. Меднова с двукратным чемпионом мира среди студентов П. Будан (Венгрия). Это третья встреча двух замечательных боксеров. В двух первых боях победа была на стороне венгра.

Гонг. Смело, в стремительном темпе начинает бой советский боксер.

Будан — левша, он стоит в необычной, правосторонней стойке, то есть правым плечом к противнику, и пытается длинными прямыми ударами пресечь атаки Меднова. Но это плохо удается ему. Наступательный порыв советского спортсмена сильнее защитных действий Будан, и он прочно захватывает инициативу в свои руки. Тяжелые удары Меднова все чаще и чаще проникают к уязвимым точкам венгерского бойца. Судьи единодушно присуждают победу советскому спортсмену.

Успешно бился боксер тяжелого веса А. Шоцикас (СССР). На протяжении всех соревнований он так и не встретил себе сколько-нибудь равного соперника. Его мощные удары в сочетании с быстротой и точностью неизменно приносили драгоценные очки команде Советского Союза.

Уверенно провел все свои встречи чемпион олимпийских игр и Европы Ласло Папп (Венгрия). Этот спортсмен обладает мощным ударом обеих рук, у него изумительная реакция и на редкость оттренировано чувство дистанции.

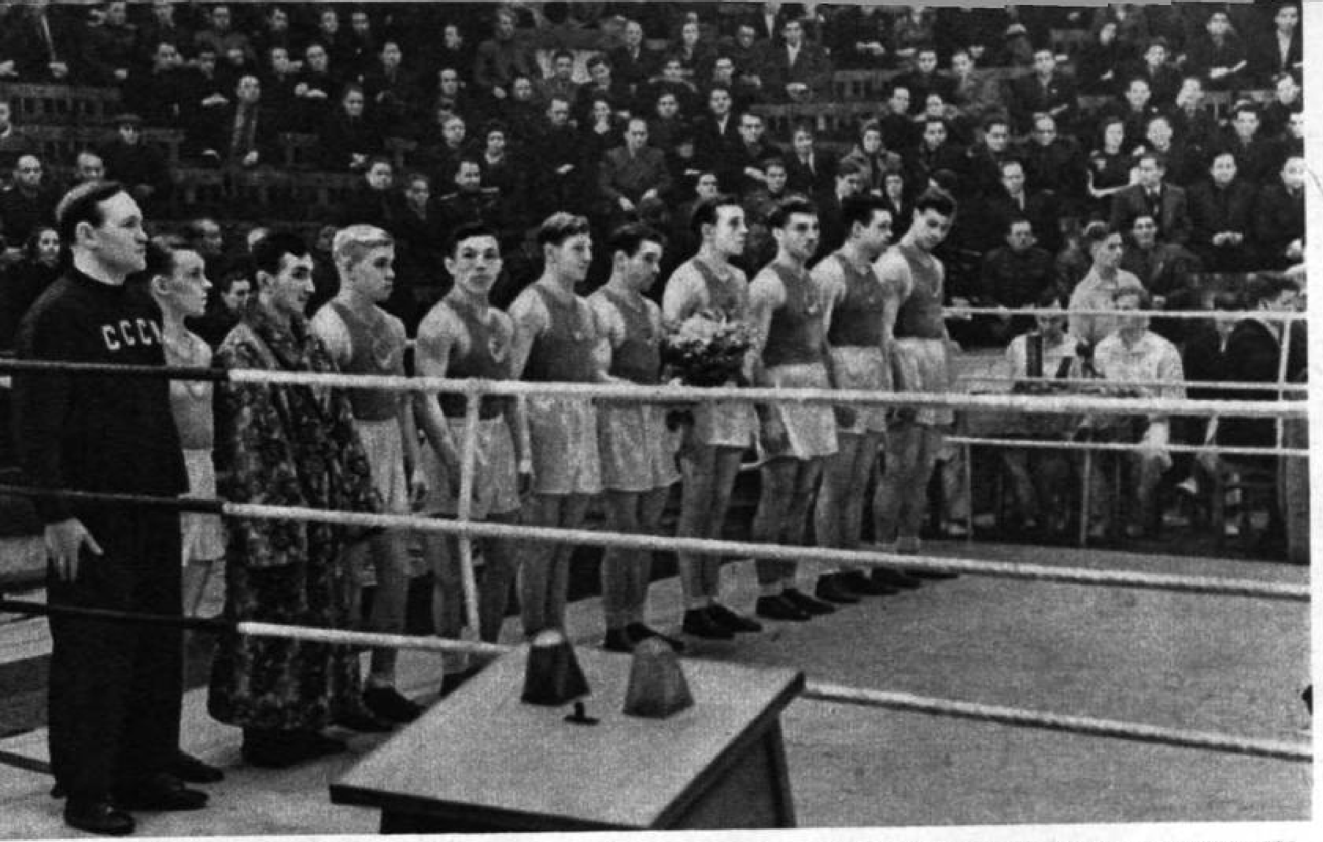
Среди гостей лучше остальных подготовились к соревнованиям боксеры Польши, Венгрии, Румынии. Однако еще не у всех представителей этих команд достаточный запас боевых средств, они еще зачастую не сразу выбирают правильный путь к победе.

Когда наблюдаешь горячие поединки на ринге, несмотря на их темпераментность и напряженность, чувствуется хорошая, дружеская спортивная атмосфера. На ринге — мастера, собравшиеся затем, чтобы обменяться накопленным опытом.

Боксер наилегчайшего веса И. Беднан (Венгрия) бросился вперед с мощной атакой справа. Советский мастер А. Булаков слегка сместился в сторону, пропуская удар, и его противник потерял равновесие. Венгр был в это мгновение беззащитен и открыт. Булаков сделал шаг назад и дождался, когда Беднан вновь займет боевую позицию.

Прошедшие соревнования показали ощутительный рост молодежи. В скольких боях молодые спортсмены, не имеющие опыта международных встреч, выходили победителями, одерживая верх над известными мастерами ринга!

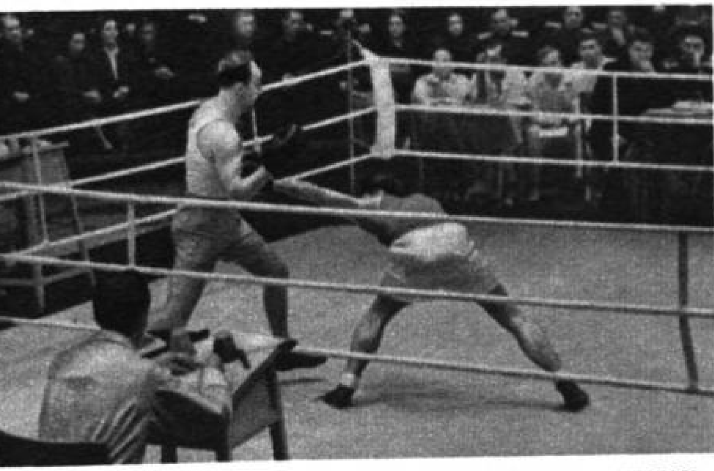
Мастер спорта В. ПУШКИН



Сборная команда боксеров Советского Союза, выигравшая все встречи. Слева направо: тренер команды заслуженный мастер спорта Е. Огуренков, боксеры А. Булаков, Р. Усманов, А. Засухин В. Яковлев, Г. Лободин, С. Щербаков, Г. Толстиков, Б. Назаренко, А. Перов и А. Шоцикас.

Момент боя А. Засухина и И. Гюлева (Болгария).

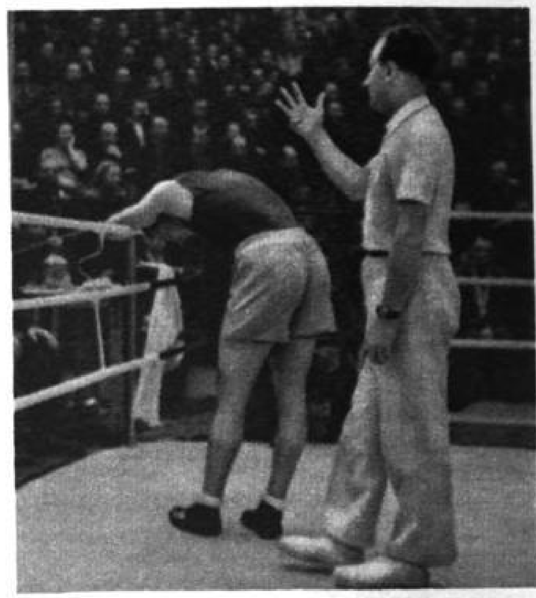
Чемпион СССР А. Шоцикас атакует Г. Нетука (Чехословакия).



Советский боксер Б. Назаренко точным ударом останавливает своего агрессивного противника Г. Новара (Польша).

Немецкий боксер И. Кацеровский пытается нанести удар по корпусу польскому боксеру З. Хихла. Но польский боксер настороже.

Чемпион олимпийских игр и чемпион Европы Ласло Папп (Венгрия).



После удара А. Перова венгерский боксер И. Фазекаш почувствовал себя плохо. Десять секунд дается боксеру, чтобы он вновь вступил в бой. Но Фазекаш не смог продолжать соревнование. Ему засчитано поражение.

Фото М. Лешина и А. Бочинина

Басни

Армавир ДАРБИН

Рисунки Е. Ведерникова

ЗМЕЯ НА ДОРОГЕ

Выползла змея на дорогу — тут и смерть ей.

Армянская поговорка.

Однажды весной,
разомлев от тепла,
Змея
на проезжей дороге легла.
Орел,
что высоко под тучей парил,
увидев Змею,
удивленно спросил:
— Зачем ты лежишь,
неразумная,
тут?
Здесь люди проходят, повозки бегут!
Но злобно Змея прошипела
в ответ:
— Отстаньте! Мне дела до этого нет!
Пусть кони и люди, — сказала Змея,—
по горным тропинкам обходят меня!..
И снова
Змея на дороге лежит...
Вдруг даль оглашается
стуком копыт.
Колеса телег, пронесясь над Змеей,
смешали гадюку с песком и землей.

. . . .

От участи этой змеи не уйти
любому, кто встанет у нас на пути

МУДРЕЦ И АИСТ

В какой-то горячий
весенний денек
Мудрец
под тенистой чинарой
прилег.
Лежал он,
раздумывал,
бороду гладил.
Тем временем
Аист
гнездо свое ладил.
На птицу
взглянул удивленно
Мудрец:
— Откуда чудовище это
творец?
Зачем ей такие огромные ноги,
как будто шагает она по дороге?
Ей клюв этот длинный
отнюдь не к лицу!
И молвил Мудрец,
обращаясь к творцу:
— Аллах,
ты мне дерзость такую прости
но в птицу
я должен
поправку внести!
На дерево
старец проворно взобрался
Как Аист испуганный
ни отбивался,
за клюв
его цепкая держит рука —
сияют от счастья
глаза старика.
Затем он молитву прочел
из Корана
и острую бритву извлек
из кармана,
и Аисту ноги и клюв он
отсек
и, крайне довольный,
серьезно изрек:
— Теперь своим видом
ты можешь гордиться:
тебя превратил я
в красивую птицу!

. . . .

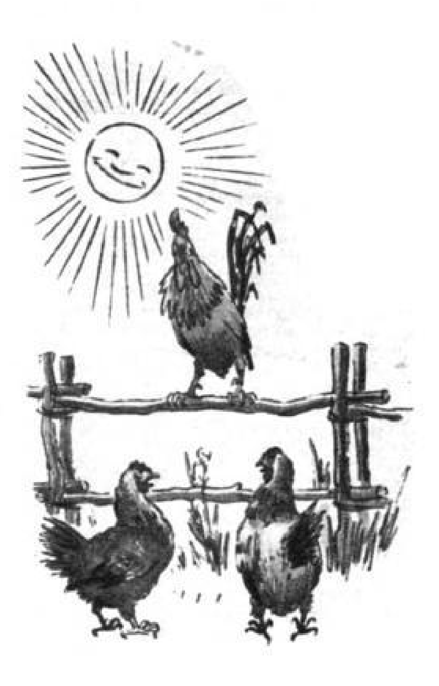
Встречаются в жизни
подобные факты.
Недавно попался мне
грозный редактор.
На что б ни взглянул он —
роман ли, рассказ, —
тотчас же ворчит:
— Он растянут у вас!
И, сдвинув сурово
мохнатые брови,
он срежет главу,
подсечет предисловье
и молвит:
— Скажите спасибо, приятель,
теперь вы уже
настоящий писатель!..

ПЕТУХ И СОЛНЦЕ

Один Петух промолвил курам:
— Взойдет ли Солнце, светоч дня,
иль будет небо злым и хмурым,
зависит, куры, от меня!
Не запою я ку-ка-ре-ку
(допустим, захочу поспать) —
ни деревцу, ни человеку
сиянья Солнца не видать!..

Но Петуха отнес крестьянин
назавтра в город, на базар.
А утром, жарок, разрумянен,
всплывал над лесом Солнца шар.

Сверкая праздничным величьем,
бросал он свет на дол и луг,
хотя на том дворе, на птичьем,
в то утро не пропел Петух.



КРОТ-ПТИЦЕВЕД

Крот книгу написал
«Пособие для птиц».
На тысяче страниц
под толстым переплетом
он поучал орлов,
касаток
и синиц,
как овладеть полетом.

— Но ты ж не знаешь птиц!
Живя в норе своей,
ты сроду не летал
и под землей родился!
Так как же ты на этот труд решился?! —
воскликнул честный Соловей.

— Э, милый Соловей,
наивен ты, видать, —
ответил Крот,—
и твой вопрос некстати.
Неважно, что писать,
важнее, как издать,
а мой приятель Чиж —
редактор в «Птициздате»!

Перевел с армянского
Л. ГИНЗБУРГ

Перебирая старые документы...

«ЧАСОВНЫЙ МАСТЕР» АНДРЕЙ ДАНИЛОВ

1690 год. Подьячий Казенного приказа читает по складам неразборчивую челобитную:

«Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу всеа великия и малыя и белыя России самодержцем бьет челом холоп ваш Троицкой башни часовник Гришка Алексеев. В прошлом государь ... году волею божию часовника Спасской башни Андреяна Данилова не стало. А после смерти ево осталась вдова Улита бездетна и безродна. И живет на той Спасской башне и часы держит не уставно. По многие времена часы мешаются. Бывает у ней один час продлится против двух часов, а бывает в одном часе два часа поскорит...»

...Этой любопытной челобитной (она хранится в Центральном государственном архиве древних актов) устанавливается приблизительная дата смерти русского мастера Андрея Данилова — одного из представителей блестящей плеяды русских часовых мастеров XVII века.

Издавна прославлено было русское часовое искусство. Еще в XVI веке некий безвестный часовник изобрел маятниковый регулятор. В начале следующего столетия славилось имя мастера Потапа Моисеева. В 1620 году «часовный мастер» Моисей Терентьев сделал невиданные крохотные часы в перстне; в 1666 году он же соорудил один из первых в мировой истории автоматов: «Три образца, один — как молотить колесами и гирями без воды, другой — как воду привесть из пруда к виноградному саду, третий — как воду выливать из риг гирями ж и колесы».

Данилов был достойным наследником старых традиций. Он пришел на Спасскую башню московского Кремля в 1655 году и с тех пор бессменно в течение тридцати с лишним лет руководил часовым делом в Москве.

В 1681—1683 годах Данилов поставил на Троицкой башне новые часы собственной оригинальной конструкции. Но часам этим не суждено было долго стоять на месте. В 1685 году на Троицкой башне надстроили высокий, существующий и поныне, верх. По новым масштабам старые часы были малы; их перевезли в пригородную царскую усадьбу — село Преображенское, где в то время учил своих «потешных» молодой Петр. Данилову поручили сделать новые часы — краше и больше первых.

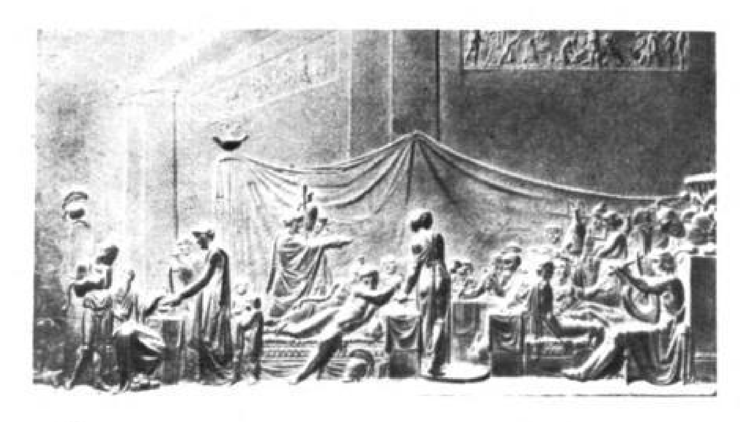
Через год новые часы были готовы. Это было удивительное сооружение. Весь механизм Данилов сделал разборным, «на чеках».

Циферблат — «указное колесо» — старых часов имел в диаметре 4 аршина, цифры — «слова» — были высотой в 10 вершков. Новые часы Данилов сделал побольше, однако все же меньше спасских часов: здесь каждое «слово» было высотой в аршин.

В Пушкарском приказе отлили для Троицкой башни новый часовой колокол весом в 100 пудов (старый весил только 30 пудов). Четверти выбивали семь меньших колоколов — «перечасных».

Часы на Троицкой башне были последней работой Данилова. Вскоре он умер. Но каждый раз, проходя мимо башни, москвичи видели «указные колеса» часов со «словами» и «звездами», покрытыми сусальным золотом, и вспоминали их замечательного мастера.

Е. НЕМИРОВСКИЙ



Открытие гальванопластики

Открытие гальванопластики русским академиком Б. С. Якоби относится к 1836 году, когда он был еще профессором Дерптского университета. 5 октября 1837 года — дата обнародования этого открытия: в этот день непременный секретарь Академии наук сообщил академии полученное им накануне письмо Якоби, содержавшее подробное описание нового открытия.

В том же году о достижении Якоби сообщила газета «Санкт-Петербургские Ведомости», напечатав большую статью «О новом открытии, сделанном профессором Якоби». Это известие было перепечатано в зарубежной прессе — английской, французской и немецкой. В Парижской академии наук непременный ее секретарь, ученый Доминик Араго выступил с сообщением, произведшим подлинную сенсацию.

Гальванопластику сравнивали с изобретенной незадолго до того фотографией. Журнал «Художник», например, писал: «То, что Даггер сделал для рисунка, господин Якоби сумел сделать для скульптуры... Чтобы быть справедливым, мы должны признать со всем миром, что Россия, гордясь изобретением господина Якоби, стала распространять его с гораздо большей быстротой и бескорыстием, чем это сделала Франция, подарив Европе даггеротип, притом даггеротипу предшествовали в Европе различные, взятые заранее патенты на изобретение, так что каждое государство внесло свою часть в изобретение, подаренное ему нами. Господин Якоби проявил в этом смысле больше щедрости. Он распространил свой секрет во всем его объеме».

Якоби вообще не патентовал свои изобретения, но в данном случае русское правительство, выдав ему большую награду — 25 тысяч рублей,— обязало его опубликовать для всеобщего пользования достижения отечественной науки. Это было сделано после того, как Якоби сообщил министру просвещения С. С. Уварову об открытом им способе покрывать металлы металлами электрическим путем. При этом Якоби приложил гальванопластическое воспроизведение барельефа известного русского скульптора и медальера Ф. П. Толстого (1783—1873); на барельефе была изображена сцена из «Одиссеи» Гомера.

Несмотря на, казалось бы, неоспоримый приоритет Якоби, во Франции и в Англии ловкими дельцами были сделаны попытки присвоить русское изобретение. Правда, попытки эти были пресечены самими французами и англичанами. Так, о главном претенденте считаться изобретателем гальванопластики — Томасе Спенсере — его соотечественник Генри Диркс писал Якоби: «Мистер Спенсер — грубый и упрямый человек и, кажется, решил стать гением, хотя природа, очевидно, предназначила ему быть только механиком».

Экземпляр выполненной Якоби гальванопластической работы бережно хранится в ленинградском Эрмитаже.

М. РАДОВСКИЙ

Недавно сообщили, что многие западногерманские газеты, отличившиеся как особо яростные поджигатели войны, получили от США денежную поддержку.

Западногерманские продажные писаки получают свое жалованье («Нейес Дейчланд»).

АПЕЛЬСИНЫ МАШИНИСТА ПРОЦЕНКО

В зимние дни на квартире у машиниста пассажирского паровоза Вяземского депо Дальневосточной железной дороги Алексея Проценко перебывало много гостей. Они с восхищением и любопытством смотрели на апельсиновое дерево с крупными золотистыми плодами.

Как же А. Е. Проценко удалось вырастить на Дальнем Востоке апельсины?

Двенадцать лет назад отец Алексея Проценко, Ерофей Андреевич, работавший билетным кассиром на станции Аван, купил в ресторане курьерского поезда несколько апельсинов. Когда плоды были съедены, Ерофей Андреевич посадил зерна в ящик и поставил на подоконник. Зерна проросли. Один из наиболее сильных побегов кассир оставил. Однажды, когда растение уже достигло метровой высоты, в гости к Ерофею Андреевичу приехал сын Алексей. Деревцо понравилось машинисту, и отец подарил его сыну. И вот Алексей привез цитрусовое на станцию Вяземская.

Шли годы, деревцо крепло и развивалось. К двенадцатому году своей жизни оно выросло более чем на два метра. Апельсиновое деревцо раскинуло пышную крону до самого потолка и в середине апреля 1951 года неожиданно покрылось белоснежными душистыми цветами. Квартира наполнилась тонким ароматом.

Алексей Ерофеевич обзавелся садоводческой литературой и в часы отдыха с увлечением изучал ее. Часть цветов он оборвал, а оставшиеся терпеливо опылял. С одного цветка он переносил пыльцу на второй, и так, пока не опылил все цветы. Ревностно наблюдала семья Проценко за поведением своего питомца. Вот лепестки стали опадать, и появилась завязь плодов. Медленно наливались они и зрели. Только на восьмой месяц все шестнадцать апельсинов стали желтеть. К Новому году отец сорвал для детей — Тамары и Зои — по первому плоду. Какие это были ароматные и вкусные апельсины!

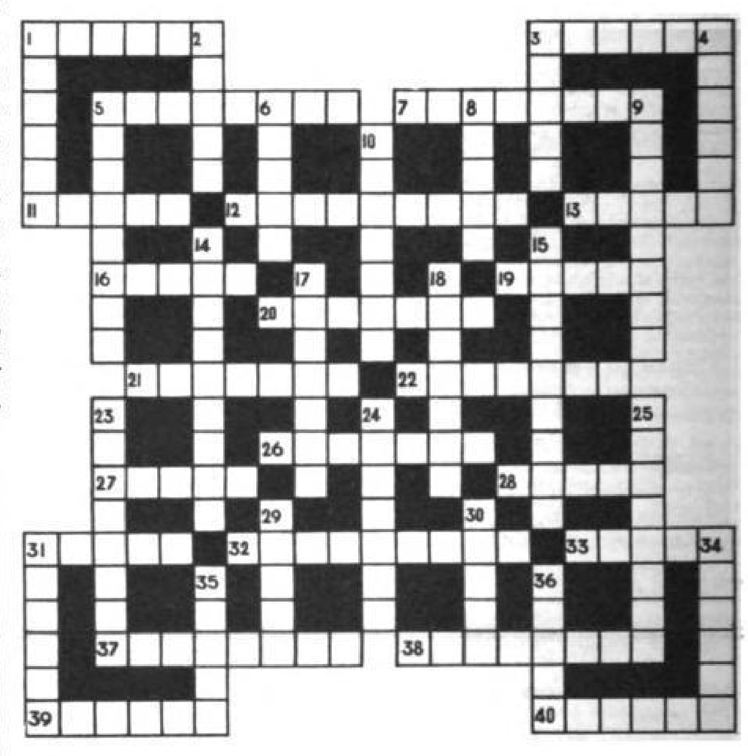
Мы обратились к лауреату Сталинской премии садоводу А. В. Болоняеву. Он сообщил, что машинист А. Е. Проценко, быть может, даже не подозревая сам о том, вывел новый сорт апельсина. Внешняя среда (комнатные условия), плодоношение без прививки и искусственное опыление повлияли на растение таким образом, что оно не повторило своих родителей, а дало совершенно новый сорт апельсинов, с новыми вегетативными качествами.

С. РОСЛЫЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Одна из вершин Кавказского хребта. 3. Вопрос, требующий разрешения. 5. Известный русский мореплаватель. 7. Прибор для измерения упругости газа и жидкости. 11. Откидная покрышка у различных механизмов. 12. Прекращение военных действий на определенный срок. 13. Защитная облицовка. 16. Имя одной из сестер в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». 19. Узбекский поэт и мыслитель. 20. Марка советского автомобиля. 21. Помещение для лошадей. 22. Порт во Франции. 26. Брус вдоль верхней кромки борта судна. 27. Название нескольких пород ядовитых змей. 28. Латышская писательница. 31. Нити, полученные прядением. 32. Река в Сибири. 33. Музыкальный инструмент, ведущий первую партию. 37. Персонаж из романа Л. Н. Толстого. 38. Автономная советская республика. 39. Оборона. 40. Остров в Индийском океане.



По вертикали:

1. Смолистое вещество, из которого вырабатывается резина. 2. Способ плавания. 3. Часть ружья. 4. Декоративное растение. 5. Искусство резьбы по камню. 6. Музыкальное произведение для девяти инструментов. 8. Герой поэмы А. С. Пушкина. 9. Типографский оригинал, с которого делают набор. 10. Обозначение оценки знаний учащегося. 14. Государство в Азии. 15. Корнеплод. 17. Проезд, проложенный под землей. 18. Взрывчатое вещество. 23. Один из изобретателей электросварки. 24. Роман Ф. Гладкова. 25. Русский астроном. 29. Сохранившийся памятник древнего искусства. 30. Политическая и административно-хозяйственная единица. 31. Официальное распоряжение. 34. Желтая краска. 35. Подводная отмель. 36. Единица исчисления времени.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

4. Колизей. 7. Наставление. 10. Балатон. 11. Станция. 15. Марш. 16. Алапаевск. 19. Трап. 20. Покрышка. 21. Антилопа. 22. Гимн. 23. Антропоид. 27. Яхта. 28. Полином. 29. Овоскоп. 31. Демонстрант. 32. Личинка.

По вертикали:

1. Кострома. 2. Битва. 3. Берестов. 5. Канава. 6. Ситник. 8. Шамшуренков. 9. Дистиллятор. 12. Рагозин. 13. Базаров. 14. Карпаты. 17. Локон. 18. Санки. 23. Алигер. 24. Теодолит. 25. Отвертка. 26. Десант. 30. Эскиз.

В этом номере помещены репродукции картин А. М. Грицая, В. П. Ефанова, Л. С. Котлярова, К. М. Максимова, Б. В. Ставицкого, П. Ф. Судакова, Б. В. Щербакова — «Заседание президиума Академии наук СССР», В. К. Нечитайло — «Прием в партию», О. А. Кипренского — «Автопортрет», Т. Г. Шевченко — «Крестьянская семья», «Форт Кара-бутак», «Автопортрет» и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 01352. Подписано к печати 18/III 1952 г. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 232. Заказ № 511. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Черемуха

ЛИРИЧЕСКАЯ ШУТКА

СЛОВА М. ИСАКОВСКОГО МУЗЫКА Л. БАКАЛОВА

1. Что, друзья, случилося со мною;
Обломал я всю черемуху весною,
Я носил, таскал ее возами,
А кому носил, вы знаете и сами.
Вечерком спешил я из-за речки,
Целый ворох оставлял я на крылечке;
Я бросал в окошко молчаливо
Белое лесное сказочное диво.
2. Я хотел, чтоб девушка вниманье
Обратила на мое существованье,
Чтоб она хоть раз, да услыхала,
Как душа моя в черемухе вздыхала.
А она, притворная, молчала,
Словно вовсе ничего не замечала,
Да к тому ж за все мои печали
На селе меня Черемухой прозвали.
3. Как иду я, шепчутся девчата:
Дескать, вон идет Черемуха куда-то,
И поют, конечно, не случайно:
Отчего, мол, ты, черемуха, печальна?
И хожу я со своею болью,
Со своею несказанною любовью,
Что мне делать, сам не понимаю,
Но сирень я тоже, видно, обломаю.

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ РСФСР

РОСТЕКСТИЛЬШВЕЙТОРГ

ТКАНИ.

ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ, ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Специализированные магазины находятся в Москве, Ростове-на-Дону, Архангельске, Барнауле, Брянске, Владимире, Вологде, Горьком, Грозном, Иванове, Ижевске, Калинине, Казани, Куйбышеве, Краснодаре, Кирове, Новосибирске, Омске, Свердловске, Саратове, Сталинграде, Ставрополе, Смоленске, Туле, Таганроге, Челябинске, Ярославле, Щербакове, Шахтах, Томске, Магнитогорске, Кемерове, Уфе.

Цена номера 3 руб.